Военно-
историч.
сборник
Вып. 1.
М., 1919.
373076

Военно-исторический сборник

Труды „комиссии по исследованию и использованию опыта войны“ 1914-1918 г.г.

Выпуск 1

Москва
1919 г.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК.

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙНЫ
1914—1918 г.

ВЫПУСК 1-й.

МОСКВА.—1919.

МОСКВА.
Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., собств. дом.
1919.

Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.

До 15.000.000 русских граждан, оторванные от своих очагов, переодевшиеся в серые солдатские шинели, жили в течение 4 лет необычными интересами, отдавали свою кровь и здоровье, работая над разрешением задач, приковывавших в мирное время внимание немногих специалистов,—преимущественно генштаба.

За их спиной весь 180 миллионный русский народ чувствовал себя выбитым из будничной колеи. Привлеченный к новым отраслям труда, он вырабатывал бесчисленное количество требуемых предметов снаряжения, боролся с растущей дороговизной и голодом, выносил бедствия эвакуации и наплыва беженцев, посылал в действующую армию безконечные маршевые роты, табуны лошадей, гурты скота.

Непосредственно ощущаемые результаты войны — перекройка карты Европы и ее колоний, экономический кризис, революция в России, Австро-Венгрии и Германии, изменившие основы их государственности. Но и в тех государствах—романской и особенно англо-саксонской рас, строй которых пока выдерживает связанные с войной потрясения, произошли глубокие изменения взглядов на право и целесообразность вмешательства государства в частную деятельность его граждан, на организацию и координирование всех производительных сил страны, на право государства стеснять свободу граждан и и требовать от них жертв имуществом и кровью.

Глубокие социальные изменения, вызванные всемирной войной, явятся об'ектом изучения, организуемого социалистической академией. Предсказания политико-экономистов, начиная с Блиоха, не предвидевших возможности для государств капиталистического строя развивать многолетние напряжения, связанные с войной, оказались несостоятельными, и необходимо тщательное изучение социальных явлений, связанных со всемирной войной, для возможности новой постановки диагноза о

силе и способности государств, находящихся на различных ступенях промышленного развития, к упорной войне.

Военное ведомство в лице своего исторического органа, стоит перед другой стороной в изучении всемирной войны. Все тактическое развитие армий в ближайшие десятилетия будет базироваться на толковании опыта войны. Необходимо сделать из него правильные выводы для организации, обучения и введения в бой вновь создаваемой вооруженной силы. Армии всех капиталистических государств выделят для этой задачи все свои лучшие технические силы, так как она требует сложной и напряженной работы. Опыт франко-австрийской войны 1859 года был изучен в Германии через три года, вследствие личного руководства Мольтке историческими работами. По опыту войны 1870 года Германия успела только в 1888 году перестроить уставы в соответствии с тактикой заряжаемого с казны оружия.

Нужна тщательная критическая работа, чтобы не пойти по ложному пути, чтобы не дать ошибочных обобщений, примером коих назовем—у американцев, после войны Севера с Югом, выводы о невозможности наступать на линию окопов, занятую шеренгой стрелков,—у англичан, после войны с бурами, о невозможности вообще фронтального наступления,—и у русских, из успешной обороны Порт-Артура в 1904 году, о возможности длительного сопротивления изолированной крепости в европейской войне.

Всемирная война выдвинула новые формы стратегии: протянулись на тысячи верст неизвестные до того широкие фронты, показались армии, возрождающиеся в короткое время после самых тяжелых неудач; преследование вне поля сражения потеряло свою силу; по ограниченности цели отдельных операций мы как бы переселились вновь в XVIII век. Современный пехотный полк занимает больший участок поля сражения, чем вся армия Наполеона под Бородиным, и располагает более совершенным и сложным аппаратом связи. Управление войсками предъявляет к начальникам новые, весьма повышенные требования. Переброски войск во время боя по железным дорогам и на автомобилях обратились в нормальное явление, резервы разместились в вагонах и у железнодорожных узлов, и мысль Мольтке, что ошибки в первоначальном развертывании являются неустранимыми в дальнейшем ходе войны,—уже устарела.

Тактика, считающаяся с новым масштабом времени и пространства боев, получила в свое распоряжение невиданные технические средства для создания крепкого фронта перед

неприятелем и для прорыва неприятельских позиций. В полевых боях выпускается такое количество боевых припасов, применяется так широко лопата и технические части, как раньше это казалось мыслимым только при осаде крепостей. Бой идет в отравленной газами атмосфере, с борющимися над батареями за господство на воздухе эскадрильями аэропланов, на поле сражения, окутанном телефонными проводами, при ежеминутной возможности столкновения с танками и бронированными автомобилями—и необходимо глубокое изучение новых условий ведения боя, что бы извлечь всю возможную пользу из имеющихся средств, из готовности войск на самопожертвование, и восторжествовать над волей врага.

Всемирная война на одном русском фронте занесла в летопись военной истории многие сотни боев, из которых каждый, по количеству участников и пролитой крови, в предшествующую эпоху получил бы название сражения и привлек бы к себе большое внимание. Миллионы дел штабов и войсковых частей, разбросанные по архивам и большей частью еще не систематизированные, заключают в себе документы, по которым военный историк может осветить фактическую сторону событий и написать для войск интересные и поучительные страницы. Это богатство архивного материяла ставит перед Комиссией по исследованию опыта войны вопрос—с чего начать и в каком направлении вести работы?

Наиболее поучительными являются те боевые события, которые потребовали от войск крайних напряжений, где мы можем наблюдать в наиболее полной форме назревание и разрешение кризиса боя. Это—как раз те крупные операции, в которых наши войска, умело руководимые, геройски приносили все требуемые от них жертвы и добивались поставленных задач, или же вследствие бестолкового управления, недостатков в организации и снабжении, оказывались в катастрофическом положении. Исследование опыта войны, без изучения и освещения фактической стороны этих основных крупных операций, невозможно. Мелкие частные вопросы военного искусства, рецептурная сторона военного дела, по которой многие ожидают от Комиссии немедленных и точных указаний, разрешатся сами собой, когда будет пролит свет над основными операциями войны, и будут решены в стройной системе. Все попытки переиздания уставов, до уяснения себе, в широком масштабе, смысла и значения той эволюции, которую пережило военное искусство во время войны, будут разбиваться вследствие отсутствия единого тактического мировоззрения.

Те самые утилитарные задачи, которым призвана служить Комиссия, влекут ее к затрате усилий на описание и исследование важнейших военных операций. К этому влечет нас и другое соображение: каково бы ни было отношение народа к минувшей войне, он должен внимательно отнестись к усилиям, упорству, самоотверженю и памяти тех, которые не считая, усеяли своими скромными могилками нашу западную окраину. Постановка им памятника, в виде официальной истории войны, неизбежна для всякого правительства, продолжающагося нуждаться в вооруженной силе и вновь призывающего народ к жертвам. Воинская доблесть нуждается в культе и культ воинской доблести необходим, чтобы одерживать победы. Французская революция стала великой потому, что не только не подавила воинственные качества французского народа, но девизом свободы, равенства и братства раздула в засиявший на весь мир костер искру военных традиций Тюрена. Швейцарская республика располагает в своей милиции надежной армией потому, что в швейцарском народе военная доблесть пользуется глубоким уважением; в этом самом свободном народе сильны военные традиции, сильна память о подвигах тех швейцарских солдат, которые в течение столетий составляли отборное ядро, гвардию многих государств. Заграничная печать—и не только немецкая, но и союзническая, стремится уже исказить смысл событий прошлой войны, умалить в ней сыгранную Россией роль, создать о русской армии и русском солдате ложное представление—и это является одним из звеньев политики, стремящейся к балканизации, раздроблению России. В настоящий момент, когда всякому самоопределению народов открыта широкая дорога, память об общем величественном историческом прошлом особенно дорога, как цемент, связывающий нас в одно целое.

Таким образом, утилитарные и пиэтические требования, стоящие перед Комиссий по исследованию опыта всемирной войны, совпадают во всех частях, и заставляют ее начертать следующий план работ. Прежде всего необходимо обработать краткий очерк всей войны, для потребностей широких кругов армии и народа, который в тоже время служил бы канвой для последующих работ Комиссии. На эту работу уже привлечена половина работников Комиссии. Одновременно разрабатывается ряд монографий по отдельным крупным операциям: Томашевская операция, как тип современного встречного боя; 4 армия в Галицийской битве, каковое описание дает картину армии, неудачно завязавшей сражение, расстроенной и принужденной

к отходу, и затем, под новым осторожным и разумным управлением, усиленной резервами, успешно отстаивающей Люблин и в том же сражении переходящей в победоносиое наступление; бои на Золочевских высотах и Гнилой Липе, в которых русские войска используют свой численный и моральный перевес над австрийцами для безостановочного наступления к Львову; первое наступление генерала Ренненкампфа в Восточиую Пруссию—как исполнение наших договорных обязанностей по отношению к Франции, вписавшее блестящие страницы в работу нашей пехоты и артиллерии и выясиившее банкротство нашей конницы, неподготовленной к современной оперативной работе, и недопустимую эгоистичиость стратегии вождя 1 армии; Самсоновская катастрофа — постигшая армию, не имевшую крепкой спайки, со сборными, неокрепшими штабами, с управлением, упорствующем в своих ошибках; Лодзинская операция, как период наибольшего пашего нажима на Германию, заставившего ее прервать битву на Изере, отказаться на полтора года от наступательных действий во Франции и повернуться против нас главными силами; Луцкий прорыв—как образец атаки и разгрома неприятельского фронта, стоящий по энергии и исполнению много выше одиовременных атак французов и англичан на Сомме; наконец наступление в июне—июле 1917 года, так форсированное Керенским, вопреки состояния нашей армии и отозвавшееся на ией столь болезиенно; Рижская операция в августе того же года, на которую ие только в широких кругах, но и среди руководителей армии ие устаиовилось еще определенного взгляда.

Особое положение от этих монографий, иамечающих первую очередь подлежащих исследованию военных операций, ставит другой ряд исследований, также уже начатых Комиссией. Поучительная история франко-русской и других военных конвенций, в связи с обменом мнений между верховным комаидованием армий согласия и происходившими в Париже, Шантильи и Риме конфереициями, будет изложена в оценке давления союзной стратегии на наши операции. Исследование снабжения—его состояния к началу войны, пред'являеиных армиями во время ее требований и мобилизация нашего тыла, будет составлено виднейшими работниками по артиллерийскому, интендантскому и инженерному снабжению. Наконец, целый ряд вопросов военного искусства, по вопросам маиевренного боя, борьбы за укрепленные позиции, эволюций артиллерийской и инженерной техники, употребления самостоятельиой и дивизиоиной конницы, также намечеи, как первоочередная работа.

Разрабатывая, таким образом, паралельно, две серии монографий, из коих одна посвящена истории войны в тесном смысле, другая—исследованию подготовки к войне, организации тыла и вопросам военного искусства, Комиссия будет периодически издавать и отдельные сборники трудов, в которых будут заключаться как освещение запросов по военному искусству, выдвигаемых в армии, так и изложение коротких, поучительных боевых эпизодов, на которые наталкиваются сотрудники Комиссии в архивах, при выполнении порученных им работ. Сборник будет печатать отзывы о военной литературе, посвященной разработке истории войны, интереснейшие письма и дневники участников войны. Первым является дневник очень достойного русского солдата, рабочего Путиловского завода, Штукатурова, печатание которого начато в настоящем сборнике.

Велика программа трудов Комиссии; трудна обстановка работы, состояние архивов войны только начинает проясняться из хаоса, в который они были повергнуты эвакуациями и беспорядочной свалкой их в едва мыслимые для архива помещения. Но все сотрудники Комиссии принялись за работу в твердой уверенности в том, что они призваны к большому делу и что вся масса участников всемирной войны, все потерявшие в ней дорогих людей и чтущие их память,—будут друзьями Комиссии и помогут ей в ее трудном деле—и присылкой писем, документов, оказавшихся у них случайно дел, давая Комиссии правдивые указания о минувших боях, и, откликаясь в печати на работы Комиссии, внося в нее свои поправки, критикуя хотя бы сурово, но не во осуждение, а с целью направить работу на верный путь.

Прусскому генеральному штабу, приступившему к составлению истории войны 1870—1871 гг., приходилось считаться с репутациями дутых героев войны, вроде принца Фридриха-Карла, и надо было опасаться развенчать их в глазах Германии. Поэтому явился завет Мольтке: „правду, только, правду, но не всю правду.“ Нашим же девизом будет—правда, только правда и вся правда.—Истинных героев и мучеников всемирной войны эта правда не развенчает и память их не оскорбит.

А. Свечин.

Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 года.

Общая политическая обстановка 1913 и 1914 годов ясно указывала на возможность вооруженного столкновения между группой Германского союза и группой Английской, так называемого Согласия. Всюду кипела энергичная работа по подготовке к войне, то-же самое делалось и у нас. в частности, многочисленные комиссии проверяли мобилизационную готовность как войск, так и управлений воинских начальников; в войсках молодые солдаты обучались по сокращенным программам и т. д. К числу таких же подготовительных к войне работ относится военная игра командующих войсками округов, проделанная в Киеве с 20 по 24 апреля 1914 года. В основу этой игры были положены наши действительные предположения на случай войны с Австро-Германией, наличная политическая обстановка, данные о возможных противниках, какие на самом деле имелись в Главном Управлении Генерального Штаба, и наконец, к участию в игре привлечены были, за малыми исключениями, те генералы, которые предназначались к занятию должностей командующих армиями, фронтами и соответствующих начальников штабов. В штабе руководителя, военного министра, должны были работать начальники Главных Управлений, а действовать за противника чины Главного Управления Генерального Штаба, которые разрабатывали подготовку соответствующих фронтов. Уже из этих немногих слов видно, что киевская военная игра должна была дать чрезвычайно важные указания по подготовке к войне. Но главнейший ее интерес заключается в том, что она велась непосредственно перед войной, всего за три месяца, а потому является возможность сравнить насколько наши предположения и выводы, добытые игрой, соответствовали действительности.

I.

В основании задания были положены соображения по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами тройственного союза, утвержденные 25 сентября 1913 года. Согласно этим соображениям, политическая обстановка представлялась в случае войны в следующем виде:

Наиболее вероятными противниками нашими на западе являются Германия и Австро-Венгрия.

Что касается Румынии, то, несмотря на несколько изменившееся положение ее в отношении держав Тройственного Союза, тем не менее, при войне на западе, мы все же должны считаться с возможностью неприязненных выступлений ее против нас.

Такое же положение может занять Швеция и особенно Турция. Однако оба эти государства по своему географическому положению не будут в состоянии принять участие в борьбе на главном театре; вероятнее предположить развитие действий на отдельных театрах, вследствие чего потребуется для борьбы с ними выставить отдельные силы.

Одновременно с нами должна была об'явить мобилизацию Франция, а затем и Англия, которая могла помочь Франции своим дессантом. Наконец можно было ожидать присоединения к Тройственному Согласию Италии и Балканских держав.

В соответствии с этим, Германия могла направить свой главный удар на Францию, которая кончала свою мобилизацию почти одновременно и следовательно раньше могла перейти и к активным действиям.

В этом случае для восточного театра Германия могла уделить относительно небольшие силы, развертывающиеся в В. Пруссии.

Таким образом, в первое время мы могли иметь против себя главного противника в лице Австро-Венгерской армии. Впрочем, и Австрия не могла направить против нас все свои силы, так как ей приходилось считаться с возможностью выступления на стороне держав Согласия, что уже указывалось, Италии и Балканских государств.

По тем же соображениям и Румыния могла направить против нас не более 3—4 корпусов, считая и резервные части.

Возможна была и иная комбинация, впрочем, менее вероятная, а именно, что Германия направит против нас более значительные силы и таким образом ее армия являлась бы опасным противником.

В обоих случаях главной целью действий являлся разгром Австро-Венгерской армии, а действия против немцев должны были выразиться в обеспечени этой операции, при чем с увеличением сил немцев соответственно и мы должны бы увеличивать свои силы, действующие против них.

Однако, во всяком случае, нам приходилось считаться с нашими обязательствами по отношению к союзникам, притянуть на себя возможно больше сил Германии, дабы облегчить успех на западе. Это же отвлечение сил Германии было необходимо и для обеспечения успеха действий наших южных армий против Австро-Венгрии.

Общее количество войск, которое мы с наибольшей вероятностью могли ожидать против себя на Западном фронте, видно из следующей таблицы:

Государства.	Корпус,	Отдельн. кавалер. дивизий.	Полк. дивиз.		Всего		
			Полевых.	Резервных.	Батал.	Эскадр.	Орудий.
Германия	3—6	3	6—12	10—13	194—308	126—159	876—1464
Австро-Венгрия	12—13	11	41—38	6	714—674	380—373	2652—2514
Румыния	3	2	7	4	132	67	557
Итого	18—22	16	54—57	20—23	1040-1114	573—599	4085—4535
		74—80					

Районом первоначального развертывания наших противников можно было считать: для Германии—В. Пруссию, Австро-Венгрии—Восточную Галицию и Румынии—Среднюю или Северную Румынию.

Готовность к переходу в наступление всеми показанными в таблице силами определялась:

Германии—на 13 день утром
Австро-Венгрии—на 16 "
Румынии—при развертывании:
Северной Румынии на 18 день утром
Средней Румынии—на 15 " "

В свою очередь Россия могла выставить из войск Европейской России и части Кавказских всего:

баталионов—1456
эскадронов—1019
орудий—5294

Отсюда, однако, надо было исключить войска для охраны Петербурга и Черноморского побережья. Тогда мы могли иметь для действий на Западном фронте:

баталионов—1288
эскадронов—945
орудий—4712,

т.-е. в общем мы имели бы в этом случае превосходство в силах на:

174—248 баталионов
346—372 эскадронов (сотен)
177—627 орудий.

Такое превосходство в силах мы могли бы иметь, однако, лишь в том случае, если бы Германия направила свой главный удар на Францию, что хотя и было наиболее вероятным, но не безусловным.

Поэтому, чтобы обеспечить себе еще большее превосходство в силах, мы могли рассчитывать на подвоз более или менее значительных подкреплений с наших восточных окраин. Тогда мы получили бы безусловный перевес в силах при всех комбинациях и имели бы:

1566 батальонов.
1063 эскадрона (сотен).
5708 орудий.

Несмотря на общее превосходство в силах, мы, однако, сильно отставали от наших возможных противников во времени сосредоточения.

Как было уже указано, они могли начать наступление на 16 день, мы же к этому времени могли иметь лишь 50% сил. Полный же сбор всех сил, не считая азиатских корпусов, достигался лишъ к 26 дню мобилизации. Наконецъ, азиатские корпуса достигали линии Смоленск, Брянск, Никитовка в период с 26 по 41 день, и с этой линии могли быть направлены в любой район.

Вот вкратце политическая и стратегическая обстановка к весне 1914 года, которая и была принята в основание для нашего плана сосредоточения, и в частности для киевской игры.

Въ соответствии с ней, наши вооруженные силы на западной границе распределялись следующим образом. Всего формировалось 8 армий, из коих 1 и 2 составляли северо-западный фронт и предназначались для действий против Германии (В. Пруссии). 4, 5, 3 и 8 армии составляли юго-западный фронт против Австро-Венгрии. 7 армия сосредоточивалась в районе Бендер на случай военных действий про-

тив Румынии и, наконецъ, 6 армия назначалась для охраны Петербурга и побережья Балтийского моря.

На прилагаемой схеме показано расположение армий и их штабов, а стрелками—направление и фронты наступления.

Стратегическая военная игра происходила в Киеве и киевском дворце. Первоначально ее предполагали сделать в марте, но затем окончательно был назначен срок с 20 по 24 апреля. Игра велась под руководством военного министра, ген. ад'ютанта Сухомлинова.

В штабе руководителя были: ген. Янушкевич—начальник генерального штаба (будущий начальник штаба верховного главнокомандующего) и ген. Данилов (будущий генерал-квартирмейстер того же штаба). Кроме того, в штаб руководства были приглашены: начальник главного управления Воен. Сообщ. ген.-лейт. Добрышин, главный интендант ген.-лейт. Шуваев и гл. воен. санит. инспектор Евдокимов. Само задание было разработано в главном управлении генерального штаба и подписано ген. Жилинским и утверждено военным министром.

Судя по документам, главная роль в штабе руководства принадлежала ген. Данилову. Что касается перечисленных выше начальников главных управлений, то никаких следов их работы не имеется.

Непосредственное участие в выполнении военной игры принимали следующия лица:

Северо-западный фронт.

Главнокомандующий—командующий войсками варшавского военного округа ген.-от-кав. *Жилинский.*

Начальник штаба—начальник штаба варшавского военного округа ген.-лейт. *Орановский.*

Команд. 1 армией—командующий войсками виленского военного округа ген.-ад'ют. ф. *Ренненкампф.*

Начальник штаба—начальник штаба виленского военного округа ген.-лейт. *Милеант.*

Команд. 2 армией—помощник командующего войсками варшавского воен. округа ген.-от-кавал. барон *Рауш-фон Траубенберг.*

Начальник штаба — генерал квартимейстер варшавского военного округа ген.-майор *Леонтьев.*

Юго-западный фронт.

Главнокомандующий—командующий войсками киевского военного округа ген.-ад'ют. *Иванов.*

Начальник штаба—командир 8 арм. корпуса ген.-лейт. *Алексеев.*

Командующ. 4 арм.—командующий войсками кавказского военного округа ген.-от-инфантерии *бар. Зальца.*

Начальник штаба—начальник штаба казанск воен. округа ген.-майор *Гутор.*

Командующий 5 армией—командующий войсками моск. воен. округа ген.-от-кав. *Плеве.*

Начальник штаба—начальник штаба московского военного округа ген.-майор *Миллер.*

Командующий 3 армией—командир XXI арм. корпуса ген.-от-инфант. *Чурин.*

Начальник штаба — начальник штаба киевского воен. округа ген. лейт. *В. М. Драгомиров.*

Командующий 8 армией — помощник команд. войсками киевск. воен. окр. ген.-от-инф. *Рузский.*

Начальник штаба — генерал-квартирмейстер штаба киевского воен. округа ген.-майор *Ломновский.*

Кроме того, в игре принимали участие целый ряд штаб-и обер-офицеров генерального штаба по избранию и назначению соответствующих старших участников игры.

Что касается предусмотренных планом сосредоточения 6 и 7 армий, то в виду особых задач, на них возложенных, они не были введены в задание.

Наконец, дабы не усложнять игры, предполагалось, что как планы перевозок, так и вообще весь тыл работают без задержки.

Однако, главнокомандующим фронтами и командующим армиями было предложено представить записки с оценкой общего положения к моменту начала боевых действий.

II.

В основание военной игры была положена следующая политическая обстановка:

Россия и союзная с ней Франция находятся в войне с Германией, Австрией и Италией.

Румыния приступила к мобилизации, но занимает выжидательное положение.

В соответствии с сим, как исходная данная, была дана следующая стратегическая обстановка:

Германия, вынужденная резделить свои силы, направляет главный удар против Франции, вследствие чего ограничивается развертыванием в В. Пруссии 10 полевых и 11 резервных пехотных дивизий.

Демонстрируя к линии Бобр-Нарев на фронт Остроленка—Осовец, она имеет в виду главный удар направить к стороне Среднего Немана на фронт Гродна—Олита. Общей целью этой операции ставится—быстрым и коротким ударом разбить наши неготовые передовые войска на среднем Немане, нарушить тем самым наши расчеты и, притянув на себя возможно большие силы, облегчить операции австрийских армий до стороны Галиции в северном направлении на фронт Седлец Брест-Кобрин.

Австро-Венгрия, развернув в Галиции, от Ярослава до Черткова, 40 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, имеет

целью семью корпусами (21 дивизия) перейти въ энергичное наступление, направляя их для главного удара на фронт Седлец-Брест-Кобрин и обеспечивая эту операцию остальными силами со стороны войск киевского военного округа.

Первый ход, по нижеследующим соображениям был приурочен к 10 дню мобилизации:

1) не позже как на 9 день мобилизации в штабе верховного главнокомандующего должно быть принято вполне определенное решение, собирать ли главную массу наших сил к северу от Полесья против Германии, или же наоборот,—главную массу сил развернуть к югу от Полесья против Австро-Венгрии;

2) уже на 9 день немцы могут начать наступление против наших армий, развертываемых на среднем Немане и на Бобр-Нарев, с расчетом на некоторый успех в виду нашей неготовности.

В соответствии с этим, главнокомандующему армиями северо-западного фронта к вечеру 9 дня были даны сведения о начавшемся вторжении немецких сил в Занеманский район, причем было указано, что вверенные ему армии должны остановить это наступление. Что касается обстановки к тому же времени на австрийском фронте, то, в виду более поздней (к вечеру 17 дня мобилизации) готовности австрийских армий, главнокомандующему юго-западным фронтом было предложено выяснить сроки возможного наступления вверенных ему армий, с указанием, что главный удар против австрийцев необходимо направить со стороны южного фронта Варшавского военного округа, а для облегчения этой операции — развить решительные действия армиями, развертываемыми на киевском фронте.

Главнокомандующий северо-западным фронтом решил, не ожидая окончания нашего развертывания на среднем Немане, немедленно перейти в решительное наступление обеими армиями одновременно, нанося главный удар в направлении на г. Лык с охватом правого фланга германцев.

Решение это приводило 1 армию, не окончившую еще своего развертывания впереди среднего Немана, к боям с тремя немецкими корпусами, уже на 12 день, когда 2 армия, наносившая главный удар немцам со стороны Лыка, не могла, по расчету времени, развить своих решительных действий к этому сроку.

Главнокомандующий юго-западным фронтом во исполнение первого хода выяснил, что армии его могут начать насту-

пление: 8 — на 20 день, 3' и 5 — на 20 день и 4 армия — на 21 день мобилизации.

Принимая во внимание вероятную обстановку, которая складывалась на германском фронте в силу решения, принятого по первому ходу главнокомандующим с.-западного фронта, 2 ход для армий этого фронта был дан к 12 дню мобилизации.

В этот день, как уже было сказано, должны были, по расчету движения обеих сторон, начаться серьезные бои на фронте 1 армии в то время, как 2 армия (три корпуса из 4), направленная на Лык для нанесения главного удара во фланг и тыл немецким корпусам, действовавшим против 1 армии, могла столкнуться с противником лишь на 14 день мобилизации, т. е. двумя днями позднее.

В соответствии с этим и были даны сведения о положении дел на северо-западном фронте к вечеру 2 дня мобилизации.

Решение главнокомандующего армиями северо-западного фронта по второму ходу заключалось в том, чтобы несколько попридержать наступление 1 армии и тем самым дать время 2 армии выйти к Лыку, т. е. выравнять армии в смысле одновременности их действий. Однако решение это, в силу создавшейся обстановки, являлось уже несколько запоздалым и не могло быть приведено в исполнение, так как 1 армия на 12 день была атакована немцами.

Для следующего (третьего) хода была введена данная, что английский десант высадился и направляется на поддержку французским армиям. Это обстоятельство, нарушившее в пользу Франции соотношение сил на франко-германском театре войны, в связи с действиями нашей 2 армии (угроза тылу), вынуждает германцев к постепенному отходу за р. Ангерап, под прикрытием которой начинается перевозка части их сил (3 корпусов), действовавших против наших 1 и 2 армий, на французскую границу для восстановления нарушенного прибытием английских войск необходимого превосходства в силах над французами. Исходя из сказанного, главнокомандующему северо-западным фронтом и была дана обстановка к вечеру 21 дня мобилизации.

Такая обстановка позволила главнокомандующему с.-западным фронтом на следующий же день обеими армиями перейти в энергичное наступление против германцев с охватом их обоих флангов севернее и западнее Мазурских озер, выделив, согласно указанию главной квартиры, из состава своих армий по одному корпусу для направления их на усиление армии

юго-западного фронта, где к этому времени назревала обстановка для нанесения решительного поражения австрийцам.

Для армии юго-западного фронта второй ход был приурочен к 19 дню мобилизации.

К этому времени наступление австрийцев, которые предупреждают нас с окончанием своего развертывания, уже могло обозначиться с достаточной определенностью, при чем ранее других должны были ввязаться в бои: 3 армия, оказавшаяся, по условиям развертывания обеих сторон, в наиболее выдвинутом по отношению к противнику положении, и 8 армия, которая начала наступление на 17 день мобилизации. Исходя из сказанного, обстановка юго-западному фронту была дана к вечеру 18 дня мобилизации.

Главнокомандующий армиями юго-западного фронта признал возможным ускорить на один день начало наступления 4 армии; во всем же остальном предположения его, легшие в основу действий против австрийцев и заключавшиеся в нанесении главного удара со стороны южного фронта варшавского военного округа, изменению не подверглись.

К следующему, третьему ходу, который был приурочен к 22 дню мобилизации, обстановка на юго-западном фронте сложилась таким образом:

На киевском фронте австрийцы направили главный удар в Горынский район против 3 армии и даже успели здесь обеспечить себе превосходство в силах, но уже к вечеру 21 дня, когда перешедшая в решительное наступление 8 армия начала выходить на направление, угрожавшее отрезать австрийцевъ от переправ на Днестре, положение 3 армии, принявшей на себя главный удар, становилось вполне удовлетворительным.

Против наших армий, развернутых на южном фронте варшавского военного округа, австрийцы направили главный удар (3 корпуса — 9 дивизий) по правому берегу западного Буга. Командующий 5 армией, принимая во внимание труднодоступный характер местности района, в который направлялся австрийцами главный удар, предполагал противопоставить ему здесь один корпус (из 3 дивизий), остальные силы своей армии сосредоточить на левом берегу западного Буга для совместных действий с 4 армией, в обход левого фланга австрийцев.

Исходя из сказанного, юго-западному фронту была дана обстановка для третьего хода к вечеру 21 дня мобилизации.

За недостатком времени, результаты маневра 4 и 5 армий, предпринятого ими для нанесения главного удара австрийцам с обходом их левого фланга, не могли быть выяснены.

Несомненно, однако, что с намечавшимся к 25 дню прибытием подкреплений, силою в четыре корпуса (гвардия II, XVIII и VIII), при чем три из них должны были усилить 4 и 5 армии, а VIII корпус — 8 армию, юго-западный фронт получал значительный перевес в силах ($6^1/_2$ дивизий) над австрийцами и получал полную возможность достигнуть решительных над австрийцами успехов.

Такова фактическая сторона стратегической военной игры.

III.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с ходом и отчетом киевской игры, это отсутствие выводов и поучений.

В кратком докладе, представленном 1 мая 1914 года, военный министр говорит: „игра эта дала весьма богатый материал, как по проверке правильности намеченного развертывания и плана ближайших наших действий в случае войны на западной границе, так и по возбуждению и проведению в жизнь новых мероприятий по обеспечению нашей обороноспособности“. Далее говорится, что в ближайшее время будут доложены результаты игры сначала кратко, а затем и более подробно. Действительно, 22 мая 1914 года военный министр представил доклад, в котором изложен ход игры в таком виде, как он описан во II главе настоящей статьи, т. е. одно фактическое изложение событий.

В конце доклада приведено бесцветное заключение. Очень беден материал и других документов. Вот причина, почему приходится говорить не о том, что эта игра дала, а о том, что она могла дать. Справедливость, однако, требует отметить, что для полного использования результатов военной игры, повидимому, не было времени, или об ней просто забыли, в виду быстро надвинувшихся событий.

Кроме того, надо указать, что игра предпринималась для проверки правильности соображений, утвержденных 25 сентября 1913 года (мобилизационное расписание № 20), тогда как вся подготовка к войне велась согласно так называемого, мобилизационного расписания 1910 года. Переделывать все заново, конечно, не было возможности, и, следовательно, нельзя было и использовать результатов игры съ достаточной полнотой.

Итак, к каким же выводам пришел военный министр? Лучший ответ дает заключение, изложенное им в конце своего доклада: „произведенная впервые в широком масштабе эта

военная игра несомненно принесла весьма существенную пользу“.

„Прежде всего она дала возможность проверить, при данной политической обстановке, правильность общих соображений при развертывании наших армий при войне с державами Тройственного Союза“.

„В то же время ею удалось выяснить некоторые желательные усовершенствования в деталях развертывания каждой из армий, что даст возможность командующим войсками в округах внести необходимые частные поправки в подготовительные к войне соображения, разрабатываемые в округах“.

„Затем, этой же военной игрой удостоверена необходимость принятия некоторых мер по более обеспеченному переходу от мирного положения к военному, в смысле управления войсками и разделения пограничной территории“.

„Независимо того, лица, принимавшие участие в военной игре, большинство коих предназначается в военное время для занятия высших должностей по управлению армиями, имели полную возможность ознакомиться в целом с условиями развертывания армии на западном фронте, что естественно должно способствовать установлению взаимного понимания и единства во взглядах, проводимых подготовительными к войне работами“. Вот и все, что сказал военный министр о военной игре, происходившей действительно при совершенно новых и непривычных условиях, ибо это был один из первых опытов обучения старших начальников.

Таким образом устававливается, что собственно разбора игры сделано не было и едва ли кто-либо серьезно принимался за использование ее результатов [1]). Можно думать, что отсутствие разбора проистекало из совершенно особого состава участников, требовавшего деликатного к себе отношения.

Несколько больше указаний можно найти в об'яснительных записках, представленных командующим армиями и фронтами, по требованию руководства. К сожалению, эти записки требовались до игры, а не после нея, когда многое стало ясным, и затем для этих записок не была дана общая программа или перечень вопросов. Поэтому они отличаются полным несходством, что крайне затрудняет общий вывод и сравнение.

Большинство записок касается только оценки задания и частной обстановки и лишь доклады ген.-ад'ютанта Иванова

---

[1]) В делах киевского военного округа есть указания, что выводы военной игры „будут использованы для намечавшейся тогда полевой поездки.“

(нач. штаба ген. Алексеев) и командующего 3. армией ген.-лейт. В. И. Драгомирова дают ответы на все вопросы фронта и тыла.

Красной нитью через большинство докладов проходит настоятельная необходимость не торопиться с началом наступления. Необходимо вполне закончить сосредоточение, устроить тыл и только тогда двигаться. Ген. Иванов говорит, что в виду задачи — решительное наступление в Галицию — необходимо раньше разбить австрийцев, которые мобилизуются скорее нас. Поэтому переход в наступление возможен только, когда все будет готово, ибо необходимо избегать частных неудач, влияющих на настроение войск и страны.

Еще более энергично выражается ген. Драгомиров: „...количество собранных войск в общем достаточно для отпора противнику в ныне установленных районах сосредоточения на 19—21 день мобилизации, но состояние тыла таково, что после серьезных боев на рр. Икве и Горыни потребуется вновь серьезная организационная работа по его устройству и пополнению запасов, что может ограничить наше наступление и задержать вторжение вглубь Галиции".

Командующий 1. армией, получив приказание о наступлении также находил, что переход в наступление 1 армии, не закончившей развертывания, вряд ли правилен. Это мнение в дальнейшем подтвердилось, так как торопливое наступление привело 1. армию, не окончившую своего развертывания впереди Среднего Немана, к боям с тремя немецкими корпусами, при чем в этих боях по условиям игры и развертыванию обеих сторон в 1. армии могли действовать лишь $3^1/_4$ дивизии из III и IV корпусов.

Стремление как можно скорее наступать проявилось и в действительности. Ставка настойчиво требовала движения вперед, даже не дожидаясь конца сосредоточения. Вопросы тыла были, повидимому, забыты. Можно сказать, что в управлении царил, так сказать, кавалерийский масштаб. В целом ряде указаний и телеграмм Ставка проявляла и в действительности большую лихорадочность. Эта нервность поднялась до высшего напряжения после успехов 1. армии. Несмотря на просьбы ген. Самсонова о необходимости отдыха, ген. Жилинский требовал энергичного наступления, и в результате полный разгром. Сами немцы считали наступление ген. Самсонова безумным. 21 августа Ковенская станция искрового телеграфа перехватила шифрованную депешу следующего содержания: „адмиралу фон Эссен. 2. русская армия, слишком безумно атакующая, уничто-

жена под Танпенбергом. Взято в плен 75 тысяч. Гардемарингов 295“.

Итак, на военной игре, как и в действительности, высшее командование не проявляло достаточно спокойствия и методизма. Наши молненосные успехи па южном фронте в значительной степени зависили не от комбинаций, а от свойств противника. Торопливо проведенные операции без надлежащего обеспечения тыла не придали им достаточной прочности, что и сказалось в событиях 1915 года.

В этом отношении особое значение имел недостаток снарядов, повидимому, совершенно непонимаемый до грозных указаний в бою. В отчетных работах (Каз. воен. округа) можно было встретить рассуждения, что 300—400 снарядов на орудие совершенно достаточно „по опыту русско-японской войны“. Киевская военная игра показала, что снарядов мало и надо принять чрезвычайные меры для их пополнения. В своей записке ген. Драгомиров говорит, что „на легкое орудие имелось 300 снарядов, т. е. количество также едва достаточное для тех же боев (первых серьезных), после чего армейские склады иссякнут“. Таково же его мнение и об обеспечении ружейными патронами, которых „едва достаточно для первых серьезных боев“. Это замечание осталось на воздухе и никаких мероприятий не вызвало. Понадобились месяцы и потоки крови, чтобы органы, ведающие снабжением, поняли весь ужас положения, но и тогда они растерянно твердили только о необходимости экономить снаряды и беречь патроны.

Те же записки указывали на недостаток санитарного оборудования. Во всех рассчетах, говорит ген. Драгомиров, почему-то была „принята норма средней убыли в 3%, тогда как ожидается убыль до 15—20%“. Действительность подтвердила вывод военной игры. В документах совершенно нет указаний, какое поучение вывел из игры главный военно-санитарный инспектор. Затем указывалось на необходимось обеспечения запасными для пополнения убыли в людях.

Тот же ген. Драгомиров говорит о необходимости увеличить запас, так как расчет в 5% состава совершенно не достаточен.

Вопрос интендантского снабжения остался в игре совершенно открытым, и чины интенданства в работах участия не принимали. Какова была роль главного интенданта—проследить нельзя, но его восторженное отношение к работе чинов интендантского снабжения во время войны указывало, что на игре не было выяснено то, что живо чувствовалось войсковыми началь-

никами. В первый период войны, без всяких сомнений, войска были сыты только благодаря необычайному богатству края. Командиры частей отлично усвоили мысль, что их спасение в довольствии „собственным попечением", и их сношения с интендантством сводились почти исключительно к переписке и получению денег. Остается только пожалеть, что чины интендантства не принимали участия в игре. Быть-может тогда бы выяснилась необходимость полной перемены самой идеи его существования. Этого, однако, не случилось, и потому мы на войне имели не поставщиков, снабжающих армию, а контрольную организацию.

Современные армии с массой войск и технических средств находятся в полной зависимости от тыла. Никакое число не способно заменить самолетов, автомобилей, орудий, снарядов, проволоки и т. д. Самые доблестные войска не могут работать, когда они не накормлены. Вот почему современный полководец не может предпринимать никаких действий, если его тыл не поспевает за войсками. Надо полагать, что после пережитого кровавого урока всем ясно, что в минувшую войну причины неудач лежат не столько в стратегии и тактике, сколько и в отсутствии организации тыла и особенно в недостатке снарядов. Это обстоятельство заставило дольше остановиться на крайне крупном недочете военной игры—отсутствии работы тыла. При этом условии, следовало организовать тыловую игру, независимо от стратегической.

Из приведенных выше записок можно сделать и некоторые выводы об особенности характеров участников. Генералы Иванов, Алексеев и Драгомиров представили подробные заключения с очень ценными указаниями. В то же время ген. Жилинский оставил свои „пожелания" в виде небольшой собственноручной записки. В ней было сказано, что в виду бездорожья (в В. Пруссии!) необходимо придать каждой армии *полевую* железную дорогу в 100 верст. Второе пожелание—иметь в каждой армии для осады крепости Кенигсберг, крепостей на Висле и действий против долговременных укреплений Мазурских озер осадные парки. Эта предвзятая мысль, высказанная на игре, ярко проявилась и с началом войны. Желание заняться Кенигсбергом видно во многих распоряжениях главнокомандующего северо-западным фронтом. Еще не покончив с „живой силой" германцев, он назначает корпус и второочередные дивизии для осады этой крепости. Даже после разгрома 2. армии ген. Жилинский опять говорит о Кенигсберге. Военная игра указала на такую навязчивую идею ген. Жилинского, но руко-

водство не дало на этот предмет никаких раз'яснений, а игра выводов.

IV.

Выше было указано, что в основу игры легли соображения 1913 г., и что они в жизнь не проводились. Однако это нисколько не умаляет значения выводов ее и по следующим причинам.

Соображения 1912 года (расписание 1910 г.) предусматривали два случая: А) (Австрия)—Германия занята на Западе и выставила относительно небольшие силы в В. Пруссии. Северо-западный фронт бьет немцев и очищает В. Пруссию. Юго-западный фронт наносит решительное поражение австро-венгерской армии, отрезая ее от р. Днестра и г. Кракова.

Г)—(Германия) немцы действуют пассивно против Франции и направляют большие силы против России. В этом случае общая задача: переход в наступление против германских войск, угрожающих нам со стороны В. Пруссии, парализуя действия противника на остальных фронтах.

Согласно же соображениям 1913 года во всех случаях мы направляли главную массу войск на австрийцев, а задача северо-западного фронта сводится к обеспечению этой операции. При этом на случай увеличения против расчетов сил немцев в В. Пруссии мы должны иметь некоторый запас войск уже во время развертывания и, кроме того, иметь в виду возможность дальнейшего их усиления до необходимой численности. В этом и заключается разница со случаем—Г., предусмотренном соображениями 1912 года, при котором увеличивается число армий.

По докладу военного министра, военная игра подтвердила правильность выводов, изложенных в соображениях 1913 года. Казалось бы, что в таком случае надо было немедленно по выяснении, что главный удар немцев направлен на запад, все излишние силы (гвардию, XVIII и I арм. корпуса) направить на южный фронт. Обстановка в этом смысле была достаточно ясна уже к 24/25 июля, т.-е. на 7—8 день мобилизации. Вместо этого, в Варшаве было начато формирование новой 9. армии. Ближайшие боевые столкновения показали ошибочность такого распределения сил и потребовали направление гвардии и XVIII корпуса в 4. армию.

Так представляется дело при рассмотрении вопроса с теоретической точки зрения; однако есть основание полагать, что верховное командование отчетливо понимало требования обстановки. Повидимому были превходящие причины, заставившие

принять некоторое компромиссное решение, выразившееся в формировании в Варшаве 9. армии. Причины эти—настойчивое требование нашей союзницы возможно более решительных действий именно против Германии. Например, телеграммой 19 июля [1]) наш военный агент в Париже сообщил, что французский военный министр считает, что наиболее желательным для французов направлением нашего удара является направление Варшава-Познань. Телеграммой 7 августа тот же военный агент доносит, что он считает „желательным в виду того, что по соглашению (в мирное время начальников генерального штаба) наши армии должны были начать серьезное наступление с 20 дня мобилизации (6 августа), в случае задержки последнего, дать французам соответствующие объяснения".

Итак, вывод военной игры о необходимости направления всех свободных сил на юго-западный фронт подтвердился в действительности. Кроме того, соображения 1913 года собственно так мало разнились от случая А, что планы перевозок можно было и не менять. Следовательно более смелое направление войск против Австро-Венгрии не встречало затруднения и с этой стороны.

Переходя теперь к осуществлению планов действий во время игры и на войне, интересно раньше всего выяснить соотношение сил сторон. Для удобства в последующем каждый фронт будет рассматриваться особо.

На игре 1. армия развертывалась на фронте Ковна-Друскеники, 2.—Гродна-Ломжа. Направление их главных ударов было: 1. на Гумбинен, в обход Мазурских озер с севера, а 2. на Лык с целью оказать содействие 1. армии, еще не готовой, слева.

На 9. день 1. армия имела 84 батальона против 93 немецких, а 2. армия—112 батал. против 50 немецких. При таких условиях, отдельное наступление 1. армии на превосходного противника было очень рискованным, тем более, что 2. армия не могла оказать помощи раньше 3—4 дней. Повидимому было бы правильнее 1. армии временно обороняться, выжидая подхода 2. армии.

Не очень улучшилось положение в смысле соотношения сил и к вечеру 11 мая. В этот день 92 батальона 1. армии имели против себя 97 батальонов немцев. Немцы против 2. армии имели 62 батальона. Почти двойное превосходство русских в силах, хотя и давало много шансов на успех, но ко времени столкновения на фронте 1. армии, 2. армия опазды-

---

[1]) „Краткий стратегический очерк войны 1914—18 г.". Изд. журн. „Военное Дело".

вала на 2 перехода и могла быть сильно задержана, вследствие чего 1. армия подвергалась существенной опасности потерпеть отдельное поражение.

Итак, при данном соотношении сил на игре разрозненные действия двух армий Северо-Западного фронта давали возможность более слабым немцам (147—159 батальонов против 196—204 русских) бить противника по частям, и в конечном результате увезти на Западный свой фронт два корпуса из В. Пруссии. Следовательно, наступление С-Западного фронта одной из задач,—„отвлечения на себя возможно больших сил немцев", не выполнило.

С началом военных действий (к вечеру 12 дня) немцы имели войск в В. Пруссии меньше, чем предполагалось на игре, а именно всего 100 полевых батальонов и некоторое количество неготовых ландверных дивизий (4—6). К тому же времени у нас в 1. армии было 96 батальонов 132 эскадрона и в 9. армии, не считая частей у Варшавы и Новогеоргиевска 112 батал. и 96 эскадронов[1]). При этом немцы не могли двинуть все свои войска в одном направлении, но должны были занимать одновременно целый ряд пунктов. Таким образом вся немецкая армия была слабее численно каждой из русских.

В силу целого ряда причин высшее командование развернуло 2. армию много западнее, чем это было сделано во время игры, имея в виду прямо направить ее в обход Мазурских озер с запада.

От такого расположения для противника возникла возможность и единственный в такой обстановке способ, это действие по внутренним операционным линиям, т.-е. сперва разбить одного противника, а затем другого. На военной игре ему это почти удалось. Однако соотношение сил в действительности не давало немцам полной надежды на успех. Во всяком случае для крупных активных действий сил у них не было и уделить их куда бы то ни было они не могли.

Таким образом, как на игре, так и в действительности обстановка не требовала немедленного перехода в наступление и во всяком случае до полного изготовления обеих армий Северо-Западного фронта.

Тем не менее, политика и „мода" на активность толкали армии вперед вопреки их желанию и расчету. Совершенно то же самое было и во время игры и в этом смысле ее выводы использованы не были.

---

[1]) „Краткий стратегический очерк войны 1914—18 г." Изд. журнала „Военное дело".

Как было уже указано во время киевской игры действия армий были мало согласованы, что имело следствием заминку. Такая же несогласованность была проявлена и в действительности. Сперва начинает наступать 1. армия, когда 2. еще не заняла исходного положения. 7 августа 1. армия бьет под Гумбиненом немцев и они поспешно начинают отходить. На перерез им фронт спешно, не считаясь с готовностью и утомлением, двигает 2. армию. Такая торопливость и утомление, при которых движение одного, например, из корпусов не имело вида „строевых частей, а шествие богомольцев", замотали войска не дали ясно разобраться в обстановке. Согласованность в действиях армий фронта, как и на игре, отсутствовала. В результате полный разгром 2. армии, имевшей 144 батальона против 136 немецких[1]).

Согласно предположению во время игры и на основании документальных данных, Австрийская армия развертывалась между р. Сан (у Ярослава) и Чортковым (40 верст к северу от р. Днестра, где он пересекает нашу границу). Главный удар наносили две средние армии, 4. и 3.; фланговые обеспечивали эту операцию: I у Ярослава — слева, II у Трембовли — справа.

В свою очередь Юго-Западный фронт наносил главный удар с южного фронта варшавского округа 4. и 5. армиями. Остальные две армии, 3. и 8. действовали со стороны Киевского военного округа (на фронте Дубно — Проскуров). Между этими группами образовался промежуток (Ковель-Дубно) в 120 верст, увеличившийся затем до 170 верст. Этот промежуток, куда (по вост. берегу Зап. Буга) направлялось до 9 австрийских дивизий, прикрывался к началу бевых действий одним XVII корпусом.

Соотношение сил на игре было таково:

К вечеру 18 мая батальонов:

	Русские	Австрийцы
На южном фронте Варш. в. окр.	256	296
На киевском фронте	296	261
	552	557

К вечеру 21 мая батальонов:

	Русские	Австрийцы
На южном фронте Варш. в. окр.	280	283
На киевском фронте	296	274
	576	557

[1]) Не вполне справедливо сравнивать силу русских и немецких армий только по числу батальонов, вследствие вдвое сильнейшей по числу батарей германской артиллерии (редакц.).

Эти цифры указывают, что, предполагая наносить главный удар с южного фронта варшавского военного округа, мы не обеспечили себе здесь достаточного превосходства в силах, и на главном театре были слабее. Не было значительного и общего превосходства в силах, несмотря на то, что весь план действий против австро-германцев основывался на разгроме австрийской армии.

В частности между з. Бугом и Вислой первоначально было 196 батальонов против 187 бат. австрийцев. Это положение было учтено командующим 5. армией, который перевел на западный берег з. Буга два корпуса.

Из изложения хода военной игры уже выяснилось, что успех действий основывался не на ударе группы Варшавского воен. округа, а на действиях 8. армии.

Итак вывод: а) Юго-западный фронт, решавший главную задачу первоначального плана войны, не был доведен до полного превосходства в силах, т.-е. успех не был вполне обеспечен. б) Группа, развертываемая в пределах Варшавского воен. округа, назначавшаяся для главного удара на Юго-зап. фронте, была значительно слабее австрийцев, что уже явно противоречило основной идее всей операции. в) Для обеспечения успеха этой группы понадобилось придать ей еще три корпуса. г) Успех операции был следствием успеха 8. армии, сыгравшей роль назначавшуюся для северной группы.

В действительности группировка противника была несколько иная, что ухудшило наше положение по сравнению с игрой.

Австрийцы сдвинули весь район сосредоточения много к западу и несколько иначе распределили силы по армиям. Благодаря этому на главном направлении у них было всего не 296, а 350 батальонов и 150 эскадронов, а на киевском фронте—до 200 батальонов и 170 эск. в виде заслона. С нашей стороны к началу военных действий [1]) на юге Варшавского округа было 250 батальонов, 132 эскадр. и на киевском фронте 272 батал. 144 эскадрона. Всего, следовательно, мы имели на Юго-западном фронте 528 батал., 276 эскадр, против 557 батал. и 320 эскадронов. Отсюда видно, что повторилось то же соотношение сил, что и на киевской игре, а именно: ко дню наступления на главном направлении Юго-западного фронта мы сосредоточили на 100 батальонов меньше австрийцев. В то же время на киевском фронте мы были почти настолько же сильнее их.

Перемещение района сосредоточения австрийской армии к западу приводило к полной возможности охвата правого фланга

---

[1]) Все расчеты сделаны, имея в виду и левый берег р. Вислы.

Юго-западного фронта. Это было тем более вероятно, что австрийцы имели здесь большое превосходство в силах.

Из только что сказанного видно, что в действительности с нашей стороны при первоначальном развертывании и с началом наступления было повторено буквально то же самое, что и на военной игре. Распределение сил не соответствовало главной идее первоначального плана действий, ибо за Юго-западным фронтом не был обеспечен достаточный численный перевес. Военная игра выяснила необходимость усиления группы Варшавского военного округа еще 3—4 корпусами. Этого сделано не было, хотя у Варшавы такие корпуса имелись. События вынудили подтянуть эти корпуса к 4. армии при риске возможного поражения и неудач первого наступления 4. и 5. армий на превосходного противника.

На игре, в своем обстоятельном докладе, ген. Иванов говорит о необходимости не торопиться с наступлением, дабы избегнуть первых неудач. Совершенно то же он повторял и перед движением Юго-западного фронта в августе 1914 года и, тем не менее, Ставка настаивала на немедленном и скорейшем наступлении.

Наконец, совершенно так же, как и на игре, выяснилась роль 8. армии, которая благодаря перевесу сил сразу же достигла значительного успеха и ее движение приобрело значение главного удара.

Вот те поучения, которые можно извлечь из сопоставления выводов киевской военной игры с событиями первого периода войны. Не подлежит сомнению, что теперь, когда есть возможность все обдумать совершенно спокойно, когда события отошли на историческое расстояние, оценка их не встречает особых затруднений. Поэтому, настоящий очерк не имеет в виду кого либо обвинять или опорочивать. Но из кровавых уроков прошлого необходимо извлечь возможно больше, дабы избежать повторения тех же недочетов в будущем. В действительности решения принимаются под влиянием целого ряда причин, которые легко могут быть упущены историком. Как, например, учесть влияние политики, особенностей характера действующих лиц и их предварительной службы, а последнее сыграло не малую роль в первой работе Ставки и Северо-западного фронта.

В этом очерке отмечена лишь возможность использовать чрезвычайно важные выводы киевской военной игры, чего сделано не было.

А. Н. Суворов.

Гибель дивизии Корнилова.

Введение. Обстановка. Описание боевых действий. Уничтожение дивизии и создание из этого подвига. Причины катастрофы. Бегство Корнилова из плена.

Действия 48 пехотной дивизии, в дни 21—24 апреля 1915 года, являются одним из самых поучительных эпизодов последней войны, как вследствие того, что в них с особой наглядностью обнаружился основной недостаток русской армии — неумение управлять войсками, так и по той причине, что начальником дивизии был генерал Корнилов, впоследствии столь нашумевший в России.

„Комиссия по исследованию и использованию опыта войны" предполагает посвятить этому эпизоду особую монографию, но так как, при современном состоянии архивов, представляется невозможным собрать все необходимые для последней материалы, то решено пока ограничиться печатаемым ниже кратким очерком.

Несомненно, что найденные впоследствии документы установят новые факты, исправят возможные ошибки, расширят и углубят исследование, но изменить его по существу они будут не в состоянии, потому, что в этом отношении вопрос уже выяснен имеющимися материалами [1]).

---

[1]) При составлении этого очерка в нашем распоряжении был рапорт командира XXIV корпуса Цурикова командующему третьей армией, от 9 июля 1915 г. за № 5964, с приложенными к нему: 1) расследованием о потере артиллерии и 2) отчетом «Боевые действия XXIV армейского корпуса и приданных ему частей с 20 по 28 апреля 1915 года».

Приложения 3, 4, 5, 6, 7 и 8 к рапорту Цурикова и материалы, приложенные к упомянутому отчету, утеряны.

В своем рапорте и подробном отчете Цуриков старается доказать, что в гибели 48 дивизии повинен, главным образом, ее начальник Корнилов и отчасти командующий армией Радко-Дмитриев, слишком поздно отдавший приказ об отходе. На полях отчета имеются многочисленные пометки, сделанные Радко-Дмитриевым, которые дополняют это одностороннее освещение.

Расследование о потере орудий, произведенное начальником артиллерии корпуса Волковицким, составлено весьма обстоятельно, с приложением двух планов и нескольких весьма важных полевых записок, но, к сожалению, в нем не хватает описания самого захвата батарей неприятелем. Вероятно, этот лист вырван.

По приказанию главнокомандующего западного фронта все перечисленные документы были, 16 октября 1916 г. за № 2283/1813 б, направлены к Корнилову с просьбой дать „свои об'яснения о действиях 48 дивизии".

В ответ на это Корнилов, в августе 1917 года, приказал послать Алексееву: 1) собственноручно написанный бывшим начальником штаба дивизии Кисловым

В середине апреля 1915 года германские и австрийские войска, под общим руководством Макензена, разгромили главные силы русской третьей армии Радко-Дмитриева, занимавшие укрепленные позиции на Дунайце, между Вислой и Карпатами, фронтом на Краков.

После этой победы союзники перешли в энергичное наступление по операционному направлению Перемышль-Львов, то-есть во фланг и тыл тем русским корпусам, которые были растянуты по северному склону главного Карпатского хребта от прохода Дукла до прохода Вышков.

Верстах в тридцати юго-западнее м. Дукла был расположен на укрепленных позициях в гористой местности XXIV корпус, под начальством генерала Цурикова: 49. дивизия от Вирхне до Речетовки и 48. дивизия от Речетовки до Чернины. Справа к этому корпусу примыкал, отступивший от Дунайца, сильно пострадавший X корпус, а слева—XII корпус.

В частности 48. пехотная дивизия, под командой Корнилова, составлявшая левый боевой участок XXIV корпуса, была расположена в следующем порядке: на правом фланге 190 Очаковский полк, в центре 189 Измаильский и 192 Рымникский полки и на левом фланге 191 Ларго-Кагульский полк.

За правым флангом у д. Комлоспотак стояла 2. батарея 48. бригады; за центром находились—у д. Жемельние 4, 5 и 6 батареи и взвод 2. батареи 24 мортирного дивизиона, у д. Чигла 3. батарея и взвод мортирной батареи; за левым флангом, между деревнями Кискурима и Фельсеодор,—1. батарея и взвод мортирной батареи.

Вся позиция 48. дивизии имела протяжение около восемнадцати верст.

На случай отступления с этой позиции было назначено, отходившее от правого фланга шоссе: Зборо, Альсопагони, Оженна, Жидовска, Кремпна, Конты, Змигрод. На участке от Кремпны до Змигрода это шоссе было также путем отступления 49. дивизии. За левым флангом позиции находилось прекрасное шоссе: Свидник, проход Дукла, Тилова, Тржициана, м. Дукла, предоставленное приказом по армии XII корпусу (12 Сибирской стрелковой дивизии).

отчет—„боевые действия 48 пехотной дивизии с 21 по 24 апреля 1915 года“, никем не подписанный, и 2) письмо того же Кислова к Корнилову от 4 мая 1917 года. Отчет освещает вопрос с другой стороны, стремясь опровергнуть заводимые обвинения и, наоборот, показать, что во всем виноват командир корпуса Цуриков и начальник 49 дивизии Пряслов. В этом отношении письмо вносит значительный корректив. В обоих документах встречаются некоторые неточности во времени. Действия 24 апреля изложены весьма кратко по той причинѣ, что в этот день, исполняя особое поручение, Кислов был тяжело ранен.

Наконец от центра позиции вела в тыл грунтовая дорога: Чигла, Черес, Фельсеодор, Кескоч, Оженна, Цихания, Поляны, Хиров, Ивля[1]).

Эта дорога, проложенная по легко размокавшей от дождей, вязкой глинистой почве, с крутыми под'емами и спусками, была неудобна для тяжелых повозок. Особые затруднения

встречались на шестиверстном участке от Поляны до Хирова, вследствие крайне топкого грунта и росшего по сторонам густого леса. На указанном пространстве требовалось во многих местах устроить гати; но этого не сделали по той причине, что вообще всей описываемой дороге придавали второстепенное значение, так как главным путем отступления считалось шоссе на Зми-

[1]) На схеме написано «Иловля».

грод. От Хирова до Ивли дорога шла по узкому дефиле с очень крутым под'емом.

Штаб корпуса и штаб дивизии были расположены в одном пункте с. Граб, что весьма облегчало управление. На это обстоятельство следует обратить внимание, так как в отчете 48 дивизии встречаются жалобы на недостаточную ориентировку со стороны командира корпуса. Если даже допустить, что Цуриков не все имевшиеся сведения сообщал Корнилову, то при постоянном общении двух штабов, живших в одной деревне, нетрудно было узнать все нужное.

Тут необходимо, хоть в немногих словах, охарактеризовать главного участника описываемых событий Корнилова, без чего были бы непонятны некоторые факты. Это был генерал без широкого кругозора, но лично очень храбрый и не боявшийся ответственности. Самонадеянный, болезненно-самолюбивый и упрямый, он не признавал боевого авторитета своего корпусного командира Цурикова и с величайшим пренебрежением относился к своему соседу начальнику 49 дивизии Прялову. В оценке военной обстановки Корнилов вообще отличался большим оптимизмом, что об'ясняется, как присущей ему смелостью и сопровождавшим его пока счастьем, так и тем, что до сих пор ему приходилось действовать лишь против австрийцев.

Около полудня 21 апреля (4 мая) Цуриков получил телеграмму от штаба армии, в которой сообщалось, что противник сильно напирает на X корпус, и что если ему придется отойти, то XXIV корпусу будет приказано занять позицию от Самоклески через Кремпну до высоты Студеный Верх, а XII корпусу—на линии Студеный Верх, проход Дукла, Щуко.

Получив это предупреждение, командир корпуса сначала дал соответствующие словесные указания, а затем в 15 ч. 30 м. разослал предварительный приказ об отходе, коим предписывалось; по получении особого распоряжения, 49. дивизии отойти на линию Самоклески—Мисцова, а 48. дивизии—на линию Мисцова-Студеный Верх. При этом указывалось последней дивизии: часть артиллерии, парков и госпиталей „по возможности отправить по шоссе Свидник-Тилова, по соглашению с начальником 12. Сибирской стрелковой дивизии“, а оттуда в тыл назначенной позиции.

Как видно, это указание было изложено в форме недостаточно точной и определенной: раньше, чем отдавать приказ, штаб корпуса должен был сам войти в соглашение со штабом 12. Сибирской дивизии, или еще лучше со штабом XII корпуса,

а добавление слов „по возможности“ очевидно ослабляло силу приказа.

Во всяком случае, получив этот приказ, Корнилов должен был тотчас же назначить части, посылаемые на Свидник, и приказать им приготовиться к выступлению по первому требованию. Затем, все остальные тяжелые обозы и в особенности оставшиеся артиллерские парки следовало немедленно двинуть в тыл, дабы они заблаговременно прошли трудный участок дороги Поляны — Хиров. Ничего этого сделано не было.

За день положение на правом фланге XXIV корпуса значительно ухудшилось: войска X корпуса отступили в северо-восточном направлении, вследствие чего между корпусами образовался прорыв и путь на Змигрод с запада был открыт.

Наконец в исходе одиннадцатого часа вечера было получено из штаба армии словесное приказание: XXIV корпусу, в полночь с 21 на 22 апреля (4—5/V), начать отход на линию Самоклески-Студеный Верх. Это распоряжение было немедленно передано в дивизии, при чем сообразно изменившейся обстановке (в дополнение к предварительному приказу) предписывалось: во-первых, 48. дивизии выделить один полк в корпусный резерв, в д. Ивля, дабы прикрыть опасное направление Змигрод-Дукла, выводившее в тыл корпуса, и во-вторых, 49. дивизии направить свою артиллерию и парки, не по прежнему пути отступления через Кремпну на Змигрод, а „возможно восточнее“.

Первое из этих приказаний, несмотря на то, что „была подчеркнута настоятельная необходимость выделить этот полк с возможной скоростью“, по неизвестной причине, не было исполнено Корниловым, что же касается второго приказания, то оно было опять-таки отдано в той неточной форме, которая совершенно не допустима в боевом приказе, особенно столь серьезного значения. Путь отхода целой артиллерийской бригады с ее парками должен быть указан с полной точностью и тут нельзя отделываться неопределенными словами „возможно восточнее“. Сверх того, штаб корпуса должен был знать, что к востоку от шоссе Кремпна-Змигрод не было дорог, пригодных для движения артиллерии, кроме дороги Кремпна, Поляны, Хиров, весьма плохой и уже назначенной для отступления 48. дивизии. Следовательно, в приказе по корпусу надлежало назвать эту дорогу и установить порядок ее прохождения для обеих дивизий.

С другой стороны приведенное обстоятельство должно было побудить Корнилова возможно шире использовать, указанное ему в предварительном приказе, шоссе Свидник-Тилова.

Выход на это шоссе облегчался тем, что в шести верстах позади позиции пролегало поперечное шоссе Альсопагони, Фельсеодор, Свидник, и что неприятель, теснивший 49. дивизию и угрожавший обойти правый фланг корпуса, почти совершенно не тревожил 48. дивизию и примыкавший к ней XII корпус.

Тем не менее Корнилов направил по шоссе Свидник-Тилова всего лишь четыре батареи, дивизионный лазарет и передовой санитарный отряд Родзянко.

В отчете 48. дивизии сказано, что послать по этому пути артиллерийские парки было невозможно, так как им пришлось бы двигаться сначала с севера на юг навстречу отходившим войскам; но паркам, стоявшим в деревнях Граб, Жидовска и Добешин, нужно было пройти с севера на юг сравнительно небольшое расстояние, а между тем полки дивизии начали фактически отходить с позиции только на рассвете.

Другое возражение, приводимое в том же отчете, что нельзя было загромождать дорогу, принадлежавшую 12. сибирской дивизии, конечно, имеет свои основания, но нельзя упускать из виду, что отступление происходило при исключительных условиях. Во всяком случае выгоднее было несколько загромоздить обозами хорошее шоссе Свидник-Тилова, отходившее от левого фланга, который неприятель совершенно не беспокоил, чем производить скопление обозов на плохой грунтовой дороге Кремпна-Поляны-Хиров, на правом фланге, теснимом и обходимом неприятелем.

В действительности, из частей, посланных Корниловым, четыре батареи не успели воспользоваться путем Свидник-Тилова и по этому шоссе прошли лишь дивизионный лазарет и передовой санитарный отряд Родзянко.

Причины неисполнения приказания выяснены в расследовании о потере артиллерии, откуда взяты приводимые ниже факты.

Для движения на Свидник-Тилаву были назначены батареи I дивизиона 48. бригады и мортирная батарея, разбросанные по всему фронту дивизии, при чем предполагалось сначала собрать их у д. Фельсеодор. Начальником этой колонны был назначен командир мортирного дивизиона полковник Трофимов, который узнал о своем назначении из приказа по дивизии, переданного ад'ютантом Ларго-Кагульского полка по телефону только в 2 ч. 5 м. утра.

В приказе говорилось, что следует выступить „с получения сего", но так как в это время на сборный пункт у д. Фельсеодор прибыли лишь 1. батарея и один мортирный взвод, то

3*

Трофимов послал двух разведчиков навстречу другим батареям и мортирным взводам с приказанием итти на рысях, кратчайшей дорогой в д. Фельсеодор.

Расположенные на позиции у д. Чигла 3. батарея и мортирный взвод получили приказание двинуться в Фельсеодор от командира Рымникского полка около часу ночи. „О том, куда и под чьей командой они должны следовать дальше, им не сообщили“. Следуя по дороге через д. Черес, они прибыли на сборный пункт у Фельсеодора около 4 ч. утра.

Мортирный взвод, находившийся близ д. Жемельние, почему-то в Фельсеодор не пошел, а присоединился ко 2. дивизиону 48. бригады.

Стоявшая у Комлоспотака 2. батарея снялась с позиции еще в 22 ч., но была остановлена командиром Очаковского полка, после чего в 23 ч., она продолжала движение по дороге, указанной ад'ютантом командира пехотной бригады Поповича-Липовац, через Ондавку и Варадку на Альсопагони, где она должна была ожидать дальнейших распоряжений через батарейный резерв 6 батареи. Не найдя последнего, она остановилась, пока не получила приказания через разведчика, посланного полковником Трофимовым. Батарея прибыла в д. Фельсеодор в шестом часу утра.

Между тем, около $3^1/_2$ ч. утра полковник Трофимов спрашивал у начальника дивизии разрешения отправить на Свидник 1. батарею и мортирный взвод, не дожидаясь остальных батарей и мортирных взводов, но получил ответ, что следует еще подождать.

Около 4 ч. утра полковник Трофимов получил через начальника штаба приказ начальника дивизии такого содержания: в виду того, что время упущено, колонну артиллерии следует немедленно направить через д.д. Кескоч, Оженна, Цихания, Кремпна и Поляны до д. Мшана.

Вследствие этого, 1. и 3. батареи и два мортирных взвода двинулись по указанному пути и около полудня прибыли к д. Поляны; 2. батарея, придя в Фельсеодор в шестом часу утра, пошла вслед за ними, но от Цихания свернула по крачайшей дороге и прибыла в Поляны также к 12 ч. дня.

Приведенные факты, не нуждающиеся в комментариях, показывают, что приказ о движении артиллерии по шоссе Свидник-Тилава не был исполнен единственно лишь вследствие беспорядка в управлении войсками.

Что касается II. дивизиона, то 4 и 5. батареи, с примкнувшим к ним мортирным взводом, получив приказание от Попо-

вича-Липовац около $2^1/_2$ ч. утра, двинулись через полчаса по дороге Альсопагони, Оженна, Кремпна и прибыли к д. Поляны в полдень; 6. батарея, назначенная в арьергард с Измаильским полком, присоединилась к своей бригаде позже, около 14 ч., пройдя по прямому пути Цихания-Поляны.

Таким образом все батареи 48. дивизии собрались у Поляны Сюда же в разное время подошли: 2. парк мортирного дивизиона из д. Граб, 1. парк 48. парковой бригады из д. Добешин, 2. парк из д. Жидовска и взвод 3. парка из д. Конты.

Дальнейшее движение этой артиллерийской массы задерживалось батареями и тремя парками 49. дивизии, чрезвычайно медленно проходившими по топкой дороге Поляны-Хиров. В отчете 48. дивизии говорится: „Нечеловеческие усилия саперной роты и рабочих загатить названное болото давали незначительные результаты, так как срубленные деревья тонули в пучине болота от двигающихся тяжелых повозок парков, орудий, зарядных ящиков".

Очевидно, гать следовало устроить раньше, для чего имелось: около трех месяцев времени, саперная рота и лес, росший по самым краям дороги.

К 15 час. полки 48. дивизии заняли позицию от д. Мисцова, по высотам 585—542—605, до горы Студеный Верх. Генерал Корнилов со штабом находился в д. Поляны.

Расположенный левее XII корпус также беспрепятственно отошел на указанную ему линию Студеный Верх, проход Дукла, Щуко.

Что касается 49. дивизии, составлявшей правый боевой участок XXIV корпуса, то она отступала при гораздо более трудных условиях, все время охватываемая справа неприятелем. Около полудня германские войска заняли Змигрод, вследствие чего Цуриков, не расчитывая продвинуть свой правый фланг до д. Самоклески, приказал подать его назад к д. Садки, в двух верстах северо-восточнее Змигрода.

О положении дел на правом участке Корнилов имел лишь отрывочные и случайные сведения, что об'ясняется отсутствием надлежащей связи со штабами 49. дивизии и корпуса.

По поводу связи с соседней дивизией Корнилов в дивизионном отчете говорит: „Непосредственной связи с начальником 49. дивизии у меня не было".

В своем письме к Корнилову Кислов признается: „я виноват тем, что не послал в 49. дивизию, хотя бы и *вопреки вашего распоряжения*, одного из офицеров штаба дивизии, или от артиллерии".

Из этой фразы следует, что Корнилов даже воспретил посылать в соседний штаб офицера для связи, хотя последнее рекомендуется, как тактикой, так и полевым уставом.

Относительно связи со штабом корпуса в отчете 48. дивизии сказано: „В д. Хиров начальником штаба дивизии был командирован офицер, заведывающий службой связи в дивизии, для отыскания телефонной станции штаба корпуса и постов летучей почты, как то было обещано выставить штабом корпуса; но, к сожалению, таковых не нашлось и связь с командиром корпуса, который, согласно приказа по корпусу, должен был быть в Кросно, нарушилась“.

В действительности, как видно из отчета XXIV корпуса, Цуриков не находился в Кросно, а за день вместе с своим штабом переменил целый ряд пунктов. До 2 час. ночи (с 21 на 22 апреля—4—5/V) он оставался в д. Граб, из коей переехал в Кремпну, а в 7 час. утра прибыл в Ивлю; отсюда он перебрался на Лысую гору, затем — на высоту 640 и наконец—на высоту 566. В 11 час. утра командир корпуса направился обратно в Ивлю, где случайно встретил начальника 49. дивизии Пряслова, доложившего, что его войска уже подходят к указанной им линии. Переговорив с ним, Цуриков, вместе с прибывшим командиром XII корпуса Лешом, поехал в м. Дуклу.

Здесь, путем переговоров по телефону со штабом армии, ему удалось выяснить, что для заполнения прорыва, образовавшегося между X и XXIV корпусами, направлено десять батальонов III Сибирского корпуса. После такого успокоительного известия Цуриков „счел своевременным переехать в Кросно“, куда около 5 час. пополудни отправился со всем штабом на автомобилях, по шоссе через Мейсце-Пястове. Однако, от'ехав от Дуклы не более версты, он стал встречать возвращавшиеся обратно на рысях обозы и транспорты. Оказалось, что небольшой отряд противника, пройдя восточнее Змигрода, проник до Кобилян, где выставил батарею и взял под огонь шоссе Дукла, Мейсце-Пястове.

Цуриков вернулся в Дуклу и, вызвав с большим трудом к телефону генерал-квартирмейстера штаба армии, указал ему на необходимость немедленного отвода корпуса, на что в восьмом часу вечера получил ответ: „корпусу отходить и занять позиции на фронте Недлпче-Риманов-Сенява; отход начать сегодня в 8 ч. вечера“.

Тотчас же командир корпуса направился по шоссе Дукла-Змигрод „на розыски оставленного в полдень в Ивле штаба 49. пехотной дивизии“.

Из приведенных фактов следует, что Цуриков, сопровождаемый штабом, весь день 22 апреля (5/V) провел в раз'ездах. В своем отчете он вменяет себе в особую заслугу такую „подвижность“, называя ее „тесным общением с войсками“; но несомненно, что подобный способ управления весьма неудобен, особенно для больших войсковых соединений.

Командир корпуса должен выбрать для своего пребывания наиболее выгодный пункт, а начальник штаба обязан организовать связь этого пункта со своими дивизиями, соседними корпусами и штабом армии; если же необходимость заставит командира корпуса переехать в другое место, то должны быть приняты меры для пересылки без задержки всех приказаний и донесений. Таковы общеизвестные правила, которые были нарушены в XXIV корпусе.

Выехав из Дуклы в двадцатом часу, Цуриков нашел штаб 49. дивизии в Теодоровке и здесь в 20 ч. 15 мин. отдал приказ о немедленном отступлении: 49. дивизии — на линию Иедличе-Роги и 48. дивизии — на линию Роги-Сенява.

Один экземпляр этого приказа он лично вручил Пряслову, а другой экземпляр послал с офицером-ординарцем в Хиров, где предполагался штаб 48. дивизии.

После этого, не дождавшись даже извещения о получении Корниловым столь важного документа и считая, что сделано все „что только в силах и разуме человеческом“, командир корпуса с чинами штаба сел в автомобили и около 9 час. вечера выехал по шоссе через Дуклу, Ялиску и Риманов в Кросно. Командующему армией он послал донесение о благополучном выходе корпуса из гор и в тот же вечер получил по телеграфу его благодарность.

На самом деле кризис только назревал. Для выхода из создавшегося трудного положения нужно было тщательно организовать отступательный марш корпуса и в особенности так урегулировать отход обеих дивизий, чтобы они, помогая друг другу, не подвергались опасности отдельного поражения.

Между тем, указанный выше краткий приказ передавал всю организацию дела в руки начальников дивизий, как известно даже неподдерживавших между собою связи, а преждевременный переезд командира корпуса в Кросно лишал его возможности руководить войсками при самом выполнении отступательного марша.

Приказ об отходе на линию Роги-Сенява был получен Корниловым в 22 ч. — Условия, при коих приходилось

совершать этот отход, в общем, сводились к тому, что войска германского корпуса Эммиха, занявшие Змигрод, теснили и обходили справа 49. дивизию, обстреливая артиллерией шоссе из Дуклы в Кросно, а на фронте 48. дивизии и XII корпуса части австрийской армии Бороевича, выжидая результата обходного движения немцев, пока лишь наблюдали за передвижением наших войск. План неприятеля, который нетрудно было разгадать, заключался в том, чтобы окружить русские корпуса стоявшие в Карпатах в районе Дуклы. При подобной обстановке следовало не только спешить с отходом, воспользовавшись ночью, но и по возможности избрать пути, проходившие вне ударов обходившего противника.

Из района, занятого 48. дивизией, к новому фронту Роги-Сенява вело прекрасное шоссе Тилова, Яслиска, Риманов. В ночь с 22 на 23 апреля (5—6/V) это шоссе было прикрыто расположением XII корпуса; днем 23 апреля оно было также свободно, что неопровержимо доказывается движением 3. парка 49. парковой артиллерийской бригады, который, следуя из м. Дуклы, имел большой привал от 8 до 11 час. утра у д. Далиова, после чего выступил дальше и прибыл в Риманов в $15^1/_2$ час. 23 апреля. Кроме того, из района 48. дивизии к фронту Роги-Сенява вела еще грунтовая дорога, отделявшаяся от шоссе Дукла-Тилова у Тржицианы и проходившая через Завадку-Римановску и Любатову на Ивонич, которой, как мы увидим впоследствии, воспользовался Ларго-Кагульский полк. Между этой дорогой и шоссе Яслиска—Риманов, несомненно, имелись еще другие пути, годные для движения пехоты.

Таким образом, 48. дивизия имела полную возможность отойти быстро, несколькими колоннами, отправив артиллерию и тяжелые обозы с соответствующим прикрытием по шоссе.

Между тем, для движения было выбрано самое опасное направление от Хирова через Ивлю и Дуклу. Из отчета 48. дивизии видно, что Корнилов совершенно неверно оценивал обстановку: в то время, когда нужно было возможно быстрее вывести войска из образовавшегося мешка, он предавался иллюзиям об общем переходе в наступление, пока же полагал, что 48. дивизия, двигаясь от Хирова на Ивлю и Дуклу, будет иметь возможность действовать во фланг противнику „в случае, если бы он потеснил 49. дивизию".

Такой неумеренный оптимизм, не желавший считаться с обстановкой, однажды (под Гродеком) уже привел 48. дивизию к потере почти всей ее артиллерии, а другой раз во время экспедиции за Карпаты к Гомонне едва не погубил ее совершенно.

К неправильному выбору направления присоединилась потеря времени.

Получив приказ по корпусу в 22 час., Корнилов только в 2 часа пополуночи отдал соответствующий приказ по дивизии. Согласно этого приказа, обозы первого разряда Измаильского, Очаковского и Рымникского полков должны были двинуться тотчас же из Хирова на Ивлю, а оттуда по шоссе через Дуклу на Ивонич и Риманов. Рымникскому полку с 1. батареей 48. бригады было приказано немедленно выступить из Хирова, и, заняв высоты 583—494—421 к западу и северу от д. Ивля, образовать „заслон" для прикрытия движения Измаильского и Очаковского полков со всей остальной артиллерией, коим предписывалось тронуться из Хирова в 3 часа утра и следовать через Ивлю, Дуклу, Ясионку и Любатовку [1]) на Ивонич.

По об'яснению Корнилова назначить выступление главных сил раньше этого было нельзя по той причине, что только к 3—4 час. утра можно было ожидать прибытия к Хирову четырех батарей, застрявших на дороге Поляны—Хиров. Мы видели, что артиллерия собралась у д. Поляны около полудня 22 апреля (5/V), следовательно, на прохождение шести верст до Хирова ей понадобилось пятнадцать часов!!

Ларго-Кагульскому полку, занимавшему позицию на высоте Студеный Верх, Корнилов приказал выступить в 3 часа утра и двигаться к м. Дукла, где присоединиться к дивизии.

Теперь посмотрим, как был выполнен этот приказ.

Обоз первого разряда тронулся из Хирова в 3 часа утра и, пройдя через Ивлю, около которой еще не было неприятеля, в 6 час. утра подошел к м. Дукла. Так как шоссе из Дуклы в Мейсце-Пястове обстреливалось артиллерийским огнем, то обоз свернул на Ясионку и через д. Любатовку благополучно прибыл в Ивонич, потеряв всего семь повозок, разбитых на походе снарядами противника.

По этому поводу на отчете XXIV корпуса Радко Дмитриев положил резолюцию: „характерно, что обозы могли выйти, а боевой элемент дивизии дал себя окружить".

Рымникский полк выступил от Хирова только в 5 час. утра, на три часа позже назначенного времени, что командир полка Петровский об'яснил утомлением людей. Трудно себе представить такое утомление, которое бы помешало, если не всему полку, то хотя бы части его, пройти в решительный момент от двух до четырех верст для занятия указанных высот.

[1]) Деревня Любатовка, которую не следует смешивать с Любатова, находится в 2 верстах к северу от Ясионки. На схеме она обозначена, но не подписана.

Впрочем, если бы Корнилов выполнил, отданный еще вечером 21 апреля (4/V), приказ командира корпуса о выделении одного полка в корпусный резерв к д. Ивля, то возможно, что в заслоне Рымникского полка даже не встретилось бы надобности.

Тем временем германские войска, шедшие за отходившими частями 49. дивизии, успели занять высоты 421 и 534 к северу и северо-востоку от д. Ивля. Когда рымникцы показались из этой деревни, то немцы неожиданно встретили их пулеметным огнем, а немецкая тяжелая и легкая артиллерия стала обстреливать походную колонну дивизии, двигавшуюся по узкому дефиле от Хирова.

„В виду внезапности огня и сильного поражения колонны, вытянутой на дороге Ивля—Хиров, среди нижних чинов произошло замешательство. Многие повозки обозов бросились назад, некоторые в сторону от шоссе, стали переворачиваться, валиться в овраги и промоины, находившиеся по сторонам дороги; пехота также бросилась в стороны, частью назад в прилегающие овраги“[1]).

Местность не давала возможности развернуть всю артиллерию, а снявшиеся с передков к югу от Ивли взвод 1. батареи 48. бригады и взвод мортирной батареи были тотчас же подбиты. Корнилов, вместе с начальником штаба, выехал для разведки на северную окраину д. Ивля, при чем был слегка ранен пулей в руку[2]).

Определив силы немцев около бригады, он приказал Рымникскому полку, двум батальонам Очаковского и одному батальону Измаильского полков отбросить противника, преграждавшего дорогу. Эта атака, произведенная без всякого содействия артиллерии, не удалась. „Части, понеся тяжелые потери, залегли и окопались“.

Корнилов говорит: „Так как артиллерии 48. дивизии негде было развернуться, а без артиллерии дальнейшее наступление вело только к уничтожению, то я решил немного подождать, полагая, что 49. дивизия, находившаяся в 5—6 верстах от меня, окажет мне поддержку переходом в наступление, хотя бы накоротке на высоту 534“.

Эта надежда не оправдалась и прежде всего по той причине, что обе девизии не поддерживали между собою связи, а Корнилов даже и теперь не послал офицерского раз'езда для розыска Пряслова и извещения его о происшедшем.

---

[1]) Расследование о потере артиллерии.
[2]) Рана была настолько легкая, что Корнилов даже обошелся без перевязки.

К 10 часам утра для Корнилова стало выясняться, что в случае дальнейшего промедления дело может принять весьма дурной оборот и потому он приказал своей артиллерии идти через Мшану и Тилову на Дуклу, а оттуда через Ясионку и Любатовку на Ивонич. Прикрытием должны были служить: сначала, состоявшие при ней, две роты укомплектования, а затем Ларго-Кагульский полк, коему было послано приказание—на пути в Дуклу остановиться у Тржицианы, выдвинув один батальон с пулеметами к Тилове.

В 11 час. утра Корнилов послал командиру корпуса в Кросно следующее донесение: „Положение дивизии очень тяжелое, настоятельно необходимо содействие со стороны 49. дивизии и частей XII корпуса".

Это донесение было получено в 18 ч. 40 мин., причем по словам Цурикова: „просьба не могла быть исполнена, ни по времени ее получения, ни по состоянию сил и положению войск, помощи которых желал начальник дивизии".

Тем временем артиллерия двигалась по указанному ей направлению от Хирова на Мшану, под начальством командира мортирного дивизиона полковника Трофимова. Командир бригады генерал-майор Шульман, с несколькими батарейными командирами и офицерами, остался близ Хирова для руководства вывозом поврежденной материальной части.

В полдень, когда артиллерийская колонна прошла д. Мшану, „беглецы из д. Тилова распространили слух о том, что в их деревню подвезли 10—12 пушек и пришли мадьяры" [1]).

Полковник Трофимов приказал батареям свернуть с дороги вправо и стать в резервной колонне за отрогом высоты, верстах в двух впереди Мшаны, а взводу 3. батареи выехать на позицию влево от дороги и открыть огонь по д. Тилова. Вслед затем „были выдвинуты на позицию 6. батарея и горный взвод, которым приказано обстрелять возвышенности восточнее и южнее д. Тилова", то-есть поражать пространство, о занятии коего неприятелем никаких сведений не имелось и где в действительности никого не было.

Пехотному прикрытию Трофимов приказал наступать на Тилаву по обеим сторонам дороги.

Начальнику дивизии было послано в 12 час. дня следующее донесение: „доношу, что д. Тилова занята противником. У меня имеются полторы роты, которые двинуты на Тилову.

---

[1]) Расследование о потере артиллереи.

Артиллерия стоит на дороге между Тиловой и Мшаной. Прошу дальнейших распоряжений".

Таким образом, на основании непроверенного еще слуха, какого-то рассказа перепуганных жителей, посылается точное донесение о занятии важного пункта, преграждающего выход из дефиле.

В это время к артиллерии под'ехал командир сотни 18. Оренбургского казачьего полка, составлявшего дивизионную кавалерию, и сообщил Трофимову, что им выдвинуты две заставы на высоты к югу от дороги Мшана—Тилова и отправлен раз'езд для освещения пути из Тиловы в Свидник.

Тогда же в 12 час. дня полковник Трофимов послал командиру Ларго-Кагульского полка следующую записку: „Прошу выслать несколько рот для прикрытия артиллерии, идущей через Мшану и Тилову на Дуклу". Но два разведчика, отправленные с этой запиской, равно как и казак, посланный с приведенным выше приказанием Корнилова [1]), не могли найти Ларго-Кагульского полка.

Это об'ясняется тем, что „вследствие слухов, плохо проверенных разведкой" [2]), о занятии немцами Дуклы, командир названного полка, полковник Карликов, отказавшись от предписанного ему первоначальным приказом движения к Дукле, в полдень, у Тржицианы свернул с шоссе вправо и через Завадку Римановску и Любатову отвел свой полк прямо в Ивонич, о чем и донес начальнику дивизии.

В действительности, в м. Дукла в это время не было никакого неприятеля, а оно было с 11 час утра занято батальоном Очаковского полка, высланным Корниловым из Хирова по горной дороге „с целью обеспечить с севера отход дивизии через Дуклу и войти в связь с частями 49. дивизии".

Не найдя в районе Дуклы этой дивизии, которая с полудня уже занимала новый фронт Иедличе-Роги, и опасаясь обхода немецких войск, наступавших с запада к шоссе севернее Дуклы, очаковцы в 14 час. пополудни также ушли через Ясионку и Любановку на Ивонич.

Около 14 час. прибыл к артиллерии, продолжавшей стоять на прежнем месте, командир бригады Шульман, которому об'яснили обстановку и доложили сделанные распоряжения. В это же время было получено следующее донесение от начальника пехотного прикрытия, производившего наступле-

[1]) Вместо Дуклы остановиться у Тржицианы, выдвинув один батальон с пулеметами к Тилове.

[2]) Письмо Кислова к Корнилову.

ние на Тилову: „Доношу, что действительно 30—40 австрийских кавалеристов занимали часть деревни около церкви; вверенной мне ротой даны шесть залпов и они быстро уехали по линии шоссе долом, оставив трех пленных наших; влево от деревни на высоте обнаружены также малые из 3—4 человек раз'езды, которые немедленно по открытии огня скрываются. Пехота не замечена".

Казалось бы, что после столь успокоительного сообщения, опровергавшего прежние слухи, артиллерии оставалось лишь возможно быстрее двигаться по указанному направлению через Тилову на Дуклу, но тут, несмотря на наличие двух рот прикрытия, явилось новое опасение перед неприятельской кавалерией. Решено было раньше обследовать шоссе из Тиловы на Дуклу особым офицерским раз'ездом.

„Стали собирать разведчиков по два от батареи. Сформирование артиллерийского раз'езда принял на себя полковник Резвой. В состав раз'езда вошли 10 разведчиков артиллеристов и 2 казака при 2 офицерах. Раз'езду было приказано осветить местность по шоссе из д. Тиловы в Дуклу, и по проезде пяти верст прислать донесение о возможности дальнейшего движения".

В 15 ч. 35 мин. раз'езд донес, что шоссе на Дуклу свободно и что в последнем пункте находятся очаковцы. Одновременно были присланы донесения из Тиловы о том, что с юга, со стороны Барвинок, показались неприятельские раз'езды и патрули.

Шульман хотел уже продолжать приостановленное движение через Тилову на Дуклу, как было получено приказание Корнилова: „Отходите немедленно через Мшану к д. Хиров и станьте укрыто у перекрестка с отметкой 510, или еще ближе к Хирову так, чтобы не подвергаться обстрелу".

Это приказание было ответом на приведенное выше, посланное в 12 час. дня, донесение полковника Трофимова о занятии д. Тилова. При существовавшей обстановке, когда путь через Тилову на Дуклу был свободен, исполнять его, очевидно, не следовало, но у Шульмана не хватило инициативы даже для такого решения, и он собрал „военный совет"

Во время совещания неприятельские батареи начали неожиданно обстреливать дорогу Мшана-Тилова. Одна шрапнель разорвалась над резервной колонной артиллерии и произвела страшную суматоху: „лошади шарахнулись вперед через реку, переворачивая орудия и ящики, цепляясь в запряжках и постром-

ках; вслед за шрапнельным выстрелом раздался треск пулемета по сбившимся в кучу запряжкам“ [1]).

Семь орудий, подхваченных испуганными лошадьми, понеслись по дороге на Тилову, при чем два из них почему-то отстали и впоследствии достались противнику, а пять остальных, направляемые ездовыми, продолжали движение по шоссе через Яслиску на Риманов, еще раз доказав, что вечером 23 апреля этот путь был свободен от неприятельских войск.

Что касается оставшейся артиллерии, то она была захвачена австрийцами. К сожалению, в имеющихся у нас документах нет описания того, как это произошло.

Между прочим, в отчете 48. дивизии сказано, что около 2 час. пополудни Корнилов приказал двум батальонам Измаильского полка идти в прикрытие артиллерии, а в письме Киселова к Корнилову действия этих батальонов описаны следующим образом:

„Потапов, как рассказывал мне подпоручик Измаильского же полка—Стоякин, получив приказание поступить в распоряжение Шульмана, двинулся туда около 4 час. дня, без всяких мер охранения и разведывания. Около Мшаны измаильцы были обстреляны пулеметами и в панике бросились в лес на высотах 648 — 601 Sw. Jan., а оттуда, немного устроившись, перешли к корчме и мельнице, напротив д. Нова-Весь. Здесь был собран военный совет, на котором был и Попович-Липовац. Подошедшие австрийцы бросили в толпу измаильцев несколько ручных гранат и открыли огонь пачками; произошла такая паника, что все бросились бежать, куда глаза глядят. Стоякин мне говорил, что он вам докладывал об этих действиях, не знаю. с такими ли подробностями“.

Надо полагать, что через некоторое время паника улеглась, но самый факт бросания ручных гранат показывает, что неприятель незаметно приблизился на несколько десятков шагов, то есть, что измаильцы, при коих находились командир полка и командир бригады, стояли без всяких мер охранения.

В сообщении германской главной квартиры сказано, что вечером 23 апреля (6/V), близ д. Тилова, австрийцы взяли из состава 48. дивизии около 3000 пленных [2]).

К ночи немецкие войска уже заняли м. Дукл, а передовые части австрийцев д. Тржициану, сомкнув кольцо вокруг 48. дивизии.

---

[1]) Расследование о потере артиллерии.
[2]) Kriegsberichte aus dem grossen Hauptquartier. H. 7. стр. 11.

Сначала Корнилов намеревался пробиваться в направлении Нова-Весь, для чего сосредоточил все остававшиеся силы к Хировой горе; но затем он от этого намерения отказался, хотя в ночное время такой план имел некоторые шансы на успех, тем более, что на указанном направлении находился малочисленный противник и притом австрийцы.

С рассветом прорыв сделался уже гораздо труднее; неприятельская артиллерия стала стрелять с севера, запада и юга; вскоре к этому присоединился ружейный и пулеметный огонь. В отчете 48. дивизии описание боя 24 апреля (7/V) заканчивается следующими словами:

„Полки дивизии отбивались на все стороны, имея целью возможно дороже продать свою жизнь и свято выполнить свой долг перед родиной“.

Дальнейшее мы узнаем из лаконического, но точного сообщения германской главной квартиры:

„На предложение немецкого парламентера сдаться начальник дивизии ответил, что он не может этого сделать, сложил с себя командование и исчез со своим штабом в лесах [1]). Вслед за этим 3500 человек сдались корпусу Эммиха. После четырехдневного блуждания в Карпатах генерал Корнилов, 12 мая (н. с.), со всем своим штабом, также сдался одной австрийской войсковой части“ [2]).

В результате, от 48. пехотной дивизии сохранились лишь: Ларго-Кагульский полк и батальон очаковцев, заблаговременно ушедшие с поля сражения; некоторые части, находившиеся в тылу, и пять орудий, спасенных взбесившимися лошадьми.

Что касается главных сил дивизии, окруженных неприятелем, то они погибли полностью: $6^1/_2$ тысяч человек были взяты в плен, остальные убиты или ранены.

Знамена всех полков уцелели, так как их, по обыкновению, держали в обозе второго разряда.

Генерал Цуриков узнал об участи, постигшей половину его корпуса, лишь 25 апреля—8/V в 2 часа пополуночи.

Первоначально всему этому делу постарались придать такой вид, как будто бы 48. дивизия сознательно задержалась

---

[1]) Вместе с ним ушли также командир артиллерийской [illegible], коему после потери орудий, действительно, нечего было делать, и командир Рымникского полка Петровский.

[2]) Kriegsberichte aus dem Grossen Hauptquartier Heft 7, стр. 11: «Von einem deutschen parlamentär aujgeiordert, sich zu ergeben, erklärte der Divisionskommandeur, dies könne er nicht tun, legte sein Kommando nieder uno verschwand mit seinem Stabe in den Wäldern. 3500 Mann ergaben sich hierauf dem Korps Emmich. Nach viertägigem Umherirren in den Karpathen ergab sich General Korniloff am 12 Mai samt seinem ganzen Stabe einem österreichischen Truppenteile».

для прикрытия общего отступления, после чего, выполнив свою задачу, остатки ее полков, со своими знаменами, пробились сквозь окружавшего многочисленного неприятеля, сам же Корнилов, находившийся при арьергарде, был тяжело ранен и взят в плен.

Главнокомандующий юго-западного фронта Иванов телеграфировал верховному главнокомандующему: „Ходатайствую о примерном награждении остатков доблестно пробившихся частей 48 дивизии и особенно ее героя начальника дивизии, генерала Корнилова."

Решение великого князя видно из следующей телеграммы, полученной командиром корпуса от командующего армией: „его императорское высочество вошел с ходатайством о награждении генерала Корнилова орденом Св. Георгия 3 степени, телеграфировал государю императору о геройском подвиге 48. дивизии, жалует всем нижним чинам георгиевские кресты, повелел телеграфировать об офицерах, достойных ордена св. Георгия 4 степени, передать им свою горячую благодарность, вся армия гордится ими".

Прошло более года прежде, чем дело стало понемногу раз'ясняться и постепенно появились разобранные выше документы, но и в них, посреди полемики и взаимных разоблачений, все-таки еще мелькает легенда о том, как „остатки полков 48 дивизии, спасая знамена, устилая своими и вражьими трупами путь, пробились и вышли на фронт корпуса".

Такое упорное искажение истины не может нас удивлять, потому что ложь в донесениях и реляциях была вообще весьма распространенной болезнью в русской армии.

Из сделанного очерка боевых действий видно, что *48 пехотная дивизия погибла от дурного управления войсками*, следовательно по той же самой причине, по коей была, главным образом, проиграна русскими и вся война 1914—18 гг.

Командир корпуса генерал Цуриков, ограничиваясь отдачей неполных и неточных приказов, в дальнейшем выпускал командование из своих рук. Вместо того, чтобы тщательно организовать отступательный марш корпуса и лично следить за его выполнением, он предоставил это дело начальникам дивизий, и перед самым кризисом уехал в тыл. Отсюда он послал командующему армией телеграмму о благополучном выходе корпуса из гор, а спустя сутки неожиданно узнал, что половина его корпуса погибла.

Служба генерального штаба во всех штабах корпуса исполнялась неудовлетворительно, особенно в деле организации связи.

Начальник 49. дивизии Прислов действовал так, как будто бы он был один, совершенно не справляясь с положением соседней дивизии.

Генерал Корнилов неверно оценивал обстановку, поступал вразрез с намерениями командира корпуса и даже не исполнял его приказаний. Он не поддерживал никакой связи с 49. дивизией, неправильно организовал отступательное движение, потерял понапрасну много времени, а в конце, не расчитывая пробиться, покинул вверенные ему войска, после чего они положили оружие.

Командир Рымникского полка Петровский несвоевременно исполнил важное приказание начальника дивизии и даже не позаботился выдвинуть хотя бы небольшую часть для прикрытия выхода из дефиле.

Командир Измаильского полка Потапов водил и располагал свои батальоны без всяких мер охранения и разведывания.

Командир Ларго-Кагульского полка Карликов, на основании каких-то слухов, потом оказавшихся ложными, не пошел в назначенный ему пункт, а свернул в сторону и совершенно отделился от дивизии.

Командир 48 артиллерийской бригады генерал Шульман проявил полную бездеятельность и поразительное отсутствие инициативы.

В таком же духе действовали и некоторые младшие начальники.

Вообще, описанные события, кроме ошибок в области творчества, всегда возможных в трудном и ответственном деле, обнаруживают на каждом шагу нарушение самых элементарных правил тактики и полевого устава и полную неналаженность всего механизма управления, тем более удивительную, что генералы Цуриков и Корнилов командовали своими частями с самого начала войны и следовательно имели за собой восьмимесячный опыт почти непрерывных боев.

В плену, в Австро-Венгрии, Корнилов пробыл год и три месяца, все время думая о побеге, но убежать было невозможно без сообщника из местных жителей, а его не находилось.

Наконец, в июле 1916 года, будучи в госпитале в Кессиге, Корнилов вошел в соглашение с аптекарским фельдшером, чехом Мрняк, который за 20.000 крон (уплачиваемых по прибытии в Россию) взялся освободить его из плена. Деньги на

путевые расходы, в количестве нескольких тысяч крон, у Корнилова имелись.

Мрняк добыл все нужные документы, переодел Корнилова в австрийскую солдатскую форму, вывел его из госпиталя и по железной дороге доставил к румынской границе, которую Корнилов благополучно перешел. Сам Мрняк, судя по австрийским газетам, был арестован и предан суду, который приговорил его к смертной казни, но впоследствии это наказание было заменено заключением в тюрьме на 25 лет.

Бегство из плена, вокруг коего была создана шумная реклама, сделало имя Корнилова известным в России и послужило основанием для последующего быстрого его возвышения. Под ударами неприятеля, раздираемый внутренней смутой, русский народ тщетно искал героя-избавителя и посреди общего безлюдья некоторые думали его найти в смелом солдате, коего военные и политические таланты далеко не соответствовали его беспредельному честолюбию.

Е. И. Мартынов.

После напечатания этой статьи была найдена, в деле № 3 Оперативного отделения Управления генералъ-квартирмейстера юго-западнаго фронта (ч. II, стр. 146), следующая телеграмма главнокомандующего Иванова, отправленная 26 апреля в Львов генералу Половцеву:

«Прошу принять самые решительные меры по содержанию передаваемой ниже относительно генерала Поповича-Липовац части телеграммы начальника штаба 3 армии, который сообщает следующее: раненый в бедро генералъ Попович-Липовац эвакуировался во Львов и с пути прислал телеграмму панического содержания, в которой изображает бой 48 дивизии в весьма субъективной окраске страждущего от ран человека. Крайне необходимо принять меры к тому, чтобы во Львове его рассказы не произвели вредного впечатления и весь прекрасный бой этой дивизии не получил бы одностороннего освещения».

Очевидно, черногорец Попович-Липовац, кавалер четырех солдатских и офицерского георгиевских крестов, пытался высказать какую-то правду о бое 48 дивизии.

Бой 2 бригады 46 пех. дивизии с австрийцами у Веленче, Михалева (Бодачева) 13/26 августа 1914 года.

(Составлено по сохранившимся документам, по личным воспоминаниям офицеров бригады).

Бой этот, не большой и не имевший особого значения, представляет интерес в том отношении, что наглядно показывает, к каким последствиям приводит отсутствие общего управления, ориентирования и связи со стороны старшего командного состава, до какой степени затрудняют они согласованные действия войск, которые не только лишаются возможности сознательно и успешно выполнять поставленные им задачи, но и ставятся в критические положения.

Бой 13/26 августа был первым и притом неудачным для нас; как таковой, он произвел невыгодное впечатление на необстрелянные еще войска и пришлось затратить не мало сил, чтобы загладить это и поднять их дух.

К вечеру 11/24 августа части бригады под моим начальством были расположены: авангард — полк Воронцова-Вельяминова (184 п. Варшавск. п. и батарея 46 арт. бриг.)—в д. Лабуне; главные силы — полк. Малеев — (183 п. Пултуск. п.) — в д. Ярославец; остальная артиллерия присоединилась к нам на другой день. Сторожевое охранение 148 п-ка было выдвинуто на высоты южнее д. Воля Лабуньская и вечером имело небольшое столкновение с передовыми частями противника [1]). Сапер у нас была одна рота, а казаков—всего 5 человек. Я находился при 184. полку.

Бригада составляла среднюю колонну XXV корпуса, направленного на Томашев: правой его колонной была 70. пех. див., главные силы которой шли на Замостье, а авангард — на д. Жданов; левая колонна состояла из 3. грен. дивизии, двигавшейся

[1]) Записка моя нач-ку 46 п. диз. 11 авг. 22 часа. № 5.

главными силами на д. Чесники, а авангардом—к д. Комарову[1]). Первая бригада 46. п. див. была направлена на помощь 4. армии.

Во время этого передвижения мы были совершенно ориентированы относительно соседних войск, поддерживали с ними связь и понимали обстановку.

Схема №1 района местности Избица-Щебрешин-Замостье.
Масштаб: верст

О неприятеле нам было известно [2]):

В Замостье 9/22—10/23 ав. находилось несколько конных полков с 2—3 батареями и небольшая пехотная часть. Перед вечером 10/23 числа против нашего сторожевого охранения у госп. дв.

[1]) Приказ 46. п. див. 10 авг. 22 часа. № 2.
[2]) Записка моя нач-ку 46. п. див. 11 авг. 22 часа. № 5.

Лапигуз и близ д. Ситанец наступали небольшие спешенные части, поддержанные артиллерией; южнее д. Шопинек, при передвижении 11/24 замечены были отдельные конные партии. К вечеру 10/23 авг. противник отошел в направлении к Томашеву. Местные жители передавали, что австрийцы находятся у Тарноватки и Криницы, что там много кавалерии и мало пехоты и что, наконец, через три дня они перейдут в наступление. Последнее столкновение нашего сторожевого охранения и пешая разведка выяснили, что охранение противника находится, примерно, на линии К. Ксенжостаны, Майдан Рушовский.

В общем, при движении на юг мы имели достаточные сведения о неприятеле. Дальше, как увидим ниже, все это было нарушено с неожиданным поворотом бригады под прямым углом на запад, вследствие отсутствия правильного руководства и ориентирования свыше, а также — весьма спешного и разрозненного сосредоточения ее частей в новом направлении.

Движение к Томашеву не было осуществлено, т. к. 12/25 авг. нам было приказано идти на помощь Гренадерскому корпусу [1]), бывшему западнее нас и потерпевшему неудачу в районе Фрамполя. Поэтому 70 пех. дивизия была направлена на Злоец к Жолкевке, наша бригада — к Замостью; туда же от Комарова через Лабуне должна была передвинуться и 3. грен. дивизия.

Несколько раньше этого штаб 46. п. див., перешедший в Замостье, потребовал перехода туда 183. полка и смены авангарда 70. п. див. у Жданова. Позднее я получил личное указание нач. штаба корпуса вести 12/25 к Замостью и 184 полк, оставив на месте лишь сторожевое охранение до смены его из 3. грен. дивизии; от него я узнал, что мы должны изменить направление движения и идти на Щебрешин, Творичев.

В штабе дивизии, куда был вызван днем 12/25, я получил следующие устные указания: австрийцы теснят Гренадерский корпус, который отходит на Кщонов, Быхава [2]). Небольшие части неприятеля замечены у госп. дв. Вепрец и у д.д. Вепрец и Заречье. 183. полку с артиллерией немедленно следовать на Завада, Бодачев, Михалев, не ожидая 184. п. Целью нашего движения ставилась атака во фланг австрийцев, наступавших против Гренадерского корпуса, в направлении на Жребцы, Тво-

[1]) Составлял левый фланг 4 армии.

[2]) Кщонов в 12 верст, сев.-зап. Жолкевки, а Быхава в 10—12 в. к западу — от Кщонова.

ричев, Туробин. 13/26 августа приказано было овладеть переправой через р. Пор у Творичева.

В Замостье к нам присоединилась артиллерия — остальные батареи 2 дивиз. 46 арт. бриг. и XXV мортирн. арт. дивизион.

Марш бригады 12/25 авг. к Михалеву был организован так: первый эшелон, под моим личным начальством, — из 2. бат. 183. п. с одной легкой и двумя гаубичными батареями — выступил из Замостья в 14½ часов; второй эшелон, в составе 184. п. с батареей, под начальством полк. Воронцова, вышел из Лабуне на Замостье около того же времени. От 183. полка, для охранения марша, были выделены: авангард силою в батальон и боковой авангард. — 1½ батальона с батареей; авангард двигался в расстоянии получаса от главных сил полка, а боковой авангард, находившийся у Жданова[1]), был направлен на Конты, Броды, Щебрешин. В виду сведений о неприятеле в районе Вепрец, Заречье, 184. полку приказано охраняться с юга.

От штаба дивизии я получил около полусотни казаков, большую часть которых назначил в авангарды.

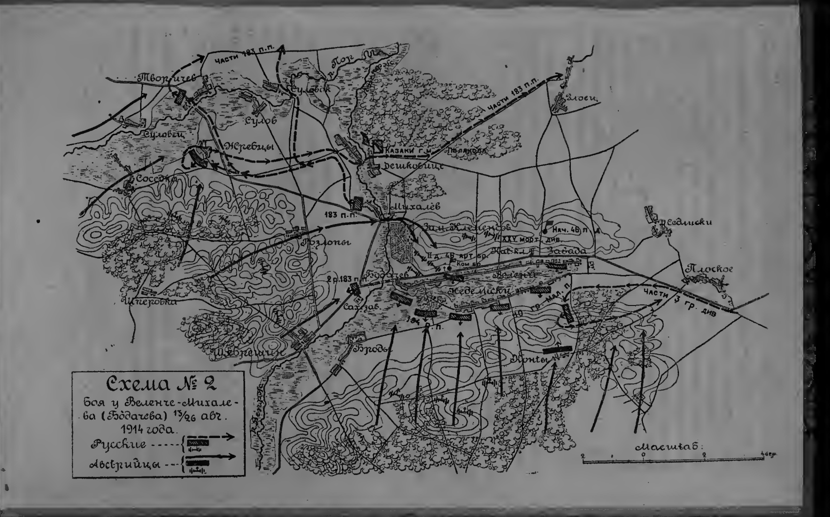
Разведку впереди нас, как мне было известно, нес отряд ген.-майора Полякова в 6—8 сотен с 1—2 кон. батареями и еще какая-то конная часть (кажется, 13. донск. каз. п.); первый должен был выдвинуться на Михалев, Творичев и далее к Туробину, а второй, сколько помню, — на Щебрешин, и в район южнее Туробина. Эти конные отряды мне подчинены не были, а подчинялись, вероятно, непосредственно командиру корпуса. С отрядом Полякова, находившимся вначале в районе Дешковице, удалось связаться, но о том, где был второй отряд — мы не знали.

Ночлег частям бригады был назначен: 183. полку в д Михалев и 184.—д. Бодачев. Артиллерия—при 184. полку, кроме одной легкой батареи, которая должна была продвинуться с 183. полком. Авангарду этого последнего (он же и авангард бригады) было приказано, по достижении Михалева, выдвинуться вперед, примерно, на версту, в направлении на д. Жребцы.

К 18—19 часам первый эшелон достиг Бодачева. Я остановился на большой дороге против д. Веленче, у придорожного креста. Штаб дивизии расположился в поле, к северу от д. Завада.

За время марша первого эшелона о неприятеле не было никаких определенных сведений, но его отдельные раз'езды появлялись из лесов, что южнее большой дороги Замостье,

[1]) Там был оставлен батальон 70. мех. див. до смены его из 3. грен. див.

Схема № 2
боя у Веленче-Михалева (Бодачева) 13/26 авг. 1914 года.
Русские
Австрийцы
Масштаб:
Творичев
Части 183 п.п.
Сулевиц
Сулов
Суловец
Жребицы
Соседов
Казаки г.м.
Дешковице
Злоец
Михалёв
183 п.п.
Зам. Клеменсов
Нач. 46 п.
XXV морт. див.
Седлиски
Заздлоны
Забада
Плоское
2 р. 183 п.п.
Бодачев
Ком. бр.
Жедемиски
Части 3 гр. див
Цмеровка
Сахзав.
Броды
Зорны
Шебрешин

Щебрешин; производило впечатление, что они выслеживали наше движение.

К концу дня выяснилось, что нашего бокового авангарда нет у Щебрешина, сведений о нем не было. Первый эшелон по недоразумению пошел к Михалеву, не правым берегом Вепржа, через Зам. Клеменсов, как ему это было указано, а— левым, по длинной гати через эту болотистую реку, мимо м. Щебрешин, еще не занятого нами[1]). К этому присоединилось еще, что п. Малеев увел за собою и всю бывшую при эшелоне артиллерию, которая затем, вследствие сведений о появлении неприятеля у Щебрешина, остановилась на длинной гати и попала в опасное положение.

Все эти случайности, происшедшие уже в полной темноте, могли бы привести к печальным результатам, если бы неприятель, действительно, занял к этому времени Щебрешин, но австрийцы еще не успели подойти туда, хотя передовые их части были уже недалеко.

По моему распоряжению артиллерия была отведена к д. Веленче, а Щебрешинская переправа и район к югу от Бодачева заняты двумя ротами 183. полка, вызванными мною еще раньше из бокового авангарда и подошедшими к этому времени сюда. 184. полку было приказано ускорить движение, а бывшую при нем батарею — выслать на рысях [2]).

К 24 часам авангард занял Михалев, а несколько позднее туда подошли и остальные части 183. п., составлявшие первый эшелон.

К половине первого часа прибыла батарея от 184. п., а между 1—4 часами подошел по-эшелонно и он сам. Наконец, в 3 часа появился и боковой авангард; последний не выполнил своей задачи, т.к., столкнувшись в районе госп. дв. Вепрец с передовыми частями противника, он свернул на большую дорогу вместо того, чтобы идти на Конты, Броды к Щебрешину.

184. п. и вся артиллерия расположились биваками у большой дороги против д. Веленче. Сторожевое охранение было выставлено в районе южнее Бодачева и далее по окраине д. Неделиски.

Столкновение бокового авангарда с передовыми частями противника, выслеживание им движения первого эшелона, обстрел 184. полка группами местного населения при прохожде-

---

[1]) Показания 183. п. подп. Говорова и капит. Красовского. Против Щебрешина, как это видно из записки ком-ра 183. п. от 13 авг. 6 час. без №, им была оставлена рота.

[2]) Записка моя к-ру 184. п. 12 авг. 19 ч. 20 м. без №.

нии Замостья, наконец, — сведения, правда, смутные, о нахождении каких-то неприятельских частей западнее Щебрешина и замеченная в разных пунктах световая сигнализация, — все это давало понять, что австрийцы находятся недалеко, где-то южнее и западнее; чувствовалось как бы, что обстановка складывается неблагоприятно для нас. О неприятеле с фронта мы никаких сведений не имели. О 3 грен. див. было известно, что части ее двигались днем через Лабуне к Замостью. Точных известий о 70. пех. див. не было.

Таким образом, в течение 12/25 авг. части XXV корпуса были повернуты под прямым углом и направлены на запад почти в затылок друг другу. Фланговый марш этот, как оказалось, был совершен в непосредственной близости от неприятеля, скрытно подходившего с юга. Все конные части, как указано выше, были направлены к району Туробина; дальней разведки на юг не было.

Результаты этого сказались на другой день: там, где искали неприятеля, — его не оказалось, но зато были атакованы им с юга, откуда противника не ожидали и притом значительно превосходными силами. Это обстоятельство, в связи с отсутствием общего управления, повело к тому, что бой XXV корпуса 13/27 авг. распался на два отдельных между собою эпизода: бой 70. пех. див.—для нас удачный и бой 2. бриг. 46. пех. див., в котором приняла участие и часть 3. гр. див. — неудачный. Неудача же второго, как увидим ниже, до известной степени, сказалась и на следующем таком же отдельном бое — 3 гр. дивизии 14/27 авг. в районе Замостья, который имел уже совсем тяжелый исход.

В частности, и бой 2. бриг. 46. пех. див., вследствие случайности, точно также распался на два отдельных: бой 184. п. и всей артиллерии под Веленче (Бодачевым) и бой отошедшего, вопреки моему приказу, от нас 183. полка в районе Михалев, Жребцы, Творичев [1]).

Отданные мною распоряжения на 13/26 авг. заключались в следующем [2]):

Ком-ру 183. полка выдвинуть к 6 часам авангард из двух батальонов и четырех пулеметов на версту впереди Михалева, которому оставаться там до сосредоточения в Михалеве главных сил. В состав последних были назначены: 1 бат. 183 п. и весь 184. — под начальством полк. Малеева. Артиллерия — при глав-

[1]) Причины отделения 183. полка неизвестны, т. к. к-р. полка был взят в плен 14/27 августа.

[2]) Записка моя ком-ру 183. п. 13 авг. 5 час. 35 м. № 1.

ных силах, кроме одной легкой батареи, которую присоединить к авангарду по прибытии главных сил к Михалеву. Для охраны движения с юга, помимо занятия Щебрешинской переправы, назначен от 184. п. боковой авангард (2 роты с 2 пулем.), которому указано следовать от Бодачева на Щебрешин и далее—на Разлопы, Жребцы. Общее направление движения бригады—Жребцы, Творичев, с целью овладения переправой у этой деревни [1]).

Об освещении неясного для нас и, вместе с тем, чрезвычайно важного при предстоявшем движении района Щебрешин, Шперовка, Соседка — я просил г.-м. Полякова [2]), т. к. своей конницы у меня не было, а без предварительной разведки я рисковал быть внезапно атакованным с высот во фланг и сброшенным в болотистую долину р. Вепржа, как это и случилось в действительности с 183. полком.

Местность, на которой произошел бой 13/26 авг., рассекается р. Вепржем на две половины: западную, ограниченную болотистыми долинами Вепржа и Пора, и восточную—к востоку от первой из этих рек, по обоим сторонам большой дороги Щебрешин, Замостье. Первая, на которой пришлось принять бой 183. полку, представляет собою на сев.-востоке совершенную равнину, весьма полого спускающуюся к долинам рек. Юго-западная часть ее заполнена значительными высотами, которые резко выделяются среди окружающей местности и сильно командуют ею; крутые склоны, овраги, леса, покрывающие большую часть этих высот, придают им довольно пересеченный характер. Переправы через Вепрж находятся у Дешковице и Михалева, а через Пор — у Творичева и Суловка; вне этих пунктов обе реки, особенно первая, трудно проходимы вброд. (см. схему 2).

Восточная половина имеет равнинный характер, который разнообразится несколькими группами высот (118,6, 126,6 и др.), а на юге—и лесами; высоты, расположенные южнее большой дороги, командуют всею местностью. От Щебрешинской переправы тянется на восток пологая мокрая лощина, по склонам которой расположены д. д. Бодачев, Веленче, Завада и Неделиски; первые три почти сливаются в длинный ряд селений, сопровождающих дорогу Щебрешин-Замостье. К линии Броды, Конты подходит с юга опушка значительного леса. На этой местности дрались 13/26 авг. 184. п. и часть гренадер.

---

1) По сведениям от казаков, оказавшимся неправильными, она была занята неприятелем.

2) Записка моя г.-м. Полякову 13 авг. 6 час. 7 м. № 15.

Из этого краткого описания видно, что австрийцы, появившиеся с юга неожиданно для нас и в превосходных силах, имели на своей стороне большие преимущества и в смысле местности.

Рано утром 13/26 авг., когда мы уже готовились к выступлению, были получены от нач-ка дивиз. новые распоряжения ком-ра корпуса, опять менявшие направление движения бригады: нам было приказано следовать на фронт Творичев, Летичин и овладеть переправами через р. Гораец, обеспечив за собой в то же время и Творичевскую переправу.

В виду этого, движение пришлось задержать; направление нового наступления я определил в полосе между Михалев, Розлопы, Летичин и Бодачев, Щебрешин, Подборже [1]). Однако, распоряжения эти не пришлось приводить в исполнение.

Между 7—8 часами австрийцы начали наступление, которое сразу обозначилось в двух направлениях: из лесов южнее линии Броды, Конты к Бодачеву, Неделиски и с лесистых высот сев.-западнее Щебрешина — сначала к Бодачеву, а затем и на Жребцы, Розлопы; казалось, что первая группа войск была гораздо больше. Вскоре за передовыми частями обнаружились более значительные. Становилось ясно, что мы будем вскоре атакованы превосходными силами. (см. схему 2).

Поэтому я отдал такие распоряжения: двум бат. 184. п. занять юго-западную опушку Бодачева, рощу впереди нее, а потом и ближайшую часть д. Неделиски. Двум бат. составить бригадный резерв у Веленче. Легкие батареи заняли позиции: одна между З. Клеменсовым и Бодачевым, а две—против Веленче, севернее большой дороги; обе мортирные расположились за восточными склонами высоты 118,6. Позиции эти были неудобны — открыты и со стесненным обстрелом, особенно в западном и юго-западном направлениях.

Огонь нашей артиллерии вначале был обращен на неприятеля, выходившего из лесов южнее Броды, Конты и по району впереди Щебрешина, где противник, видимо, стремился занять сахарный завод [2]).

Между тем неприятель значительно усилился и стал наступать быстрее. Пришлось из резерва выделить батальон, а впоследствие — еще 2 роты, для обеспечения длинного участка у д. Неделиски.

---

[1]) Записка моя ком. 183. п. 13 авг. без обозначения времени и №.
[2]) Записки: ком-ра 14 р. 184 п. 13/26 авг. 11 час. 10 м. № 11 и ком-ра 5. р. 183. п. 13/26 авг. 11 час.

Наш артиллерийский, особенно гаубичный, огонь оказался весьма действительным: дебуширование австрийцев из лесов было задержано, а передовые части даже отброшены назад; район сахарн. завода очищен. Я распорядился занять последний двумя ротами, что и было выполнено.

Что же касается до 183. п., то, по непонятным причинам, п. Малеев не выполнил моего приказа остановиться и повел полк к Творичеву; здесь, почти лишенный артиллерийской поддержки, он вскоре попал под сильный фланговый огонь со стороны с.-зап. Щебрешина и отошел ближе к Дешковице [1]). Посылаемые ему неоднократно приказания остановиться не привели ни к чему, быть-может он их не получал [2]). Я доносил об отделении 183. п. нач-ку дивизии, но, видимо, и он не мог остановить его [3]); просил г.-м. Полякова установить связь с полком и прикрыть его огнем своей артиллерии, но ответа не получил. Наконец, приказал правофланговой батарее перенести огонь по неприятелю, наиболее вредившему 183. полку, что облегчило несколько положение последнего, но только временно [4]); поиски другой артиллерийской позиции не увенчались успехом [5]). Связь с полком окончательно терялась. Это было, примерно, около 13 часов.

К 12 часам было получено новое приказание ком-ра корпуса, в третий уже раз менявшего нашу боевую задачу: нам указывалось овладеть 13/26 августа только Творичевской переправой, оставив переправы через Гораец на завтрашний день [6]). Но обстановка, как мы видели, сильно уже изменилась к этому времени — мы были атакованы с юга и юго-запада, бой был в полном разгаре, почему о наступлении к Творичеву нечего было и думать, имея сильнейшего неприятеля с фланга и даже с тылу.

В 14-м часу получил сведение от нач. 46. див., что подходят части 3 грен. див., и что около 15 часов они перейдут в наступление от д.д. Плоское и Завада на фронт Неделиски, Конты, против правого фланга австрийцев [7]).

Как мне казалось тогда, это обстоятельство, в связи с успешными действиями нашей артиллерии, задержавшими насту-

---

[1]) Записка ком-ра 183. п. нач-ку 46. пех. див. 13/26 авг. 12 час. 7 мин. № 13.
[2]) Записка моя ком-ру 183. п. 13/26 авг. 12 час. 45 м. № 6.
[3]) Записка моя нач-ку 46. пех. див. 13/26 авг. 17 час. № 8.
[4]) Показания: 183. п. подп. Говорова и 46. арт. бриг. подп. Яковлева.
[5]) Записки ком-ра 2 дивиз. 46. арт. бриг. 13/26 авг. 12 час. № 1 и 10/12 янв. 1915 г. № 1.
[6]) Приказание ком-ра XXV корп. нач-ку 3. грен. дивизии 13/26 авг. 11 час, 25 м. № 324, пересланное мне нач-ком 46. пех. дивиз.
[7]) Записка нач-ка 46. п. див. 13/26 авг. 13 часов № 34.

пление неприятеля с юга, и занятием сахарн. завода впереди Щебрешина, могло создать благоприятный для нас перелом в ходе боя. Я готовился к совместному наступлению с гренадерами и вновь сделал попытку остановить 183. п. и повернуть его на Розлопы, т.-е. в направлении на неприятеля, сближавшем нас; опять просил Полякова установить связь с полком, а затем — и принять меры к обеспечению моего правого фланга в районе Михалев, Клеменсов, который, с уходом п. Малеева, оказался обнаженным [1]). Никаких ответов я не получил.

Однако, от наступления пришлось отказаться, т.-к. противник развернул на фронте Соседка, Щебрешин, Броды, Конты чрезвычайно большие силы, отбросил вскоре гренадер и, развив подавляющий артиллерийский огонь с обширной охватывавшей нас дуги, перешел в общее наступление.

Гренадеры (кажется, бригада) к 15 часам, действительно, подошли к правому флангу неприятеля и завязали с ним бой; нам казалось, что они развернулись на фронте Завада — лес, что восточнее Конты. С ближайшим к нам 10. грен. Малорос. полком тотчас-же была установлена связь. Первоначально гренадеры имели успех и потеснили австрийцев, но затем были отброшены, дальнейших сведений о них у нас не было; только часть Малорос. п. (сколько помню, 1 — 2 батальона), заняв окраины д. Веленче и Неделиски, продолжала вести упорный бой совместно с Варшавцами.

Между тем с 183. п. произошло следующее [2]):

Поражаемый с фланга, со стороны Соседка, Шперовка, полк продолжал все же свое наступление, но вынужден был принять ближе к Вепржу и Пору. Во время движения под огнем он пришел в расстройство и разбился на несколько групп: одна, примерно, между 13—14 час. заняла Жребцы, другая, во главе с ком-ром п., достигла Творичева, оказавшегося также не занятым неприятелем; наконец, остальная часть полка отделилась совсем и отошла, повидимому, в северном направлении.

В указанных пунктах Пултусцы оставались приблизительно до 16 — 17 часов, но затем, под напором превосходных сил противника, они отошли в разных направлениях: п. Малеев — к. д. Машов, в район расположения 70. пех. див., другая часть — на Дешковице к д. Злоец; остальные, повидимому, прошли еще дальше в направлении к шоссе Избица, Замостье.

Таким образом, к 17 часам 183. полк. вышел из боя и окончательно отделился от нас.

---

[1]) Записка моя г.-м. Полякову, 13/26 авг. 16 час. 15 м. № 8.
[2]) Показания 183. п. подп. Говорова и капитанов Гоппера и Розова.

К $17^1/_2$ час. наступление австрийцев против участка Бодачев, Неделиски приняло энергичный характер.

Необыкновенно сильный огонь привел к временному молчанию наши гаубичные батареи, и только полевые продолжали работу. Обстрел произвел впечатление на ближайшие обозы и зарядные ящики—поднялась паника, которую, однако, удалось вскоре прекратить.

Войска держались еще твердо. Неприятель подошел уже на прямой выстрел, а близ Бодачева пытался атаковать, но был отбит. Однако, под влиянием обхода с обоих флангов—на на Неделиски и Михалев, Клеменсов, некоторые роты пришли в замешательство и стали уходить с позиций. Хотя общими усилиями порядок и был восстановлен, но становилось ясно, что войска, измученные дневным боем и усиленными передвижениями, растянутые в темноте, со слабым резервом и, наконец, охваченные с флангов превосходным неприятелем, не удержатся дольше и попадут в безвыходное положение; правофланговая батарея, вследствие приближения неприятеля через З. Клеменсов, попала в опасное положение, и я едва успел выручить ее контр-атакой роты из резерва.

Наступила темнота. Никаких сведений и распоряжений свыше мы не получали. Штаб дивизии еще находился на прежнем месте, но, видимо, и там не были ориентированы в обстановке. 183. п. окончательно отделился. Гренадеры отошли в неизвестном направлении и с нами осталось только несколько рот 10. грен. Малорос. п. с ком-ром п., п. Правоторовым. Отряда г.-м. Полякова найти не удалось [1]).

Настроение войск становилось беспокойным.

В этих обстоятельствах я решил собирать войска с позиций и отходить. Еще раньше этого пришлось снять легкие батареи, одну из которых расположил на другой позиции севернее д. Завада, для прикрытия отхода. Последний начат был с правого фланга, наиболее угрожаемого и удаленного. Для прикрытия отряда со стороны Бодачева и З. Клеменсова, куда неприятель уже успел проникнуть, был образован арьергард из 2 рот с 4 пулем. от 184. п., который и расположился у большой дороги, против д. Веленче фронтом на запад и юго-запад; с этим отрядом, в целях придания ему большей устойчивости, я остался лично. Другой арьергард из 1—2 рот Малорос. п.—занял юго-вост. окраину Веленче и д. Заваду. Артиллерия была мною направлена отдельным эшелоном на д. Седлиски и далее в

[1]) Записка моя нач-ку 46. пех. див. 13/26 авг. 19 час. 5 мин. без №.

район Избицкого шоссе, т. к., будучи совершенно неориентирован в общей обстановке, я не мог рисковать вести ее в темноте вместе с пехотой по дороге, запруженной какими-то обозами. Командование всеми главными силами было поручено ком-ру 184. п., которому указано отходить сначала по большой дороге на Замостье, а затем—в район того же шоссе [1]), где я рассчитывал соединиться с 183. п. и получить дальнейшие указания от начальства. О своем положении и распоряжениях я донес нач-ку 46. п. див., который вскоре перешел в другое место [2]).

Арьергарды оставались на своих позициях до 24 часов, даже до половины первого 14/27, после чего, дав возможность отойти войскам и обозам, они двинулись за главными силами. Неприятель, занявший к этому времени Бодачев и часть Веленче, не предпринимал больше никаких действий, и мы отошли незаметно.

Через некоторое время я подошел к главным силам и сменил арьергард. Первоначальное свое решение я изменил и двинулся к Замостью, т-к. рассчитывал, что в этом направлении я скорее могу найти 3. гр. див., части которой, как мне казалось, не могли быть далеко от этого города; выйти же на шоссе мы всегда успели бы.

В 3—4 часа бывшие с нами роты Малорос. гр. п. отделились и пошли к д. Плоское; по мнению п. Правоторова, 3. грен. див. должна была находиться вблизи, но где именно—он не знал; перед уходом я ориентировал его в своем намерении идти к Замостью, а оттуда—по шоссе к Избице.

Движение наше шло крайне медленно, т. к. дорога была забита обозами; пришлось их проталкивать вперед, останавливаться.

К 7—7½ часам мы подошли к Замостью. Полк выбился из сил, почему, не доходя до города, мы стали на отдых. Однако, по нашему расположению и шедшим к Замостью обозам тотчас же был открыт шрапнельный огонь, как казалось с юга или юго-запада; в городе послышалась ружейная стрельба. Среди обозов произошла паника; пришел в беспорядок и полк, но мы быстро собрали его и перевели в укрытое место близ д. Хижа, где продолжали отдых.

Стараясь разобраться в обстановке, я пришел к заключению, что 3. грен. див. должна быть где-либо между д. Плоское и шоссе; однако, ближайшие розыски путем посылки конных

[1]) Записка моя ком-ру 184. п. 13/26 авг. 19 час. 50 м., без №.
[2]) Записка моя ком-ру 46. пех. див. 11/26 Авг. 20 час., без №.

ординарцев ни к чему не привели, а казаков при нас совсем не было.

После отдыха, на котором оставались не менее часу, мы вышли на шоссе и направились к Избице. Дорога была заполнена шедшими в беспорядке обозами, местными жителями; среди них попадались группы и небольшие части 3. грен. див. Мы пропустили этот поток и медленно пошли дальше.

Хорошо помню, что еще во время отдыха я перехватил донесение какого-то раз'езда ком-ру XXV корпуса; но ни из его содержания, ни из распроса везшего его казака, нельзя было заключить о месте нахождения штаба корпуса; приписав на этом донесении о своем положении и намерении, я направил казака в предполагаемый район 70 пех. див., где раньше был генер. Зуев.

Примерно часом позднее я получил записку г.-м. Полякова из д. Вулька Ситанецка, в которой он спрашивал, какой отряд двигается, и где находится ком-р XXV корпуса [1]); ориентировав его в чем мог, я убедился, что он осведомлен не больше нашего [2]).

Во время передвижения по шоссе с запада и юго-запада от нас слышна была по временам редкая артиллерийская стрельба. У меня явилась было мысль идти на эти выстрелы, но не было никаких средств организовать хоть небольшую предварительную разведку, и, кроме того, ком-р полка заявил, что полк не выдержит нового боя; действительно, нравственное и физическое утомление за эти дни достигло крайней степени.

Не доходя 5—6 верст до Избицы, мы встретили несколько рот 183. п., от коих узнали, что там находится ком-р корпуса и нач. дивизии, и что недалеко отсюда расположены и остальные части полка. Оставив здесь 184 п., я отправился в Избицу. Там я узнал о неудаче 3. грен. дивизии (было, кажется, 16 час.), получил ориентировку и приказание составить арьергард XXV корпуса и, заняв позицию несколько севернее д. ст. Замостье, прикрыть направление на Холм с юга.

Вернувшись, я нашел бригаду и артиллерию в лесу, что севернее ст. Замостья; некоторые части 183 п. уже заняли позицию немного южнее по распоряжению нач. 46 п. див.

Не хватало только нескольких рот с п. Малеевым. Впоследствие оказалось, что 14/27 авг. он был направлен встретившим его ком-ром корпуса, или кем-то из чинов штаба, из д. Машов на соединение со мной в направлении через Злоец и

1) Записка г.-м. Поляков 14/27 авг. 9 час. № 151.
2) Моя записка г.-м. Полякову 14/27 авг. 9 час. 30 мин. № 1.

Русск. Пески. Здесь, вблизи д. Кржак, он неожиданно наткнулся на превосходные силы австрийцев, был окружен и, после упорного боя, взят в плен [1]).

Потери наши за 13/26 авг. не поддаются точному учету, т. к. все дальнейшее время мы находились почти в беспрерывных боях. 184. полк, сколько знаю, потерял от 400—500 человек, 183. значительно больше. Все орудия и пулеметы свои мы сохранили.

С 14/27 августа начинается уже следующий период наших действий, а именно—бои в качестве арьергарда XXV корпуса, с целью прикрытия доступов к Холму, закончившиеся 18/31 авг. отходом в направлении к этому городу.

Заканчивая этим описание боя 13/26 авг., я остановлюсь на следующем:

1) Между обеими соседними армиями—4 и 5, в период 11/24—12/25, августа образовался промежуток не менее чем в 30 — 40 верст (считая от Замостья до района действий Гренадерского корпуса), причем промежуток этот не только не был занят, но, повидимому, даже не освещен как следует конницей; в этот-то промежуток и был направлен XXV корпус, которому пришлось вступить там в бой с превосходным неприятелем. Корпусу ставилась задача помочь гренадерам путем наступления во фланг противнику, непосредственно преследовавшему их, но не учтена была возможность появления в промежутке между армиями другой, еще более сильной группы неприятеля, и в результате мы сами были неожиданно атакованы с фланга и даже с тыла.

2) Крупные упущения со стороны старшего командного состава по части общего управления, ориентирования и связи никогда не проходят без вредных последствий для общего дела, т. к. лишают войска возможности успешно выполнять возлагаемые на них боевые задачи, а часто ставят их в тяжелое, иногда безвыходное положение.

Пока мы имели определенные задачи, вытекавшие из правильного понимания обстановки, и вообще чувствовали управление сверху, как это было при первоначальном движении корпуса на Томашов,—все шло более или менее нормально: марш производился планомерно, части работали сознательно, были в связи друг с другом и имели достаточные сведения о неприятеле. Но как только высшее руководство сошло с пути верной оценки обстановки и отдало распоряжения, ей не соот-

[1]) Показания 183 п. капитана Розова, подпор. Лебедева и некоторых бывших там солдат.

ветствовавшие,—так это сейчас же и самым печальным образом сказалось и на действиях войск: мы видели, что 13/26—14/27 августа они недостаточно ориентированы в обстановке или вовсе не понимают ее, действуют неуверенно, как бы ощупью и вне связи друг с другом.

3) При движении нашем на юг, каждый из нас сознавал и чувствовал, что идет весь корпус, и нет никакого сомнения в том, что случись бой в это время, он был-бы боем цельным, в котором приняли бы участие все войска XXV корпуса. С поворотом же на запад для выполнения новой задачи, мы перестали чувствовать управление и понимать обстановку, и в результате, вместо общего удара корпусом, мы видим ряд отдельных боев, не связанных один с другим,—бои дивизий, бригад, даже отдельных полков. Управления корпусом 13/26—14/27 августа, в сущности, не было; штаб корпуса во время боя 14/27 находился собственно при одной из дивизий (70) и, увлекшись частностью, упустил из рук общее дело.

4) Сравнивая между собой положение дивизий корпуса накануне боев, т.-е. 12/25—13/26 августа, мы заметим следующее: 70. пех. дивизия, бывшая ближе прочих к Гренадерскому корпусу, и движение которой на Злоец, Машов было произведено в большем удалении от неприятеля, наступавшего с юга (не строго фланговое, а косое), и к тому же прикрытое на значительной части своего протяжения болотистыми долинами рек,—имела больше времени сосредоточиться, ориентироваться в обстановке и подготовиться к бою, чем 2. бриг. 46-пех. див. и 3 гренадерская. Несомненно, это обстоятельство не осталось без известного благоприятного влияния на склад обстановки и исход боя 70. див. 14/27 августа.

5) Поставленная бригаде 46. пех. див. боевая задача не соответствовала действительной обстановке: нам было приказано 13/26 овладеть Творичевской переправой, где неприятеля не было. Для выполнения этого нас заставили совершить крайне опасное фланговое движение под угрозой атаки на марше превосходными силами неприятеля, о наступлении которого мы ничего не знали, несмотря на то, что он был недалеко. Условие безопасности—первое при выполнении операции.

Неправильное понимание обстановки вверху обусловило несоответственность данной боевой задачи, а это, в свою очередь, повлекло и все остальное—направление конной разведки, а затем и войск; создалось обширное поле для всяких неожиданностей, случайностей, взаимного непонимания и т. д.

6) Полученная бригадой боевая задача три раза менялась в течение одного дня и каждый раз не отвечала действительно слагавшейся обстановке. Как это отражалось внизу—видно было выше, приходилось или не выполнять. задачи, или стремиться к ее осуществлению во чтобы то ни стало, не считаясь с обстановкой. То и другое, разумеется, отражалось на успехе общего дела.

7) Сосредоточение бригады к Михалеву, Бодачеву совершалось крайне спешно и из разных пунктов, вследствие чего части ее прибывали на места порознь и разновременно. При складывавшейся обстановке, совершенно не оправдывавшей такого способа сосредоточения, это могло повести к поражению по частям. Действительно, что было бы, если бы австрийцы подошли к Бодачеву и Щебрешину к вечеру 12/25 августа? Военная история учит никогда не назначать места сосредоточения там, где неприятель может предупредить нас, и притом в превосходных силах. В этом смысле говорит великий мастер военного искусства Наполеон. И этот основной принцип был, несомненно, нарушен 12/25 августа 1914 года.

8) Командование войсками было организовано неправильно: в нем участвовала вначале только бригада, которой командовал я. Однако, тут же, без определенных боевых функций, присутствовал и начальн. 46. пех. дивизии, которому я подчинялся в общем порядке командования; распоряжения корпуса я получал от него, по боем он не управлял. Это вело к излишней сложности в управлении, потере времени и т. д. Возможно, что это обстоятельство косвенно повлияло и на решение ком-ра 183. полка продолжать движение к Творичеву, несмотря на мой неоднократный приказ оставаться в Михалеве: быть-может, он считал себя начальником авангарда и, как таковым, подчиненным не мне, а находившемуся тут же, как ему это было известно, начальнику дивизии, который в его представлении являлся начальником отряда? Это, разумеется, только догадка, однако, она как-бы подтверждается тем, что во время боя п. Малеев доносил несколько раз непосредственно начальнику дивизии, помимо меня.

Во всем сказанном нельзя не видеть известного нарушения принципа организации боевого управления.

9) Мне, как начальнику отряда, корпус не дал конной части для ведения разведки, а между тем тут же, в одном с нами районе, находилась целая казачья бригада г.-м. Полякова, мне не подчиненная; я мог только просить, но не приказывать. Как мы видели выше, это и повело к тому, что мои требова-

ния по поводу освещения местности сев.-западнее Щебрешина, установления связи с 183 полком и о содействии последнему артиллерией, выполнены не были. А между тем, очевидно, что отряд в 6—8 сотен с 1—2 батареями, находясь в районе Дешковице, т. е. всего в нескольких верстах от меня, легко мог выполнить все, о чем я его просил.

Из этого следует, что, давая части боевую задачу, надо предоставлять ей и необходимые средства и полномочия.

Здесь я уже упускаю рассуждения по поводу употребления конницы, которая в действительности держится чуть не позади пехоты, не принимая мер к освещению того, что нужно войскам.

10) Ком-р 183. полка, по неизвестным причинам отделившийся от меня, повидимому, задался целью во чтобы то ни стало и пунктуально точно выполнить первоначальную задачу корпуса—овладеть переправой у Творичева. Это решение, несомненно, не соответствовало сложившейся к тому времени обстановке, когда становилось уже ясно, что неприятель в превосходных силах появился с фланга полка, занимая, к тому же, чрезвычайно выгодную местность, и может простым фронтальным движением прижать его к болотистым долинам Вепржа и Пора.

Принятое решение, без сомнения, противоречило другому Наполеоновскому правилу насчет того, что „обстановка повелевает на войне“. Нужно было иное новое решение, сообразованное с изменением в обстановке.

11) Наше положение 13/26 числа было безусловно весьма трудным. Однако, нельзя не заметить, что, если отряд проявил известное упорство в бою и удерживался целый день против сильнейшего неприятеля, будучи охвачен с флангов и отойдя только к ночи, то, усиленный еще 183. полком, он, несомненно, продержался бы и дольше. Наличие же бригады в этом районе, на что, быть-может, рассчитывала 3. грен. дивизия, непременно оказало бы то или иное влияние на исход боя последней 14/27 августа.

12) Наконец, будь я ориентирован в обстановке или по крайне мере имей в своем распоряжении хоть небольшую конную часть, то, несмотря на утомление и расстройство 184. полка, все же мог бы, вероятно, оказать большее содействие гренадерам в бою 14/27 августа, чем простое случайное прикрытие отхода некоторых небольших частей и обозов дивизии, как это было в действительности.

Силы неприятеля, действовавшие против нас 13/26 числа, были весьма велики:

По словам, взятых нами впоследствие в плен, в ночном бою 11/24—12/25 ноября 1914 г. на р. Шреняве (под Краковом) двух австрийских. командиров полков, участников боев 13/26—14/27 августа, — в район Щебрешин Неделиски было направлено свыше корпуса. Следовательно, неприятель превосходил нас по крайне мере в 3—4 раза.

Это подтверждается вполне и данными, приведенными в выпуске 1-м „Краткого стратегического очерка войны 1914—18 г.г.“, составленного участником войны, где на стр. 149 и 159, а равно на схеме № 30 указано, что на Веленче, Замостье шел II австрийский корпус (13, 25. и 4. дивизии) из состава 4. армии генерала Ауфенберга (левофланговый), а на поддержку его двигалась на д. Дешковице 2. дивизия X. корпуса, находившегося на правом фланге 1. армии генерала Данкля.

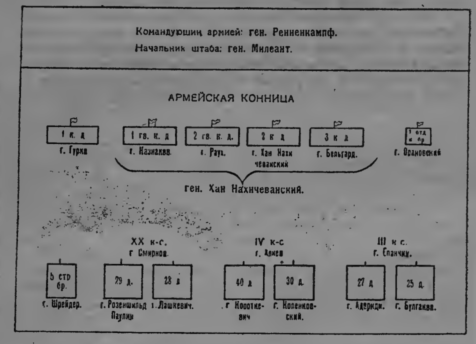
Настоящее описание составлено по сохранившимся в делах бригадного управления документам, по личным моим воспоминаниям и показаниям офицеров—участников боя 13/26 августа. Большая часть документов была мною сожжена в то время, когда я остался в арьергарде, т. к. трудно было рассчитывать выйти благополучно из положения, в котором мы тогда были.

Д. Парский.

Значение фланга в бою III армейского корпуса 4/17 августа 1914 года [1].

I. Общая обстановка.

Боевое росписание 1. армии.

Русская армия ген. Ренненкампфа составилась из войск Виленского военного округа, которые к вечеру 3/16 августа сосредоточились (схема № 1):

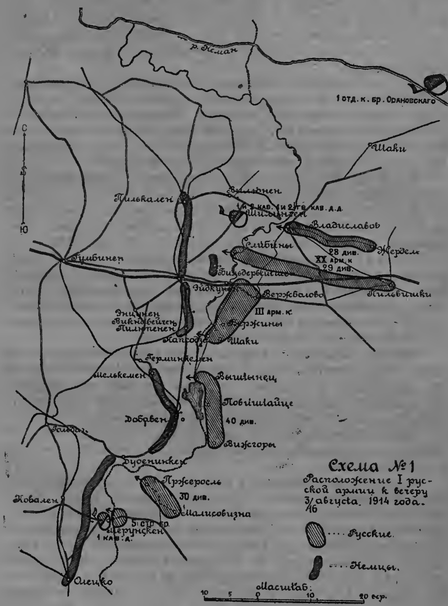
а) 1. от. кав. бригада на р. Немане против м. Шаки.

б) 2. 3. кав. див., 1. и 2. гв. кав. див. в районе Шилинген, что юго-зап. Владиславова.

---

[1]) Составлено по документам русской стороны.

в) XX корпус: 28. дивизия—в районе Владиславов-Жердело, 29. дивизия—в районе Слибины-Пильвишки.

г) III корпус в районе г. Вержболова-д. Бержины-д. Шаки.

д) IV корпус: 40. дивизия в районе Выштынец-Вижгоры, 30. дивизия в окрестностях д. Малисовизна.

е) 5. стрел. бригада в окрестностях д. Мерунскен.

ж) 1. кав. дивиз. в районе д. Мерунскен.

В развитие общего плана военных действий, энергичным наступлением отвлечь, что можно от французов, на которых германцы направили главный удар, 1. армии было приказано вторгнуться в Вост. Пруссию и наступать на фронт Инстербург-Ангербург.

Предшествующими стычками и разведкой было выяснено в общих чертах, что перед нашей 1. армией работают части I герм. корпуса и прусского ландвера. Нахождение пехоты было установлено на фронте Пилькален-Бильдервейтшен - Сталюпенен-Пилюпенен, а также южней Выштынца на линии Мелькемен Добавен и восточней жел. дороги Гольдап-Олецко.

В районе Пилькалена был обнаружен конный отряд из шести полков с артиллерией и пулеметами.

2 августа немцы, очевидно, с целью разведки, наступали на Эйдкунен и Вержболово, причем в завязавшемся бою обнаружилось до бригады пехоты 1. дивизии с 36 орудиями.

Вот и все сведения о противнике, которые имелись в руках русского командного состава к вечеру 3/16 августа с добавлением, что охранение германцев, стоявшее еще большей частью вдоль русско-прусской границы, под давлением частей охранения XX и III корпусов, отстреливаясь, несколько отошло на запад.

Сведения эти нельзя считать полными.

Русские командиры, вторгаясь в Пруссию, в сущности не знали сколько-нибудь точно, какие же силы немцев против них, где именно расположены и, самое главное, где подготовлены позиции для встречи русских. Поэтому бой 4/17 августа в значительной мере носил характер неожиданного.

Неожиданность, как это ни странно, была не только в отношении противника, но, что гораздо хуже, отчасти и в отношении своих войск.

Приказом Командующего армией № 2 и директивой № 1 было на 4 августа указано: 1) корпусам занять линию Вилюнен-Сталюпенен-Дубенинкен-Ковален. 2) Коннице хана Нахичеванского двинуться на Инстербург в обход Сталюпенена и Гумбинена с севера. 3) Коннице Орановского и Гурко обеспечивать фланги армии. 4) Разграничительные линии между корпусами назначены: а) между XX и III дорога Эйдкунен, Сталюпенен, Гумбинен и б) между III и IV линия Капсодзе, Викнавейчен, Энцунен (схема № 1).

Приказания эти не вполне учитывали действительное нахождение войск и потому не согласовали их работы.

Дивизии III корпуса перешли 4 августа границу между 8 и 9 часами утра; дивизии XX корпуса—между 12—13 ч.; полки 40 дивизии перешли границу после 11 ч. утра, 30. дивизия перешла границу между 13 и 14 часами; прочие находились на прусской территории уже 3 августа.

Поэтому войска вступили в бой не одновременно. Наибольшая тяжесть выпала на высунувшийся вперед III корпус, атаковавший главную группу неприятельских сил. Довольно серьезный бой вела и 29. дивизия, подоспевшая на помощь III корпусу. Прочие части или имели незначительные стычки, или же наступали без боя. При этом IV корпус не занял назначенного ему района и оголил левый фланг III корпуса, чем неприятель не замедлил воспользоваться.

В частности III корпус, развернувшись к 11 часам дня на фронте от Эйдкунена до Будвейчена, с боем продвигался вперед и к 3 ч. дня овладел линией Малиссен, Допенен, Занзейчен, охватив неприятельское расположение и угрожая его тылу в направлении на Кисельн (схема № 3 и 2).

Противник (1. герм. дивизия) стойко удерживался на фронте Сталюпенен, Гертен, Допенен, Гавенен, развивая сильнейший огонь ружейный, пулеметный и артиллерийский.

Особенно чувствительно было действие его тяжелой артиллерии по непривычке к ней наших войск.

Уже с началом наступления III корпуса было замечено движение немецкой пехоты с артиллерией от Сталюпенена к Бильдервейтшену, имевшее, видимо, целью охватить 25. дивизию с правого фланга.

Этот маневр немцев не удался, вследствие появления 29. дивизии и ее блестящих действий. 29. дивизия ген. Розеншильд—Паулина, слыша шум разгорающегося боя впереди, торопилась прикрыть правый фланг III корпуса. Начальник дивизии, понявший обстановку, писал: „направляю все силы, чтобы поддержать 25. дивизию“.

Ген. Розеншильд, оттеснив передовые части немцев, перешел границу в районе Родшен и двумя колоннами бросился на фронт Таргупенен, Бильдервейтшен, уже сильно занятый противником, собиравшим здесь свой кулак для удара по тылу 25. дивизии.

Ген. Розеншильд разбил здесь немцев, захватив пленных, 7 орудий и 12 зарядных ящиков, и тем обезпечил положение правого фланга III корпуса.

Иначе сложилась обстановка на левом фланге III корпуса: 40. пех. дивизия, долженствовавшая действовать в тесной связи

с 27. дивизией III корпуса, на самом деле оказалась оторванной от нее на 12—18 верст на юг. Первая ее бригада вела в течение всего дня бой с полками 2. германской дивизии (44. и 33.) в районе деревни Думбельн, в результате которого немцы были оттеснены к д. Мелькемен.

Один полк этой дивизии наступал южнее озера Выштынецкого и занял д. Шиткемен.

Таким образом между 27 дивизией III корпуса и частями 40. дивизии образовался промежуток, не наблюдаемый даже конницей.

Немцы, имевшие в районе Пилюпенен-Мелькемен отряд, прикрывавший узел путей и исходную часть жел. дороги Гольдап—Сталюпенен, убедившись после 12 часов дня, что направлению на Пилюпенен русские не угрожают, использовали часть группы для парирования весьма угрожающего им охвата 27. дивизии.

В результате между 16—17 часами в тылу. 105. Оренбургского полка, составлявшего левый фланг III арм. корпуса и наступавшего на фронт Кисельн, Иогельн, развернулся неожиданно отряд немцев [1]), который атаковал в тыл и левый фланг 27. пех. дивизию (схема № 2).

105. полк почти весь погиб, а другие части 27. дивизии, неся большие потери, отошли к русско-прусской границе.

Работа прочих частей армии 4 августа выразилась в следующем (схема № 3).

1. отд кав. бригада Орановского заняла Шиленен, разведывая на правом фланге армии.

28. дивизия, не встречая сопротивления, к 7 часам вечера, заняла Виллюнен и выдвинула авангард к Шварпельну.

Конный корпус Хана Нахичеванского из четырех дивизий с 48 орудиями, имевший задачей разгром в неприятельском тылу в районе Инстербурга, не выполнил этой задачи и не оказал какого-либо содействия ведущим рядом горячий бой пехотным дивизиям, а продвинувшись к Пилькалену стал западнее него на почлег.

Характерна в донесении (№ 102) Хана Нахичеванского о действиях этого дня жалоба на то, что неприятель „решительно избегает конных столкновений и быстро отходит“; в этом же донесении он сообщает командующему армией, что „вошел в соприкосновение с 112 Уральским полком“ [2]).

---

[1]) В числе пленных немцев, захваченных здесь, оказался солдат 33. пех. полка 2-ой дивизии; полк этот ночевал с 3/16 на 4/17 августа в районе южнее д. Мелькемен и был двинут 4/17 августа на д. Будвейчен.

[2]) Полк 28. дивизии, которая наступала, не имея перед собой неприятеля.

30. дивизия, 5. стрелковая бригада и 1. кав. дивизия Гурко, продвигаясь с боем, заняли к вечеру 4 августа фронт Дубенинкен, Млыникен, Ковален, Гусен. Более тяжелое столкновение здесь выпало на 17. и 19. стрелковые полки, атаковавшие неприятеля, занявшего окопы у д. Лакелен, очевидно, с целью удержать возможно дольше станцию Ковален.

Таким образом, вторжение нашей 1. армии в Восточную Пруссию не было достаточно согласовано. Некоторые группы войск двигались в пустую, не оказывая содействия соседям; часть же не могла занять назначенных районов.

Поэтому блестяще начатый бой кончился довольно крупной тактической неудачей. Произошло это, главным образом, благодаря недостаточному вниманию к одному из флангов III армейского корпуса.

Чтобы выяснить вполне, отчего это произошло, остановимся подробнее на действиях 27. пех. дивизии.

II. Действия 27 пех. дивизии.

3/16 августа 27. дивизия заняла (схема № 2):

а) Главными силами (106. пол., 107. пол., 24 л. ор., 12 гауб. и 10 каз.) район д. д. Карклупяны, Еглинишки, Новадоля.

б) Авангардом (108. пол., 16 л. ор., 1/2 сотни, 1 с. р.) д. Бержины.

в) Отрядом полк. Комарова (105. пол., 8 л. ор., 1/2 сотни) д. Шаки, Новиники.

Охранение было выставлено по линии Ромейкен, Платен, Зоденен, Татаркемен.

Переход сторожевыми частями границы сопровождался перестрелкой, в результате которой посты немцев везде отошли.

Вечером начальником 27. дивизии был получен приказ III армейскому корпусу № 4, которым указана задача корпусу на 4 августа „занять главными силами линию Сталюпенен-Викнавейчен“ (схема № 1).

Южной границей полосы действий 27. дивизии была назначена линия Капсодзе, Викнавейчен, Вальтеркемен, (западнее Энцунен).

О неприятеле сообщалось, что на фронте Пилькален—Пилюпенен развертываются части обеих дивизий I германского корпуса. Там же указывалось, что левей 27. дивизии наступает 40. пех. дивизия.

Во исполнение этого приказа начальник 27. дивизии отдал свой приказ № 5, которым наступление организовалось в двух колоннах (схема 2):

а) правая колонна в составе всех сил дивизии, кроме отряда полковника Комарова, должна была выступить авангардом в

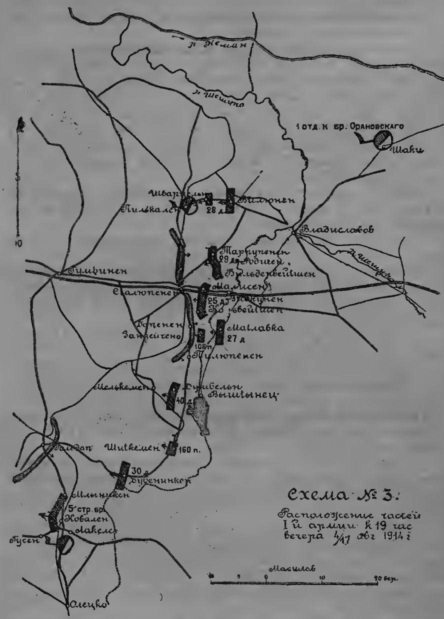
Схема № 2
Расположение 27 п. дивизии к 16 час. 4/17 августа 1914 г

6 часов утра и следовать через д. Бержины, Платен, на Допенен;

б) отряд полк. Комарова тоже должен был выступить в 6 часов утра и наступать от д. Шаки через Новиники, Зоденен на Будвейчен.

Так как начальника 27. дивизии очень беспокоил вопрос о взаимодействии с 40. дивизией, района движения которой он никак не мог установить, то он, помимо запроса в

штаб корпуса, послал от сотни пограничников, прибывшей к нему в этот день, раз'езд штаб-рот. Малова с задачей

искать эту дивизию в районе Выштынец и сообщить об ее положении.

В течение вечера 3 августа и ночи на 4 августа новых сведений о группировке сил неприятеля в штаб 27. дивизии не поступило.

Из сторожевого охранения доносили о перестрелке с отдельными постами и дозорами.

Командир 108. Саратовского полка, полк. Струсевич (начальник авангарда), по телефону сообщал о том, что впереди верст на 6 на 7 местность хорошо обозревается, но что, кроме громадного количества свободно бродящего скота, никого на ней не видно. Вдали отчетливо горел Эйдкунен и слышны были отдельные выстрелы в этой стороне. Раз'езды, высланные от штаба дивизии и авангарда, наткнулись на германскую сторожевую цепь, стоявшую недалеко от русской границы, и продвинуться вглубь не могли.

Утром 4 августа 27. дивизия приступила к исполнению приказа № 5 и около 9 1/2 ч. авангарды обеих ее колонн вошли в пределы Германии.

Поле боя 27. дивизии 4 августа представляло следующее.

Непосредственно вдоль русско-германской границы по русской стороне шли сильно командующие высоты, имеющие резко выраженный характер от Выштынца через Матлавку и и на Кибейки (схема № 3).

С этих высот открывался обширный кругозор в Пруссию местами на 7—10 верст и более.

Непосредственно к возвышенностями у Матлавки примыкала низкая равнина, постепенно повышающаяся к д. д Геритен-Допенен и Будвейчен (схема № 2).

Отдельными возвышенностями на этой равнине являлись: высоты: 92—севернее Платена, 87—западнее Платена и 105—юго-восточнее Мацкушена.

Западнее шоссе Будвейчен-Допенен-Геритен местность становилась более пересеченной; здесь протекало несколько ручьев в крутых берегах, создававших хорошие укрытые подступы.

В бою 4 августа главные силы частей 1 германской дивизии, бывшихся против 27. дивизии, окопались на возвышенностях у Геритена-Допенена. Отсюда для них открывался отличный обстрел на 3—5 верст, и все спускавшиеся с Матлавских высот русские силы должны были быть им видны, как на ладони.

Только долина проходимой в брод пограничной речки Липоны создавала некоторое укрытие.

Передовые прикрывающие части немцев, видимо, занимали в ночь на 4/17 августа отдельные перечисленные выше возвышенности 92, 87 и 105, где у них были окопы.

Группа немцев в окопах прикрывала также Пилюпененский узел.

A. Действия правой колонны 27. дивизии.

В авангарде правой колонны наступал 106. Уфимский полк, 24 л. орудия, 1 сотня пограничников и 1 рота сапер, под начальством полк. Отрыганьева.

Авангард двигался под прикрытием головного отряда в составе батальона, 4 пул., $^1/_4$ взвода пограничников, и двух боковых отрядов, в составе роты и 16 пограничников каждый.

Эти прикрывающие и разведывающие части выступили на час раньше авангарда и захватывали широкий фронт от Геритена до Рудшена.

Сам полковник Отрыганьев шел с головным отрядом (схема № 2).

Передовые части неприятеля с линии высот 92 и 87 открыли ружейный огонь, почему полковник Отрыганьев около 8 часов утра стал разворачивать в районе Платена голову своего авангарда и приказал взводу 5. батареи обстрелять противника.

Как только наша артиллерия открыла огонь, немедленно немцы обрушились из района Геритена на уфимцев сразу тремя тяжелыми батареями; причем они не вели пристрелки [1]), а стреляли на поражение, что указывает на старательную заблаговременную подготовку обороны.

Следующим в хвосте авангарда батареям, за неимением более подходящего места, пришлось выехать на открытую позицию западнее Платена, откуда они и начали деятельную работу для содействия продвижению своей пехоты.

Около 11 часов начальник 27. дивизии г. л. Адариди, лично наблюдая ход боя с высот у дер Матлавка и увидав, что между отрядом полковника Отрыганьева и ближайшей колонной 25. дивизии, наступление которой было видно, значительный промежуток, направил на усиление авангарда подошедший 107. Троицкий полк, об'единив командование всем участком в лице командира бригады г. м. Беймельбурга, которому в 11 час. 40 мин. была вручена записка следующего содержания: „примите командование 106. 107. полками и диви-

---

[1]) „Журнал военных действий 27. арт. бригады".

зионом 27. арт. бригады и наступайте на фронте Кальвейчен—высота южнее Допенена".

Г.-м. Беймельбургъ направил 107. полк правее 106. полка (на геритенскую кирку).

В это же время батареи, шедшие в главных силах, заняли позицию к югу от д. Матлавки и открыли огонь по району Допенена.

Артиллерия немцев с трех направлений деятельно стала забрасывать район развертывания 106. и 107. полков. Стреляло несколько, как легких, так и тяжелых батарей (до 5), борьба с которыми для наших легких батарей оказалась трудной в виду дальности расстояния.

При содействии артиллерии 106. и 107. полки сбили передовые цепи неприятеля, заняли высоты 92 и 87 и стали продвигаться на указанный им фронт Геритен-Допенен.

В 11 ч. 30 м. III. батальон Уфимского полка овладел южной частью д. Допенен [1]).

В 13 час. 55 мин. начальник 27. дивизии получил об этом от г-м. Беймельбурга записку № 1, в которой последний доносил: „Уфимский полк занял Допенен. Направляю Троицкий полк на Геритен и продолжаю наступление".

К этому же времени от офицера связи в соседней колонне 25. дивизии, сотника Копева, пришло извещение № 7: „В 12 часов левой колонной 25. дивизии взята д. Кальвейчен". Несколько раньше прибыло и донесение полк. Комарова № 137 из д. Будвейчен: „Будвейчен занят мною в 10 часов 30 мин. Авангард продвигаю до Занзейчен. С правой стороны слышу артиллерийскую стрельбу. Могу ли перейти в наступление на Допенен для поддержки. Неприятель отступил, кругом раз'ездов никаких не замечено".

Так счастливо началось наше вторжение в Пруссию.

Участник боя, лично бывший на наблюдательном пункте западней Матлавки, говорит: „Душа радовалась, глядя на наших; несмотря на то, что все поле между Допененом и Платеном бороздили снаряды, наши шли, как на маневрах; почти не ложились и не окапывались; чувствовался могучий порыв и богатырский дух; была уверенность, что мы снесем врага; мы все время со всех сторон получали донесения и знали, что делается и у себя и в соседней 25. дивизии; только ничего не было известно, что делает 40. дивизия".

---

[1]) Полевая записка под. Симоненко № 5 из д. Допенен.

В виду очерченной обстановки начальник 27. дивизии приказал в 13 часов. 15 мин. г.-м. Беймельбургу (записка № 110) продолжать наступление на фронт Геритен, высота 78, севернее Иогельна, а полк. Комарову (записка 111) „оказать содействие“ дальнейшему наступлению генерала Беймельбурга.

В 14 часов. начальник 27. дивизии получил записку командира корпуса генерала Епанчина (84), в которой, между прочим, приказывалось: „нажимайте упорней на правый фланг противника, обнаружившегося против Вас“. Это подтвердило сделанное уже распоряжение об охвате Допенена.

В дополнение их г. Адариди приказал резерву дивизии, 108. п. Саратовскому полку, передвинуться в виду предположения развить бой на левом фланге, в д. Мацкушен. Штаб дивизии перешел в район д. Платен. Наступление, несмотря на сильный огонь немцев, продолжалось.

Уфимский полк двигался уступом впереди; его I и III батальоны перешли шоссе Будвейчен-Геритен и стали окапываться; II и VI батальоны находились частью в резерве за д. Допенен, частью на флангах полка.

107. Троицкий полк несколько уступом вправо от уфимцев, имея IV и III батальоны в первой линии и I и II батальоны во второй линии, продвинулся на 500—600 шагов к окопам немцев и тоже стал окапываться.

Немцы стойко держались в своих окопах (не имевших проволочных заграждений) от высоты 81 на Допенен и затем к высоте 78 севернее Иогельна. Батареи их были расположены: три тяжелые—в районе Геритена и две-три легкие—сев. зап. Допенена.

Для содействия наступлению начальник 27. дивизии приказал нашим батареям, стоявшим южней Матлавки, переехать вперед в район д. Мацкушен для обстреливания во фланг неприятельской артиллерии, в районе Геритена, которая главным, образом, и мешала наступлению.

Тогда же для той же цели было приказано и III мортирному дивизиону выехать на позицию с.-з. д. Матлавка.

Бой принял затяжной характер; противник развивал сильный огонь. Положение 27. дивизии около 16 часов показано на схеме № 2.

В $16^1/_2$ ч. к телефону вызвал начальника штаба дивизии командир 108. п. Саратовского полка полковник Струсевич из района Мацкушена и совершенно неожидано сообщил, что видит, как будто наши цепи левого фланга отходят назад.

В то же время ген. Беймельбург прислал записку командира 107. Троицкого полка (№44), в которой говорилось, что его полк продвигается с большими потерями вперед, но что влево от него наши цепи отходят.

Начальник 27. дивизии, не придавая еще этим событиям решающего значения, тем не менее приказал командиру 108. п. Саратовского полка выдвинуться северо-западней Мацкушена для поддержки отходящих.

Около 17 часов полковник Струсевич вызвал вторично к телефону начальника штаба дивизии и передал ему, что идет сплошной и беспорядочный отход 105. Оренбургского полка, а за ним и частей 106. и 107. полков.

Начальник дивизии подтвердил полковнику Струсевичу приказание поддержать отступавших и, выдвинувшись, отбросить наседавшего неприятеля. Батареям было приказано сосредоточить огонь по преследующим. Полковник Струсевич перешел в короткое наступление двумя батальонами в направлении Мацкушена, что в связи с действием батарей остановило наседавшего неприятеля.

Однако, эти мероприятия не могли уже спасти положения, и в 18 ч. 35 м. начальник 27. дивизии, чтобы прекратить произвольный, местами хаотический отход, назначил линию Ромейкен, Капсодзе для сбора отходящих. Здесь, под прикрытием 108. полка и некоторых батарей, удалось собрать части дивизии, привести их в порядок и окопаться.

Противник обрушился всей силой своего огня на отходящих; особенно оказалась в тяжелом положении 4. батарея 27 арт. бригады, которая самоотвержено оставалась на своей позиции до темноты, не прекращая огня и прикрывая отходящих; она потеряла около половины своего состава; с наступлением темноты орудия этой батареи удалось убрать на руках.

Б. Действия отряда полк. Комарова.

Полковник Комаров еще 3/16 августа вечером получил ряд донесений от своих раз'ездов и дозоров о том, что район предстоящего наступления и южнее занят передовыми частями конницы и пехоты неприятеля; при этом приказный Гаврилов из д. Галькемен определенно доносил, что у д. Пилюпенен рота неприятельской пехоты расположена „цепью“, т.-е. в окопах.

В 23 часа 5 мин. 3/16 августа полковник Комаров отдал приказ №7 для наступления. В авангард был назначен третий батальон 105. полка с 4 пулеметами и 1/2 сотни казаков,

который должен был выступить от д. Шаки в 6 часов через Капсодзе и Зоденен на Будвейчен.

Через час за ним должны были следовать остальные силы отряда (3 бат., 4 пул, 8 ор., 10 каз.)

Для разведки и походного охранения авангарду указана линия: „Капсодзе, Викнавейен, Валькертемен". (Схема 1 и 2).

Однако в 23 ч. 50 м. полковник Комаров прислал начальнику будущего авангарда записку № 54, в которой дал более полные и определенные указания для разведки, а именно: „вышлите от конницы, придапной авангарду, 15 коней в направлении Новинки, Капсодзе, Зоденен, Адлих, Будвейчен. Раз'езду поставить задачи: заняты ли Адлих и Будвейчен неприятелем. Правый и левый раз'езд, силою каждый не более 5—6 коней, должны поддерживать связь с полками 27. и 40. дивизий. Пункты по вашему указанию. Для предстоящих вам завтра действий приказываю выполнить в точности указания полевого устава от. V, гл. 6 и в особенности § 488".

Эти указания не были достаточными; а главное, как бы игнорировали, с одной стороны, факт отсутствия рядом влево частей 40. дивизии, местоположение которых ни штабу 27. дивизии, ни полк. Комарову тогда еще выяснить не удалось, а с другой—нахождение в районе Пилюпенена пехоты неприятеля в окопах.

Необходимо было позаботиться, чтобы своевременно знать, что же будет делать неприятельский отряд у Пилюпенена, когда полк. Комаров атакует Будвейчен, а части 40. дивизии на поле боя не появятся.

Поздней, полк. Комаров получил извещение от командира бригады 40. дивизии, о том, что к 6 часам 4/17 августа его части занимают район Выштынец, Повиштайце (записку № 55), это должно было еще более привлечь внимание к левому флангу, т. к., указанный выше район отстоял от Будвейчена на 13—18 верст и задачи частей 40. дивизии известны не были.

Утром 4/17 августа колонна полк. Комарова двинулась согласно приказа № 7. Начальник авангарда капит. Лопатто в 10 ч. уже донес о том, что им д. Будвейчен занята.

В 10 ч. 30 м., кап. Лопатто дал новое донесение №6: „занял ж.-дор. станцию Будвейчен; походное охранение продвинул на запад и остановил. Неприятеля не видно. Жду распоряжения, что делать дальше".

На это донесение полк. Комаров дал приказ „авангарду удерживать д. Будвейчен", а сам донес начальнику 27. дивизии за № 137. от 10 ч. 40 м. „Будвейчен занят мною в 10 часов

30 м. Авангард продвигаю до Занзейчен. С правой стороны слышу артиллерийскую стрельбу. Могу ли перейти в наступление на Допенен для поддержки. Неприятель отступил, кругом раз'ездов никаких не замечено".

Когда колонна главных сил подошла на 1/2 версты к Будвейчену, неприятельская артиллерия из района Допенена открыла по ней огонь.

Полковник Комаров развернул свой отряд и около 11 ч. отдал следующие распоряжения: 1) III батальону занять Занзейчен, 2) 1. батарее 27. арт. бригады занять позицию южней Будвейчена, для обстрела района Допенена, 3) II бат. занять станцию и деревню Будвейчен, 4) I и IV батальонам стать у железной дороги Будвейчен, 5) командующему этими батальонами (под. Земчихину) „выдвинуть дозоры на запад и юго-запад (на Занзейчен и Матернишкен). В случае наступления противника развернуться и удерживаться во что бы то ни стало на восточном гребне оврага".

Все эти приказания отдавались из д. Будвейчен, где утвердился штаб отряда, полковое знамя и прикрытие в лице 13 роты.

В 12 часов пол. Комаров получил одновременно две записки: одну от начальника штаба 27. дивизии № 104, ориентирующую в обстановке и добавляющую в конце: „в штаб 40. дивизии послан офицер для связи, который, однако, ничего не доносит". Другая записка была от раз'езда хорунжего Алимова из д. Матернишкен за № 2: „из д. Лаукупенен пошел раз'езд в д. Мицкавейчен силою 15 коней. Иду на Мицкавейчен".

В 12 ч. 25 м. пришло донесение от хорунжего Алимова за №3: „южней д. Матернишкена появился взвод пехоты и обстрелял мой раз'езд. Подбита под Гавриловым лошадь. Наблюдаю за цепью".

Полковая реляция по этому поводу гласит: „взвод этот командиром полка был принят за одну из передовых частей 40. пехотной дивизии, вследствии чего и был оставлен без внимания".

В это же время полк. Комаров получил и ответ нач. 27. дивизии на свое донесение № 137; в ответе нач. дивизии давал распоряжение „энергично наступайте от Занзейчена на Допенен".

Несомненно, что нач. дивизии ген.-м. Адариди, отдавая это распоряжение, исходил из общей обстановки на фронте дивизии и донесения самого же Комарова, что „неприятель отступил, кругом раз'ездов никаких не замечено". При этом Комаров забыл сообщить о неприятельской пехоте, обнару-

женной у Пилюпенена и об этом в штабе 27. пех. дивизии не знали.

Несомненно также, что обнаруженное своевременно хорунжим Алимовым движение раз'езда и пехоты неприятеля от Лаукупенена на Матернишкен, представлявшее очевидно передовые части какой-то колонны, в корне меняло обстановку.

Полк. Комаров должен был все это взвесить, а равно сообщение нач. штаба 27. пехотной дивизии, что посланный для связи в 40. дивизию офицер ничего не доносит и что следовательно ни точное местонахождение, ни задачи 40. дивизии не известны.

Вывод отсюда мог быть только один—частей 40. дивизии на поле боя нет, а потому надо беречь свой фланг.

Однако, полк. Комаров видимо находился под гипнозом уверенности, что 40. дивизия должна быть вблизи него влево.

Это подтверждает и приведенная выдержка из реляции и рапорт командира 13 роты 105. полка капитана Бухвостова и словесный доклад командира 1. батареи 27. артил. бригады подп. Аноева, который вечером сообщил начальнику штаба 27. пехотной дивизии, что когда он, встревоженный лично, предупредил полк. Комарова о том, что разведчики его заметили пыль как будто от колонны, двигающейся с юга от Пилюпенена па север, то Комаров сказал: „ну это отлично, это части 40. пехотной дивизии“.

В результате всего описанного полк. Комаров, вместо того, чтобы принять соответствующее складывающейся обстановке решение—прочно обеспечить фланг, как свой, так и всей дивизии, отдал распоряжение об атаке Допенена, ставшее роковым в бою 4/17 августа.

Приказание его изложено в записке № 57 от 13 ч. 10 м. „Нашему отряду приказано наступать и взять Допенен. Второму батальону наступать правее (восточнее) большой дороги на Допенен, первому батальону наступать в промежутке между железной дорогой и большой дорогой. Третьему батальону наступать от Занзейчена вдоль железной дороги прямо на север, не переходя железную дорогу. Четвертому батальону занять Занзейчен и ждать моих приказаний. 13. рота в резерве. Донесения прислать в фольварк, что к западу от железной дороги и в полуверсте к югу от Будвейчена“.

Площадь, по которой стал наступать отряд, вся обстреливалась действительным огнем германской артиллерии из района Допенена и Геритена.

Это вызвало, видимо, неправильность продвижения. Так, командир III батальона, от 14 ч. 15 м. доносит: „я нахожусь

севернее Рудшен, около полуверсты между большой и железной дорогами. Сейчас перейду на указанный участок".

Командир IV батальона от 15 ч. 25 м. доносит из Семетимена: „шли на Занзейчен, но обстрел артиллерией, уклонились и стоим теперь в Семетимене к западу от Занзейчена".

В это же время полк. Комаров получил донесение о положении 40. дивизии.

В своей записке от 15 ч. 5 м. он пишет генералу Адариди: „сороковая дивизия перешла границу в 10 часов с целью занять линию Бабелен, Шиткемен [1]). Я прошу генерала Карепова (командира 1. бригады) занять Пилюпенен".

В виду позднего времени и отдаленности расстояния казалось бы на содействие 40. дивизии в этот день полк. Комаров рассчитывать уже не имел оснований. Полученная штабом 27. дивизии ночью записка от штаба 40. дивизии вполне это подтверждает.

Записка эта гласит: „полк. Комаров в 15 ч. (мы получили в 18 часов 40 м.) просил 40. дивизию занять Пилюпенен, чего нельзя было сделать, ибо два полка дрались впереди Думбельна, а третий полк наступал южнее озера Выштынец; четвертый полк подходил из Мереча и находился в 16 верстах от боя. Частям дивизии удалось продвинуться с боем за Думбельн. Приказал окопаться, а завтра буду продолжать задачу" (схема № 3).

Еще в это время, т.-е. в 15 час. Комаров мог энергичными мероприятиями спасти до некоторой степени положение.

Однако он продолжает наступать, и на записку ген. Адариди о взятии 106. полком Допенена и о том, чтобы он „оказывал содействие дальнейшему наступлению отряда генерала Беймельбурга на фронте Геритени Иогельн" доносит от 15 ч. 50 м. из д. Будвейчена за № 60: „всем четырем батальонам" приказал атаковать противника в направлении Иогельн-Кисельн".

О донесениях хорунжего Алимова и о положении южнее, полк. Комаров в штаб дивизии опять-таки ничего не сообщил.

Записка полк. Комарова за № 60—последний документ о его действиях.

Дальнейшие события несколько освещаются рассказами очевидцев и положением убитых оренбурцев, которые на другой день были обнаружены в довольно большом числе в районе дороги Допенен - Гавенен; это определяет северную границу наступления отряда Комарова.

---

[1]) 5½ верх. южней Пилюпенена.

Обстоятельства этого печального окончания боя 4/17 августа рисуются так.

Около 16 часов командир 1. батареи под. Аноев, не разделявший веры Комарова в близость 40. дивизии и наблюдавший на юг и юго-запад, заметил в бинокль появление за возвышенностями трубы Цейса. Он немедленно сообщил об этом Комарову и предупредил, что вероятно вскоре будет открыт огонь им в тыл. Комаров и тут еще продолжал верить в то, что южней его отряда неприятеля быть не может.

Однако, вскоре предсказание Аноева сбылось, и 105. полк был атакован германским отрядом из пехоты с артиллерией во фланг и в тыл.

Приводим выдержку рапорта командира 13. роты 105. полка кап. Бухвостова (от 6/19 августа 1914 г.), остававшегося в полковом резерве в деревне Будвейчен: „Противник внезапно обошел нас с левого фланга. Обнаружив это, я быстро занял с полуротою позицию на левом фланге (надо полагать на юго-западной окрайне д. Будвейчен) и встретил наседавшего противника огнем (3. взвод прикрывал артиллерию, а четвертый находился во дворе при знамени); с этого периода боя полк оказался в тяжелом положении; так было признано и командиром полка, который, отдав распоряжение об отступлении полка, крикнул: „подпрапорщики спасайте знамя, а остальные люди 13. роты идите на помощь к своей роте".

Чины 4. взвода под сильным пулеметным огнем противника присоединились к первому и второму взводу своей роты, потеряв убитыми и ранеными 10 человек.

Продержавшись на позиции у Будвейчена почти до полного израсходования на руках патронов и убедившись, что все роты отступили, я приказал отойти до новой позиции в тылу. Отступая под убийственным огнем, остатки роты достигли шоссе, где в это время находился ген. Беймельбург. Я остановил цепь и доложил о положении полка. Г.—м. Беймельбург приказал цепи остаться на позиции с целью прикрыть отступление 106. и 107. полка".

В не совсем еще ясном ходе событий этого периода боя несомненно, что после 16 часов появившийся отряд немцев со стороны Пилюпенена атаковал отряд Комарова в тыл.

Отряд этот не мог быть велик,[1]) вероятно 2-3 батальона и батарея, т. к. иначе он решительней развил бы свой обход на Платен. На самом деле он ограничился наступлением западнее

[1]) Взятый здесь пленный принадлежит 33. пех. полку, ночевавшему с 3/16 на 4/17 августа в районе Мелькемен.

большой дороги Пилюпенен-Геритен, т. к. и 1. батарея и 13. рота 105. полка ушли благополучно из боя, а 108. полк, бывший уже в то время у Мацкушена, не был совсем атакован.

Ко времени германской атаки 105. полк находился, примерно, на линии Кисельн, Иогельн, юж. окраина Допена, фронтом на север.

Будучи внезапно атакован в тыл с юга и юго-запада, он отпора дать не мог и почти весь погиб. Погиб и начальник отряда полк. Комаров, убитый у д. Будвейчен.

Неудача 105. полка отразилась немедленно на 106. и 107. полках. Кучки спасающихся оренбургцев внесли расстройство в ряды уфимцев, которые тоже начали отходить, увлекая, в свою очередь, троицких.

Так из-за невнимания к своему флангу погиб мужественно сражавшийся и блестяще наступавший 105. Оренбургский полк.

III. Причины неудачи в бою 4/17 августа и какими мерами следовало обеспечит фланг.

Неудача 105. Оренбургского полка повлекла сериозные потери 27. дивизии.

По сведениями, составленным штабом дивизии 9/22 сентября, дивизия в бою 4/17 августа потеряла 63 офицера и 6664 солдат, из коих на долю 105. полка пришлось 2959 солдата и 31 офицер, в том числе и командир полка полковник Комаров.

Следствиями неудачи 105. полка явился отход 27. дивизии и приостановка успешных действий 25. дивизии, а также приостановка дальнейшего наступления армии до 14 ч. 5/18 августа, что предоставило противнику время для спокойного отхода и эвакуации имущества и пленных.

Командир I германского корпуса донес о блестящей победе со своей стороны. Это не совсем так. Стратегического успеха немцы не имели, ибо ночью отступили, бросив не эвакуированное имущество в Сталюпенене и потеряв в бою 7 орудий и 12 зарядных ящиков.

Но наличия блестящего тактического успеха в бою 4/17 августа с их стороны отрицать неприходится. Особенно, если принять во внимание соотношение сил: с германской стороны около двух дивизий пехоты и двух конницы, а с русской-около 7 пехотных дивизий и $5^1/_2$ кавалерийских; надо признать за немцами большое искусство и смелость в этом первом пробном камне начинающейся войны. Без этого, и при правиль-

ном ведении операции с русской стороны, немногочисленные немцы должны были бы быть окружены и уничтожены.

Какие же причины вызвали неудачу 4/17 августа? — Это была крайняя чувствительность флангов в современном бою и невнимание к левому флангу III армейского корпуса, прошедшее в распоряжениях начальствующих лиц русской стороны от командующего армией до командира 105. пехотного Оренбургского полка.

До войны уже было хорошо известно, что немцы положат в основание ведения боя „активность" и „давление на фланги". Необходимо было самое предусмотрительное отношение к обеспечению себя от неожиданностей, средством для чего должны служить: тщательная разведка, согласование действий частей, в частности уравнение движения, и тщательное обеспечение открытого фланга.

В этом отношении вина за катастрофу 4/17 августа не может быть отнесена на счет кого-либо одного, а является коллективной виной ряда начальствующих лиц, начиная с командующего армией генерала Рененкампфа.

Важность первого боя с таким серьезным противником, как немцы, обязывала его принять все меры для тщательнейшей подготовки успеха. Между тем, исследователь не может не заметить некоторой поверхностности в распоряжениях командующего армией и стремления его „гнать войска вперед", лишь бы гнать, вопреки требованиям методизма и правил марша армии из 3—4 корпусов.

Первое, на что войска могли рассчитывать это: а) или получить определенные сведения о силах неприятеля, его группировке и месте подготовленых им укрепленных позиций, б) или иметь средства и время сделать это самим.

У командующего армией в руках были средства тайной разведки мирного времени, средства всей пограничной стражи Виленского округа, наконец $5^1/_2$ кавалерийских дивизий, часть которых работала на границе уже с первого дня мобилизации. Однако, сведений вполне точных о неприятеле корпуса, подошедшие 3/16 августа вечером к прусской границе, не получили.

Им не было также предоставлено возможности произвести разведку самим. Поставленный в лучшие в этом отношении условия, III армейский корпус подошел к границе и выставил охранение лишь к темноте, а с рассветом 4/17 августа его головные части уже начали наступление.

Дивизии других корпусов частью появились на поле сражения лишь в день самого боя, пройдя главными силами до

30 и более верст. В предвидении важности первых боевых столкновений и чтобы улучшить условия в отношении разведки, а равно связи и охранения, командующий армии мог бы передать, хотя бы для первоначальных действий, часть своей многочисленной армейской конницы ($5^1/_2$ дивизий) в корпуса.

Тогда бы командиры корпусов и начальники дивизий могли бы заполнить промежутки на своих широких фронтах конными частями, что сильно облегчило бы им сбор сведений о неприятеле, связь, ориентировку и безусловно гарантировало бы от неожиданностей.

На самом деле, в I армии корпусной и дивизионной конницы до 5/18 августа в сущности не было совсем; к большинству дивизий прибыли только конвойные полусотни, а в некоторые еще по одной-две сотни пограничной стражи, не способных в то время (в начале кампании) нести службу регулярной конницы.

Второе, на что войска могли рассчитывать—это, чтобы им дали перед боем отдохнуть, осмотреться, подтянуть отсталых, и, главное, связаться с соседями.

III и IV корпуса шли от реки Немана 3—4 переходам и непрерывно, делая ежедневно по 25—35 верст.

Так как это было начало кампании и войска не было еще ни достаточно слажены, ни втянуты, они вечером 3 августа были сильно утомлены и нуждались в отдыхе.

Приказ командующего армией занять к вечеру 3/6 августа авангардами Владиславов, Вержболово, Пржеросль был исполнен, стоил дорого войскам и при том главные силы в некоторых дивизиях, например XX корпуса, находились позади авангарда на 14—19 верст. (Схема 1.)

Непрерывный и поспешный марш мешал дивизиям установит связь с соседями.

Воплем отчаяния звучит донесение начальника 27 дивизии 4/17 августа от 19 часов 35 м. „Третий день стараюсь войти в связь с 40. дивизией, вчера послал офицерский раз'езд пограничников, но сведения о точном месте ее нахождения не имею“.

Командир конного корпуса Хан-Нахичеванский 3/16 августа не знает, где части рядом действующего XX корпуса. Дивизии XX корпуса получают случайную ориентировку. Наконец, сам штаб армии не имеет прочной связи с некоторыми группами армейской конницы и стремится передавать им распоряжения через „соседей“.

Третье, что должно было бы быть тщательнейшим образом предусмотрено командующим армией, это согласование действий

корпусов и отдельных дивизий в столь важный день перехода германской границы и первого столкновения с войсками армии, справедливо считавшейся одной из лучших в мире. Казалось бы, что надо было подвести все части армии к границе так, что бы они могли начать вторжение одновременно; это одно уже значительно сократило бы немцам возможность развития „активной обороны“.

Следовало районы разведки, охранения и наступления согласовать с действительным расположением частей 3/16 августа вечером, с тем что бы они фактически оказывали бы друг другу поддержку.

На самом деле только III армейский корпус переходит границу в назначеное время, при чем наталкивается на главные силы первого германского корпуса.

XX корпус значительно опаздывает, но во всяком случае является во время, что бы спасти третий корпус от охвата и катастрофы и на правом фланге, так как немцы и здесь начали уже развивать свой любимый маневр и направили утром 4/17 августа колонну из пехоты с артиллерией от Сталюпенена на Бильдервейчен.

IV корпус оказывается оторваным на юг, вне тактической связи с III корпусом. Армейская конница в сущности участия в бою не принимает и конный корпус Нахичеванского 4/17 августа делает переход около 13—15 верст; в то же время главные силы 28. пех. дивизии делают больше 30 верст.

В самом приказе командующего армией № 2 имеется данная, которая послужила причиной заблуждения, от которого погиб 105. Оренбургский полк.

В этом приказе южная линия района действий для III корпуса на 4/17 августа назначена линия Копсодзе-Викнавейчен-Вальтеркемен при чем указано, что южнее район IV корпуса. (Схемя 1).

Это разграничение, как обязательное, вошло в приказы III корпусу, 27. дивизии и отряду полковника Комарова.

Между тем, части IV армейского корпуса не имели никакой возможности ни наступать, ни разведывать в части, назначенного им армией, района.

Таким образом, вина командующего армией в неудачах 4/17 августа заключается в том, что он, не взирая на неполноту сведений о противнике, не дал корпусам ни средств (конницы), ни времени исправить этот недочет до боя; подвел свою армию не достаточно методически, усталой и без достаточной связи к прусской границе; не вполне согласовал

действия корпусов и отдал распоряжения, неосуществимые для некоторых частей.

Командир III корпуса генерал Епанчин точно передавал распоряжения командующего армией, но видно не уяснял себе обстановку, и, в сущности, не принял никаких реальных мер, чтобы выяснит и улучшить положение своего корпуса.

Его управление в этот день корпусом характеризуется следующим:

1) Об'явив в приказе корпусу для боя, что „на фронте Пилькален-Пилюпенен" разворачиваются обе дивизии первого германского корпуса, он ставит задачей 27. дивизии наступать на фронт от Геритена до Викнавейчена, совершенно в дальнейшем не заботясь, кто же будет наступать на неприятеля, который по его же данным развернулся южней Викнавейчена до Пилюпенена. Между тем, положение 40. дивизии было неизвестно и рассчитывать на тактическое взаимодействие с нею основания не было.

Мало того. В делах имеется телеграмма штаба IV корпуса № 47, полученная в штабе III корпуса в 17 ч. 25 м. 4/17 августа, т.-е. еще до начала выступления дивизий. Телеграмма эта сообщает, что IV корпус будет наступать на фронте Герминкемен-Кавален. (Схема 1.)

Таким образом, ген. Епанчин своевременно узнал, что южней его корпуса на 10 верст никто не будет наступать 4/17 августа, и что левый фланг его корпуса не обеспечен.

Тем не менее, он не только не отдал никаких распоряжений для обеспечения этого фланга, но даже не сообщил начальнику 27. дивизии содержание телеграммы № 47, оставляя и его и, значит, полк. Комарова в заблуждении, что рядом с 27. дивизией поведет атаку 40. дивизия.

В то же время ген. Епанчин в 20 ч. 4/17 августа за № 96 сообщает такие довольно фантастические ориентировочные данные начальнику 27. дивизии „к утру 5/18 августа обстановка может совершенно измениться к лучшему. Слева к вам подойдет 40. дивизия, о чем я прошу Алиева... кроме того, в тылу у неприятеля действует Хан-Нахичеванский".

2) В 8 ч. 30 м. т.-е. когда авангард начал разворачиваться у Платена для боя, начальник 27. дивизии получил от него записку „ген. Смирнов [1]) сообщил, что он идет медленнее, чем предполагалось, потому идет уступом за нами. Имейте это в виду для уравнения движения с XX корпусом. Ген. Адари-

[1]) Командир XX корпуса.

ди [1]) и ген. Булгакову [2]) уравнять движение обеих дивизий. Ген. Булгакову держать связь с Розеншильдом [3])“.

Как дивизиям разворачивающимся для боя уравнять движение с отставшим, при том неизвестно на сколько, соседом, понять трудно.

3) В 18 ч. 25 м., т.-е. уже после катастрофы со 105. полком, ген. Епанчин предписывает нач. 27. дивизии „энергично наступать для содействия левому флангу 25. дивизии“, и через 10 минут в новой записке приказывает „просить содействия 40. дивизии“.

4) Еще позднее, получив от начальника 27. дивизии донесение о тяжком положении дивизии и судьбе 105. полка, ген. Епанчин в ряде записок непосредственно и через начальника 25. дивизии приказывает начальнику 27. дивизии немедленно несмотря на ночь и на создавшуюся обстановку перейти вновь в наступление с целью занять по возможности положение ближе к достигнутому днем.

В записке от 23 ч. 30 м. он, между прочим, пишет „примите все меры, чтобы установить связь с 40. дивизией и привлечь ее для оказания вам содействия“.

5) В приказе корпусу о действиях на 5/18 августа, ген. Епанчин ставит задачу 27. дивизии так, „с 4 ч. продолжать атаку на фронт Геритен-Викновейчен, в тесной связи с 40. дивизией“.

Неудача 27. дивизии с тяжкими потерями, оторванность далеко на юг 40. дивизии, совершенная неопределенность положения на участке Допенен-Пилюпенен в этом приказе им совершенно не учитывается и как бы игнорируется.

Устав полевой службы обязывает начальников при развертывании заботиться об охранении своих флангов.

Командир III корпуса ничего в этом отношении не сделал, хотя один из всех начальников полк. Комарова своевременно знал, что южнее 105. Оренбургского полка русских войск рядом не будет, а противник в этом районе имеется.

Он обязан был распорядиться разведкой и охранением левого фланга своего корпуса, выделив для этого сколько было возможно конницы, менее нужной в день атаки на фронте, чем на фланге.

На начальника 27. дивизии ген. Адариди так же падает часть вины за события 4/17 августа, но некоторым оправданием

---

[1]) Начальник 27. дивизии.
[2]) Начальник 25. дивизии.
[3]) Начальник 29. дивизии.

для него служит, кроме неправильностей сверху, еще то, что его ввел в заблуждение и сам Комаров, сообщавший в 10 ч. 40 м., что „неприятель отступил и кругом раз'ездов никаких не замечено".

Во всяком случае нач. дивизии, не имевший уверенности в помощи соседа, обязан был принять от себя меры охраны фланга дивизии, выслав какие имел конные раз'езды, или даже за неимением их пехотную часть, в район Галькемен-Матернишкен для наблюдения за путями с юга и запада (схема 2).

Все же главным виновником гибели 105. полка является его командир, начальствовавший в этот день отрядом, полк. Комаров.

Это был даровитый и храбрый воин, но в нем порыв превышал столь необходимую начальнику холодную рассудительность.

Он не имел права оголять своего фланга ни в каком случае. Как бы ни верил в прибытие 40. дивизии, он был обязан до фактического ее появления плечем к плечу, принять меры к прочному обеспечению себя от случайностей.

Он должен был всю свою полусотню казаков держать в районе д. Матернишкен, освещая местность к Пилюпенену и Викнавейчену (схема 1).

Разворачивая полк фронтом на север и северо-запад, Комаров обязан был создать опорный пункт в районе Занзейчен-Будвейчен-Рутшен, заняв его, по крайней мере, батальоном и батареей (схема 2).

Тогда бы его отряду не были страшны случайности, всегда возможные в полевом бою, особенно с таким неприятелем, как немцы.

Современный бой не представляет собою простого явления, которое легко понимается; он является уравнением со многими неизвестными. Случайности вносят в него неожиданности, которые не будут иметь роковых последствий только в случае глубокой предусмотрительности со стороны командного состава.

Одной из таких мер предусмотрительности являет охранение флангов —этих чувствительнейших точек боевого организма.

В каком бы положении ни находился отряд, но в особенности, когда он ведет бой, начальники всех степеней обязаны всегда принять меры для охранения флангов.

Взводный командир высылает для этого на 300-500 шагов вперед и в сторону дозор, ротный командир—на 500-1000 шагов отделение, командир батальона на одну версту партию разведчиков, а иногда и роту; командир полка на 2-3 версты

роту и разведчиков, начальники отрядов и вообще старшие начальники высылают на 5-10 верст конные и пешие части.

Все охраняющие части выдвигают вперед щупальцы в виде раз'ездов и дозоров для разведки и создают себе опорные пункты, откуда они задерживают огнем случайно появляющегося противника столько времени, сколько надо отряду их выславшему, чтобы приготовиться к парированию неожиданности.

Кто будет внимательно и серьезно охранять свои фланги, тот всегда избежит тяжелого положения, подобного тому в которое попал левый фланг 27. дивизии в бою 4/17 августа 1914 г.

Л. Радус-Зенкович.

Атака и прорыв неприятельских укрепленных позиций.

(По опыту французского и русского фронтов).

Предугадать в настоящее время, какой преимущественно характер примет будущая война, маневренный или позиционный, невозможно и бесполезно. Но несомненно, что позиционные операции, получившие такое широкое развитие в только что закончившейся борьбе, своего века не отжили и повторятся в большем или меньшем масштабе в будущем. Это соображение обязывает нас использовать богатый опыт только-что минувшего с целью дальнейшей тактической разработки вопроса о прорывах укрепленных позиций и о соответственной подготовке войск.

До 1914 года не существовало никаких принципов или методов атаки подобных позиций; они вырабатывались постепенно во время войны на основании опыта, причем, разумеется, сначала неизбежны были ошибки; так, например, при сентябрьском наступлении 1915 года в Шампани французы применили фалангообразный боевой порядок, оказавшийся несостоятельным, так как скученные войска терпели большие потери и не могли добиться успеха; до осени 1917 года атаке французов предшествовала длительная, иногда двух-трех дневная ураганная артиллерийская подготовка; позиции противника основательно разрушались, но элемент внезапности пропадал, и германцы успевали принять меры для противодействия прорыву; таким образом на опыте выяснилось, что в большинстве случаев выгодно сокращать артиллерийскую подготовку до нескольких часов. В конце-концов выработались известные основные принципы, применение которых дало возможность германцам вбить три ударных клина в расположение французов в июне 1918 года, а англо-французам — окончательно прорвать

знаменитую линию Гинденбурга, что в связи с разложением германской армии повлекло за собою очищение немцами Бельгии и конец четырех с половиной летней войны. У нас были неудачные опыты атак на Северном и Западном фронтах в марте 1916 г. и блестящий прорыв с разгромом австрийцев на Юго-Западном в мае 1916 года.

Система укрепленных позиций.

Чтобы уяснить себе основные принципы штурма укрепленных позиций, необходимо ознакомиться с системой этих позиций. В общих чертах она была сходна у всех борющихся, различаясь лишь в деталях [1]).

Укрепленные позиции состояли из 2 или 3 укрепленных *полос* на расстоянии 3—4 верст одна от другой с тем, чтобы противник не мог обстреливать артиллерийским огнем одновременно две полосы. Оборудование первой полосы производилось полностью и она занималась всеми войсками, назначенными для обороны данного участка фронта. В двух следующих полосах работы доводились до той степени оконченности, которую допускало время; очень часто в третьей все ограничивалось глубокой трасировкой окопов и расчисткой обстрела. В этих двух полосах оставались лишь караульные и рабочие команды.

Каждая укрепленная полоса состояла, в свою очередь, из 2—3 *линий* окопов [2]). Расстояние между линиями от 100 до 300 шагов. Каждая линия представляла сплошной ряд окопов и фланкирующих друг друга опорных пунктов или узлов сопротивления, в 1.000—2.000 шагах один от другого. Окопы прикрывались одной или несколькими полосами проволочных заграждений. Опорные пункты состояли из приведенных в оборонительное положение деревень, кладбищ, рощ и. т. п., или же из целого сплетения окопов более сильной профили с бетонированными сооружениями, орудийными башенными установками и пр. В промежутках между опорными пунктами иногда возводились, или в самой линии окопов, или немного позади ее, небольшие сомкнутые полевые укрепления.

В начале позиционной войны 1-я линия предназначалась для упорной обороны и занималась соответственным количе-

---

[1]) См. схему.

[2]) Отнюдь не следует смешивать *полосы* с *линией;* вторая составляет только часть первой.

ством войск. Во время артиллерийской подготовки атаки противником эти войска несли большие потери; поэтому впоследствие германцы выводили из них войска во 2-ю линию, оставляя

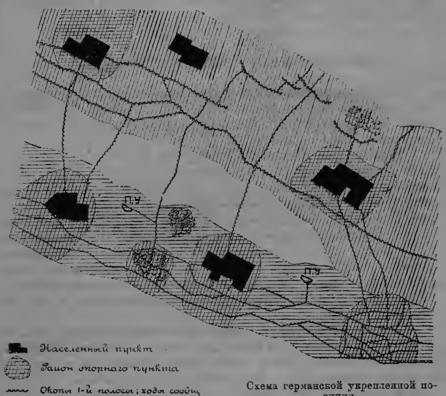

Схема германской укрепленной позиции.

в 1-й только наблюдателей и небольшие команды. С потерей первой линии немцы мирились; но когда атакующий, заняв ее, приостанавливался для приведения себя в порядок, а его артиллерия поневоле должна была прекращать огонь, германцы пользовались этим моментом для производства контр-атак против частей, занимавших первую линию. Примеру немцев последовали и мы.

Особенности атак на укрепленные позиции.

Атака укрепленной позиции характеризуется некоторыми особенностями, присущими только ей, в отличие от маневренной атаки.

1. В позиционной войне всякая наступательная операция сводится к захвату не одной позиции противника, а к штурму не менее двух, а иногда и трех укрепленных полос; штурм же каждой полосы требует весьма тщательной и продолжительной подготовки. Следовательно, *вся операция принимает сложный и затяжной характер.*

2. Захват одной линии окопов не обеспечивает еще победы над противником, так как, подведя резервы к следующей линии, он может контр-атакой отбросить нас и свести к нулю все предыдущие успехи атакующего. Необходимо овладеть целой укрепленной полосой. Следовательно, *штурм каждой полосы не может быть постепенным; его надо закончить в один прием, по возможности в один день,* иначе противник, пользуясь нашей передышкой и могущественными средствами обороны, получит перевес над атакой.

3. Во время штурма атакующий несет большие потери, части его в неприятельских окопах и ходах сообщения перемешиваются, порядок нарушается, управление становится невозможным. Вследствие этого войсковая часть, уже совершившая прорыв или остановленная сопротивлением противника до захвата всей его атакованной укрепленной полосы, не может считаться боеспособной; вливание в нее резервов не достигает цели и новый удар, новый натиск должен быть произведен новыми частями. *Расстроенные и ослабленные боем полки надо не подкреплять, а сменять,* отводя их в резерв, а при возможности и в более глубокий тыл для приведения в порядок и отдыха.

4. Из только что сказанного вытекает *необходимость эшелонирования войск в глубину и наличие сильных резервов.*

Подготовка атаки.

Атаке должна предшествовать самая тщательная подготовка, слагающаяся из следующих действий.

1. Сбор данных, необходимых для составления плана атаки. В этой работе принимают участие пехота, артиллерия, инженерные войска и летчики.

2. Специально артиллерийская подготовка.
3. Специально инженерная подготовка.

1. *Разведкъ неприятельского расположения и местности* должна быть самая основательная и вестись беспрерывно. Необходимо выяснить, главным образом, месторасположение неприятельских батарей и пулеметов, проволочных заграждений, фланкирующих построек и убежищ; значение этих мест важно как для пехоты, которая атакует их, так и для артиллерии, которой предстоит обстрелять и обезвредить их. Наибольшие потери пехоте наносят пулеметы, скрытые до атаки и скашивающие затем целые ряды. Каждый ротный командир, находящийся в первой линии окопов, обязан изучить неприятельскую позицию перед своим участком не только с фронта, но и сбоку, отмечая на своем плане (по возможности крупного масштаба) места всех обнаруженных пулеметов. Если последние находятся в линии окопов, то их легко распознать по бойницам, имеющим больший размер, в особенности в ширину, чем бойницы ружейные. Очень часто противник ставит пулеметы в своих входящих углах, чтобы обстреливать фасы; иногда пулеметы выносятся вперед в небольшие окопы, соединенные с главными особыми ходами сообщения; такие пулеметы очень трудно распознать спереди. Если перед фронтом противника тянется, перпендикулярно или накось к нему, лощина, можно быть уверенным, что по оси ее расположен пулемет. Наконец, если местность допускает двух'ярусную оборону, то пулеметы надо искать позади первой линии, на гребне или на скате, обращенном в нашу сторону.

Периодически разведка неприятельского расположения производится пехотными офицерами совместно с артиллерийскими, в сферу обстрела коих входит это расположение. При подготовке майского наступления Юго-Западного фронта в 1916 году очень большую пользу в определении мест неприятельских батарей и пулеметов принесли фотографические снимки летчиков: на них довольно резко выделялись окопы и маски батарей, а также пулеметные гнезда.

В отношении проволочных заграждений пехотные и артиллерийские офицеры определяют, где и каких размеров проходы должны быть проделаны в них.

Пехотные офицеры с инженерами и начальниками броневых автомобильных отделений (танков) отмечают местные препятствия на пути атаки и принимаютъ меры для своевременного устранения их.

2. *Специально артиллерийская техническая подготовка* заключается в выборе и соответственном оборудовании позиций для батарей и мест наблюдательных пунктов. Последние должны быть двоякого вида: а) для отыскивания целей, в особенности неприятельских батарей; такие пункты подчиняются командирам артиллерийских бригад или групп, могут быть сравнительно далеко от первой линии окопов, но должны обладать широким кругозором; б) для корректирования стрельбы; они подчиняются командирам батарей или дивизионов; в виду же необходимости точных наблюдений даже в пасмурную погоду надо располагать их ближе к противнику. Выбор и оборудование позиций производятся на общем основании.

3. *Специально инженерная подготовка* заключается:

а) В устройстве исходной для атаки параллели шагах в 150—300 от противника, чтобы атакующие могли броситься на штурм назначенных им целей фронтальным движением и с расстояний, не превышающих указанных цифр; конечно, вся эта работа отпадает, если расстояние между противными сторонами не более 300 шагов.

б) В возведении плацдармов для укрытия резервов до ввода их в бой; желательно, чтобы расположение в плацдармах не вызывало дробления войсковых единиц, допускало быстрый выход к пункту сбора и было возможно менее заметно со стороны противника.

в) В устройстве ходов сообщения между плацдармами и исходною для атаки линиею окопов.

На обдуманное и правильное устройство ходов сообщения на русском фронте обращалось мало внимания, что иногда приводило к очень неблагоприятным последствиям. Так, 14/27 сентября 1916 года германцы решительно атаковали 10 сибирскую стрелковую дивизию и выбили из окопов, нанеся ей громадный урон. С нашей стороны была сделана попытка восстановить положение, для чего были двинуты вперед резервы; они пошли по ходам сообщения, причем некоторые части столкнулись с отступавшими; произошло столпление, беспорядок, и нервность отступавших быстро передалась резервам, подорвав их боеспособность. Некоторые поддержки заблудились в ходах сообщения, так как не знали их расположения, а указателей (надписей) не было.

В виду сказанного не лишним будет вспомнить главные правила при устройстве ходов сообщения.

Ходы, идущие на всем протяжении укрепленной полосы, называются главными или магистральными, прочие — второстепенными. Каждый ход должен иметь свой номер или наимено-

вание [1]). На перекрестках должны быть установлены особые знаки для отличия магистральных ходов от второстепенных [2]).

Движение по ходу допускается лишь в одну сторону, которая и должна быть наглядно указана, например, стрелками.

В боковых отлогостях ходов через определенные промежутки устраиваются ступеньки для выхода наружу. Следует также в промежутках между означенными выходами настилать по верху хода мостики, чтобы переходить через ход, не спускаясь в него.

Все ходы должны иметь таблички с надписями и знаками; они могут быть различного цвета для отличия. Таблицы вывешиваются у начала и конца ходов, на перекрестках и у ступенек.

У каждого ротного, баталионного и полкового командира должен быть план ходов его участка.

Для обслуживания ходов, т.-е. для наблюдения за порядком и чистотою их, назначаются особые команды, преимущественно из слабосильных.

Инженерные части обязаны оказать всемерную помощь артиллерии и пехоте в установке между ними телефонной и оптической связи. На ней основано взаимодействие этих двух родов оружия, без которого немыслим успех атаки. Пехотные офицеры должны твердо знать, каким номером или названием обозначена каждая артиллерийская цель, и получить от артиллеристов копии с их перспективных чертежей. Начальствующие лица обязаны чаще проверять слаженность связи и меры, принятые для поддержания ее при движении в атаку.

Производство атаки.

Атака укрепленной позиции слагается из двух актов:

А. — Огневой ее подготовки артиллериею, расчищающей пути пехоте.

Б. — Занятия неприятельской позиции живою силою, т.-е. пехотою, при содействии артиллерии.

А. — Подготовка атаки огнем артиллерии.

До начала штурма артиллерия должна выполнить следующие задачи:

а) Пробить проходы в проволочных заграждениях противника.

---

[1]) У французов магистральные ходы обозначались буквой, присвоенной корпусу; например: A^1, A^2, A^3, или B^1, B^2, B^3, второстепенные ходы—буквой S (Secondaire) и цифрой, напр: S^1, S^2, S^3, параллельные—буквой P и цифрой, напр, AP^1, AP^2.

[2]) У французов поперек второстепенного хода сбоку набивались деревянные поперечные бруски или насыпались поперечные валики.

б) Заставить замолчать его артиллерию.

в) Уничтожить обнаруженные неприятельские пулеметы.

г) Нанести возможно большие потери его пехоте.

д) Срыть или завалить его оборонительные сооружения.

Выполнение этих задач, в особенности указанных в пунктах а и в, требует точной стрельбы и корректирования, если не каждого, то во всяком случае возможно большего числа выстрелов. Разумеется, пристрелка должна быть произведена тотчас по выборе пункта атаки и затем периодически проверяться, стараясь, однако, не возбудить внимания противника.

Как сказано выше, до 1917 года французы производили многодневные подготовки атак артиллерией; с 1917 года они заменили их короткими, в течение от $^1/_2$ часа до двух — трех часов, чем достигалась внезапность атаки. В наших армиях определенного взгляда на этот вопрос не было, и в то время, как в мае 1916 года в 8. армии артиллерийская подготовка длилась сутки, в соседней 11. армии она производилась в течение только шести часов; в обоих случаях результаты были отличные. На многодневные подготовки у нас не хватало снарядов.

а) *Пробитие проходов в проволочных заграждениях* производится с успехом нашей полевой пушкой при условии оставления каждого орудия нацеленным в одну точку заграждения и при надлежащей досягаемости выстрелов. В июле 1916 года гвардейская артиллерия заняла позиции почти на пределе от загражденийй, и, конечно, проходы оказались или вовсе не пробитыми, или плохо расчищенными; гвардейской пехоте пришлось грудью разбивать их и, не достигнув успеха, отступить с большим уроном. Пехота не должна расчитывать на полное уничтожение заграждений; но *пока проходы не проделаны, пускать пехоту на штурм не следует* во избежании неудачи и крупных потерь.

У англо-французов при условии кратких, например, получасовых подготовок атаки, пробитие проходов, невыполнимое для артиллерии, возлагалось на танки.

б) *Борьба с неприятельской артиллерией* имеет целью или уничтожение ее, или принуждение к молчанию. Первое, т.-е. уничтожение артиллерии противника, требует большой точности стрельбы и времени; второе достигается легче и скорее при условии частой стрельбы (в среднем по два выстрела в минуту на каждое неприятельское орудие); град снарядов заставляет прислугу укрываться, нервирует ее; стрельба противника делается суетливой, теряет меткость, часто прерывается, а иногда

и вовсе прекращается. Во время майского наступления 1915 года французов в Шампани, германская артиллерия была настолько удачно обстрелена, что оказала очень ничтожное содействие своей пехоте. Обратный пример представляют действия немецкой артиллерии под Лангемарком 21 нояб./4 декабря 1915 года: не сдерживаемая французами, она нанесла им серьезные потери уже в исходных для атаки параллелях.

Самый легкий способ нейтрализации неприятельской артиллерии—стрельба по ней снарядами с удушливыми газами. Германцы часто применяли этот способ на нашем фронте с большим успехом для себя (между прочим, и под Ригой в августе 1917 года).

в) *Уничтожение неприятельских пулеметов*, обнаруженных при разведке, не представляет особого труда. Надо только приступать к разрешению этой задачи не заблаговременно, а в день атаки, иначе противник успеет переместить свои пулеметы.

Сбитие пулеметов выгоднее всего поручать не батареям, стоящим на позициях за пехотою, а орудиям, поставленным в самых окопах, т.-е. траншейным, или, по неимению их, горным; скрытые до начала атаки, они выносятся непосредственно перед наступлением и прямым прицельным огнем с коротких дистанций расстреливают пулеметные гнезда до полного разбития ихъ.

д) *Ослабление неприятельской пехоты.* Во время огневой артиллерийской подготовки штурма противником, австро-германские войска скрываются в глубоких, зачастую блиндированных, убежищах, которые не всегда удается разрушить. Между тем для атакующего, разумеется, важно численно и морально ослабить обороняющегося. Существует два приема, чтобы заставить неприятеля выйти из убежищ и нести потери во время невызываемого действительною надобностью занятия траншей.

I. Прерывать бомбардировку промежутками затишья, в особенности в период, непосредственно предшествующий атаке; в это время пехота атакующего должна открыть ружейный огонь и кричать „ура", заставляя противника предполагать, что штурм начался; неприятель выходит из убежищ и тогда артиллерия наступающего открывает по нем ураганный огонь. Под Аррасом в 1915 году французские батареи замолкли на десять минут, но тишина получилась абсолютная и германцы в обман не дались, оставшись в убежищах. Перерывы в артиллерийском огне практиковались успешно и на наших фронтах, Западном и Юго-Западном.

Если расстояние между окопами противников достаточно, чтобы не рисковать попаданием в свои части с первых же шагов их наступления, атакующий может усилить уверенность противника в том, что штурм начинается, выскакивая из своей исходной параллели и даже продвигаясь немного вперед, а затем, с открытием ураганного огня его артиллерией, возвращаясь в параллель. С сущностью и целью подобного маневра войска должны быть ознакомлены заранее, иначе отход может отразиться неблагоприятным образом на их наступательном духе.

2. Обстреливать противника снарядами с удушливыми газами, медленно стелющимися по земле и выкуривающими врага из убежищ, т. е. применить способ, практикуемый охотником, чтобы вызвать зверя из логовища. К этому неоднократно прибегали германцы на французском и русском фронтах.

г) *Разрушение неприятельских оборонительных построек* производится на общих основаниях, причем для разрешения этой задачи пригодны все виды артиллерии в зависимости от крепости построек. Однако, по наблюдениям французских пехотных офицеров, для срытия неприятельских окопов более пригодна воздушная мина, чем артиллерийский снаряд: обладая достаточной разрушительной силой, первая разворачивает окопы, срывает их, заваливает входы в убежища, замуровывая засевших там; громом разрыва, сотрясением воздуха и почвы она убивает энергию обороняющегося и производит на него сильное устрашающее действие.

Вот что говорит, например, капитан 153. пехотного французского полка Лаффарг, в течение 9 месяцев участвовавший в позиционной войне[1]): „Во время атаки 26 апр./9 мая окопы противника перед фронтом 3. и 4. взводов моей роты сильно обстреливались нашей артиллерией и в особенности минометами, между тем, как окопы перед 1. и 2. взводом подвергались только артиллерийскому огню. В результате 1. и 2. взводы тотчас после выхода из своей траншеи были встречены яростным ружейным и пулеметным огнем немцев, выскочивших из закрытий, и начали быстро таять; 4. взвод достиг неприятельских окопов и, перевалив через них, продолжал наступление; 3. взвод был встречен лишь несколькими ружейными выстрелами и легко овладел окопами“.

Следовательно, подготовка атаки первой линии окопов может быть произведена одними минометами; разумеется,

---

[1]) „Etude sur l'attaque dans la période actuelle de la guerre“. André Laffargue.

число их должно быть достаточно, примерно — по одному на каждые 150 шагов фронта.

Для разрушения закрытий особенно выгоден фланговый и косой огонь артиллерии; но он применим только в подготовительный период, во время же самого штурма его нельзя допустить во избежание поражения своих войск.

Относительно подготовки атаки опорных пунктов надо заметить, что существенно важно разрушить их окрайну, так как атакующему сравнительно легко пробить промежутки между ними, но затем он попадет под фланговый огонь опорных пунктов; а штурм узла сопротивления—не легкая задача. Если достигнуть разрушения окраин невозможно, то надо, по крайней мере, нейтрализировать опорный пункт, обстреливая его дымными снарядами.

Последние выстрелы артиллерии по 1. линии неприятельской позиции должны производиться непосредственно перед пехотной атакой, чтобы наши части могли выскочить из окопов и начать движение, пока не рассеялся дым и пыль от разрывов снарядов, а противник не успел выйти на свою линию огня.

Б) Атака пехоты.

Время атаки пехоты назначается старшим начальником; оно не может быть в точности определено заранее, так как зависит от успеха пробития проходов в проволочных заграждениях.

Общий вид атаки. — Чтобы овладеть укрепленной полосой, пехота должна быть эшелонирована в глубину.

1. эшелон[1]) (французы называют его „штурмовым“) состоит из нескольких волн или перекатов, предназначенных для нанесения первого, главного удара, и из их непосредственных поддержек; подчиняется командирам полков, входящих в его состав.

2. эшелон (по французской терминологии, не вполне правильной, „подкрепляющий“) предназначается для продолжения штурма с того рубежа, на котором 1 эшелон был остановлен сопротивлением противника; следовательно, он довершает удар 1 эшелона, заменяя его и отчасти увлекая за собою, но отнюдь не сгущая и не усиливая первого; подчиняется командирам бригад. По численности составляет от $^1/_3$ до $^1/_2$ первого, который, как выяснено из боевого опыта, теряет до остановки около $^1/_3$ своего состава.

3. эшелон или резерв, находящийся в распоряжении начальника дивизии или командира корпуса, подталкивает атаку, сменяя

[1]) Или линия.

расстроенные части 2. эшелона; обеспечивает первые два эшелона от случайностей, и предназначается для маневра после захвата всей укрепленной позиции противника.

Артиллерия, т.-е. те батареи, которые будут двинуты за атакующими, способствует их дальнейшему продвижению и отбитию неприятельских контр-атак.

I. Боевой порядок и способ действий первого эшелона зависят от удаления противника, причем различаются два случая:

1) Если до противника, примерно, 150 шагов или менее, то роты наступают развернутыми, с разомкнутыми, рядами; интервалы между людьми зависят от величины ротного участка по фронту, в среднем от 1 до 5 шагов. Таким образом из роты образуется одна волна. При узком ротном участке рота эшелонируется по полуротно, образуя две волны, шагах в 50 одна от другой. Идут стрелковым шагом, не открывая огня.

2) Если до противника более 150 шагов, рота высылает стрелковую цепь из одного рассыпаного взвода или из отборных хладнокровных людей, выделяемых от всех взводов. В 60—75 шагах за цепью идут роты в том же строю, как в предыдущем случае. Следовательно, каждая рота даст две волны (цепь и рота) или три (цепь и две полуроты).

В данном случае за дальностью расстояния захватить противника врасплох не удастся, он, несомненно, откроет огонь. Конечно, трудно требовать, чтобы роты, идущие открыто и расстреливаемые противником, которого они видят, не ответили сами огнем; стрелять они начнут, а это внесет некоторый беспорядок в атакующей линии. Назначение стрелковых цепей, идущих впереди рот, заключается именно в том, чтобы прикрыть их своим огнем, роты же будут наступать, не стреляя.

В батальоне обыкновенно три роты идут в первой линии, образуя волны, как только что указано, а одна рота следует сзади в виде поддержки. В полку 3 батальона в одну линию (волны с батальонными поддержками), а один—сзади в виде полкового резерва.

Поддержки наступают змейками, разворачиваясь по мере надобности, в зависимости от обстановки.

Каждая волна должна выходить из исходных окопов в назначенный час (часы должны быть сверены) вся одновременно, чем достигается большее нравственное воздействие на противника и разделение его заградительного огня[1]). Движение совершается стрелковым шагом, постепенно учащаемым. На открытых

[1]) Тоже правило должны соблюдать поддержки.

и особенно сильно обстреливаемых участках наступление может производиться перебежками. Длинные редкие перебежки выгоднее коротких частых, так как остановки уменьшают порыв людей.

При движении желательно соблюдение полного равнения, как обезпечивающего порядок и укрепляющего в людях уверенность во взаимной поддержке. Наблюдение за равнением лежит на обязанности замыкающих унтер-офицеров.

С 80 шагов бросаются в штыки.

Выбив противника из окопов, роты, не задерживаясь в них, выходят на несколько шагов вперед, быстро приводятся в порядок, причем в это время могут стрелять по отступающему противнику, а затем продолжают тем же порядком штурм второй линии окопов.

Части, которым удалось прорваться в интервал между двумя опорными пунктами, не должны увлекаться преследованием противника: вдавшись клином в его расположение, они рискуют быть стиснутыми с флангов и своим критическим положением скомпрометировать успех всей операции. Смелое движение вперед допустимо, если прорыв расширен, т.-е. если атакующим войскам удалось проникнуть в 2—3 рядом лежащих интервала и сомкнуться впереди; тогда опорные пункты будут изолированы, как затопленные островки, а фланги прорвавшихся частей—менее чувствительны к неприятельским охватам и ударам.

Конечные цели для каждой части должны назначаться возможно дальние, лучше всего за первой укрепленной полосой противника. Соблюдением такого правила достигаются две цели: во-первых, войска побуждаются своевременно, еще до атаки, наладить разведку не только первой линии неприятельских окопов, но и последующих, что, несомненно, ускорит и облегчит их атаку; во-вторых, этим подогревается наступательный порыв атакующих.

Каждая последующая волна должна выходить из исходной параллели, когда предыдущая подходит к неприятельским окопам; преждевременное выступление может повлечь за собою перемешивание волн и несвоевременный ввод в бой сзади идущих, без пользы для дела.

Пока не захвачена вся укрепленная полоса противника, движение поддержек по ходам сообщения должно быть безусловно воспрещено во избежание того, что произошло при нашей попытке восстановить положение 10. Сибирской стрелковой дивизии, сбитой германцами 14/27 сентября 1916 года [1]).

---

[1]) Стран. 101—я.

Весьма возможно, что при штурме первой или второй линии окопов, атакующий будет встречен огнем таких пулеметов, которых не удалось обнаружить при предварительной разведке. Капитан Лаффарг описывает такой случай: „9 мая остатки моей и соседней роты, всего около 80 человек, подошли в 11 часов на 300 шагов к кладбищу селения Нейвиль-сен-Вааст. Кладбище не было занято противником, на поле боя не было немцев и лишь вдали видны были спасавшиеся бегством батареи. Только на мельнице оставалось два немецких пулемета; но даже это ничтожное число на обширном поле оказалось достаточным для противодействия атаке; роты не могли продвинуться вперед. С трудом сообщили об этом артиллерии; ей пришлось действовать в обстановке полевого, а не позиционного боя; огонь она открыла долго спустя, причем ошиблась в определении места цели. И вот на глазах моих озлобившихся людей пустынное дотоле кладбище наполнилось немцами. Четыре часа спустя на кладбище повел наступление 146 пехотный полк; пулеметы скосили его; на следущий день его сменил 229 полк и подвергся той же участи после очень незначительного продвижения вперед“.

В виду подобных случаев необходимо, чтоб за каждым эшелоном следовали его пулеметы. Они могут принести громадную пользу при атаке, если будут своевременно открывать огонь по неприятельским частям, оказывающим особенно сильное сопротивление. При этом ставить пулеметы, которые по небольшим размерам легко укрываются за самой незначительной складкой местности, надо не на линии пехоты, малейшее передвижение которой может закрыть для них обстрел, а впереди ее. К сожалению, в нашей армии смотрят на пулеметы, как на орудие не столько наступательного боя, сколько оборонительного; на театре войны были даже такие полки, которые из боязни потерять пулеметы при малейшей опасности отправляли их в обоз.

Выше было сказано, что при захвате неприятельских окопов атакующий не должен задерживаться в них. И на англо-французском и на нашем фронте были случаи, что уцелевшие в убежищах германцы и австрийцы открывали огонь в спину нашим частям, вышедшим перед взятый окоп. Против этого должны быть приняты меры. Во французской армии окончательная очистка захваченных траншей возлагается на особые команды „чистильщиков“, избираемых преимущественно из бесшабашных головорезов. Опираясь на выработанную для них особую, довольно суровую инструкцию, чистильщики не церемонятся с врагом; так например, при

атаке 21 декабря 1915 года Гартманвейлерскопфа чистильщики 5. стрелкового батальона не взяли ни одного пленного, между тем как в соседнем 153. полку и 21. стрелковом баталионе, где чистильщиков не было, пленных захвачено 1.300 человек. В нашей армии никаких общих правил по этому вопросу не существует.

За чистильщиками следуют рабочие команды для перелицовки окопов.

II. Боевой порядок и способ дейсвий шторого эшелона.

Задачи второго эшелона. Овладеть одним или двумя рядами неприятельских окопов при условии основательной предварительной подготовки артиллерии, хорошего знания местности и расположения противника—задача не особенно трудная. Но при дальнейшем наступлении обстановка складывается все хуже и хуже: результаты артиллерийского огня менее благоприятны, местность и положение неприятеля почти неизвестны, части ослаблены потерями, люди нервничают, опасаясь внезапного открытия огня неприятелем, засад и т. п. Весьма возможно, что при таких условиях и при стойкости противника I. эшелон не решит полностью данную ему задачу и, потеряв порыв, не овладеет всею первою укрепленною полосой. Довершить его работу, вытеснить неприятеля из ее района—такова будет в этом случае задача 2. эшелона. Он должен *заменить* первый, что производится обычным порядком, преимущественно ночью.

Возможен, однако, и другой случай: несмотря на тяжелую обстановку, I. эшелон захватил всю первую укрепленную полосу. Конечно, он не будет уже в состоянии штурмовать вторую полосу; его надо *сменить* свежим 2. эшелоном, притом не теряя времени, не давая передышки противнику; и для этого 2. эшелон проходит сквозь расположение 1-го, немедленно высылая вперед разведывательные части и артиллерию.

Иногда на долю частей второго эшелона выпадают частные задачи, например: окончательно сломить сопротивление какого-либо опорного пункта; оказать содействие в отражении контр-атаки противника на известном участке, и т. п.

Необходимость второго эшелона не может быть оспариваема. Между тем при наших атаках его не существовало: части, которые должны были бы образовать его, попадали в резерв старшего начальника. Последний не может быстро разобраться в боевой сутолоке, долго выжидает выяснения обстановки для того, чтобы целесообразно выдвинуть свой резерв. В итоге резерв запаздывает, и мы не только не в состоянии развить достигнутый успех, выражающийся в захвате 1—2 линии окопов, но не можем даже удержать взятое за собою.

Подобные факты не раз повторялись на наших фронтах, не исключая периодов наибольших наших успехов, например, в 1916 году на юго-западном фронте (части 2 армии и XVI корпус 7. армии 13/26 сентября, XXXX корпус и гвардия 3/16—4/17 сентября). К тому же резерв лишь усиливал, сгущал первый эшелон, а не заменял его; мы не хотели верить, что часть, потерявшая порыв вследствие сопротивления неприятеля, уже не способна одержать успех; мы не признавали опытных данных, добытых французами в 1915 году и выразившихся в следующих словах Жоффра: [1]) „Не может быть речи о том, чтобы просто усилить боевую линию и возобновить свежими войсками попытку, уже раз неудавшуюся; наоборот, прежде всего надо сменить дивизию первой линии".

Состав и сила второго эшелона.—В виду неблагоприятной обстановки, в которой приходится действовать 2. эшелону, учитывая притом долгое и пассивное его стояние под неприятельскими выстрелами, убивающее бодрость в людях, нельзя назначать в состав его худшие части; между тем на французском фронте вначале делали именно такую ошибку; а у нас в резерв постоянно посылали менее надежные войска, например, полки вновь сформированные или развернувшиеся из резервных частей.

По изложенным выше соображениям, численность второго эшелона не должна очень отличаться от численности первого: 2/3—3/4, вот примерное соотношение.

Место и боевой порядок 2. эшелона. Войска второго эшелона располагаются последовательно в плацдармах и в исходных параллелях по мере того, как те и другие очищаются I. эшелоном. Начальники дивизии, командиры пехотных и артиллерийских бригад, должны находиться при соответствующих должностных лицах I эшелона, чтобы быть всегда ориентированным в положении дел, на случай вызова вперед.

До ввода в бой 2. эшелон передвигается в строю, отвечающему, двум условиям: гибкости, т.-е. способности приспособиться к требованиям обстановки, и малой уязвимости для неприятельского огня. Для роты лучшим строем будет развернутый и разомкнутый на 3—4 шага, шеренга от шеренги шагах в 150—200, или же змейки.

Если 2. эшелон должен *заменить* I, не закончивший решения своей задачи и остановленный сопротивлением противника, то в таком случае с минуты приближения второго эшелона к

---

[1]) Наставление от 18/16 января 1916 года № 15330.

залегшим частям первого ни о каком маневрировании не может быть речи: атака противника прямым фронтальным движением—единственное решение.

Та позиция, на которой залегли войска I. эшелона образует как бы исходную параллель для частей второго эшелона.

Если замена эшелонов происходит днем, то второй отнюдь не должен задерживаться на позиции первого, во избежание увеличения потерь от скученности расположения и нарушения порядка вследствие перемешивания частей; короткая передышка и вперед. Если же расстояние до противника не превышает, примерно, 150—200 шагов (сфера „атаки"), то лучше пройти сквозь первый эшелон безостановочно.

Боевой порядок и способ действий 2. эшелона после ввода его в бой тождественны с порядками и действиями, применяемыми I. эшелоном. Лишь в одном частном случае возможно некоторое отличие, а именно: если первый эшелон успел настолько выдвинуться вперед, что содействие артиллерии его продвижению заметно ослабло, то тогда части 2 эшелона могут двигаться под прикрытием ружейного огня; особых взводов в цепь не высылают, а стреляет вся первая шеренга, в этом случае образующая первую волну.

Пулеметы и легкие полковые орудия 2. эшелона должны следовать за последней волной первого, или на линии его поддержек, т. е. впереди своего эшелона.

В. Содействие артиллерии атаке.

Во время атаки пехоты артиллерия продолжает выполнять задачи, разрешавшиеся ею в подготовительный период, за исключением пробития проходов в проволочных заграждениях, т. е. она поражает живую силу—войска, занимающие окопы, разрушает оборонительные постройки и подавляет неприятельскую артиллерию. Последняя задача особенно важна, так как все батареи противника, несомненно, обрушатся на атакующую пехоту.

Огонь артиллерии должен как бы предшествовать наступающей пехоте; чем дольше она будет поражать атакуемую линию—тем лучше, но, конечно, при том условии, чтобы артиллерийская стрельба не задерживала продвижения пехоты и не поражала свои войска.

Сверх указанных задач в период атаки у артиллерии возникает и новая задача: устройство заградительного огня. Дело в том, что войска второго и третьего ряда неприятельских окопов не находятся на линии огня, а укрываются сзади в убе-

жищах. Как только прекращается подготовка атаки и начинается штурм, эти войска спешно занимают свои места в окопах. Задача артиллерии атакующего заключается в том, чтобы помешать этому перемещению, создав завесу из рвущихся снарядов между убежищами и окопами. Еще важнее устроить завесу между атакующим и обороняющимся, если последний переходит в контр-атаку; такая завеса должна быть как бы двойною: а) между фронтами атакующего и частями контр-атаки; б) между районом контр-атаки и резервами обороняющегося, выдвигаемыми с тылу вперед для подкрепления контр-атаки. Особенно сильно надлежит обстрелять опушки лесов, окраины деревень, дороги, закрытые подступы, — словом, все те места, которых не могут миновать войска противника, принимающие участие в контратаке.

Если атакующий продвинулся далеко вперед от своего исходного положения, то все батареи, которые обстреливали передовые неприятельские окопы и фактически окажутся свободными от своей предыдущей задачи, должны быть двинуты вперед для устройства дополнительных и более действительных огневых завес [1]).

Надо сознаться, что в нашей армии механизм создания завес не был налажен и этим в значительной мере об'ясняется успех многих контр-атак австро-германцев. Наш главный недостаток в этом отношении заключался в чрезмерном удалении артиллерии от пехоты и в слишком позднем выдвижении батарей на новые позиции.

Ввод в бой резерва.

Увлеченные боем младшие строевые начальники обыкновенно забывают своевременно доносить о положении дел на своем участке. Учитывая это обстоятельство, старший начальник должен командировать нескольких лиц своего штаба в важнейшие районы боя. Лично знакомясь с обстановкой, входя в связь с младшим командным составом, эти лица все время ориентируют старшего руководителя боем в ходе дел. Этим обеспечивается своевременный ввод в бой резерва, или части его, на тех пунктах, где нужна помощь.

Если 1. и 2. эшелоны постигла неудача при атаке, то рассчитывать на конечную победу при содействии резерва трудно;

[1]) Перемещение вперед артиллерии благотворно действует на дух атакующей пехоты, вселяя в ней уверенность в окончательном закреплении за собою отбитой у противника местности.

ему придется только прикрыть отход штурмовавших войск. Но если заминка незначительна, то на долю резерва, несомненно, выпадут наступательные действия: он довершит удар, нанесенный обороняющемуся боевою частью, а затем будет преследовать его.

Во всяком случае резерв должен быть всегда готов к участию в деле. *Держать его надо возможно ближе к фронту;* это требование приходится подчеркнуть, так как на русском фронте он очень часто запаздывал, вследствие удаления от боевой части; так в сентябре 1916 года в 8. армии во время наших наступательных операций и контр-атак германцев резерв находился в 12 верстах от линии фронта, т. е. на расстоянии свыше полуперехода.

Атака второй укрепленной неприятельской полосы производится так же, как и первой. После овладения ею и вообще с той минуты, как противник, истощив все свои резервы, не будет в состоянии вести организованную и непрерывную оборону, начинается эксплуатация победы, и систематический способ действий, связанный с позиционной борьбой, заменяется боем с маневром, присущим открытому полю.

В. Клембовский.

Движение на выстрелы.

Многовековая история военного искусства резко разделяла маневрирование на театре войны от маневрирования на поле сражения. В старину считалось одним из основных начал тактики предварительный сбор всех войск, предназначенных для участия в бою, в одну компактную массу, с которой полководец затем уже и предпринимает свой боевой маневр.

К началу XIX века великая французская революция, вместо 40—70-тысячных армий старого режима, выдвинула на поля сражений большие народные армии, успешное применение коих оказалось возможным лишь при новых тактических приемах. Маневрирование с поля сражение начало переноситься на всю обширную арену театра войны.

Типичным образцом такого слития стратегического и тактического маневра является Бауценская операция Наполеона в весеннем походе 1813 года. Обстановка была такова. Отбив под Люценом попытку внезапного удара русско-прусской армии, Наполеон занял Дрезден и продолжал преследование. Русско-прусская армия держалась близко к австрийской границе, так как велись деятельные переговоры с Австрией о привлечении и этого государства к борьбе с Наполеоном, и политика требовала, чтобы мы далеко не отрывались от наших будущих союзников. Преследуя главными силами отступающую армию, Наполеон выслал в направлении на Торгау-Лукау—Берлин маршала Нея с тремя корпусами, чтобы угрозой захвата столицы Пруссии заставить прусскую армию отделиться от русских войск.

Вечером 15 мая Наполеон получает достоверные сведения, что неприятельская армия, перейдя у Бауцена за реку Шпре, остановилась, окапывается и готовится дать решительное сражение. Наполеон, располагая двумя войсковыми массами, в 100.000 и 60.000 человек, и имея против себя зарывшегося в землю и следовательно отказавшегося от свободного маневри-

рования неприятеля силой в 93.000, решает использовать выгоды своего положения: с тремя корпусами бросает берлинскую дорогу и направляется в обход правого фланга неприятеля, чтобы отрезать ему путь отступления и прижать его к австрийской границе. Так как Ней успеет выйти во фланг и тыл неприятелю только 21 мая, то 19 мая на фронте будут происходить только рекогносцировки, 20 мая после полудня главные силы завяжут на фронте бой, а решительная атака откладывается на 21 мая. Ней, еще до получения приказа Наполеона, по совету Жомини, своего начальника штаба, сворачивает с дороги на Берлин и двигается на Хойерсверда.

В этом примере нет предварительного сбора войск перед боем. Находившаяся в отделе армия спешит на выстрелы завязавших на фронте бой частей, и наносит решительный удар.

В действительности Ней не вполне успешно выполнил гениальный замысел Наполеона, ввязался в бой против правого русского фланга, не успел пересечь у Гохкирхена последнего пути отступления союзников на Герлиц, и они успели ускользнуть с небольшими потерями. Такой половинчатый исход манерва объясняется отсутствием в ту эпоху каких-либо технических средств связи и проистекавших трудностей оперирования отдельными массами: в бюлетене о Бауценском сражении (официальная реляция для публики, продиктованная самим Наполеоном) отмечается, что еще в 3 часа дня 21 мая вся армия, ведущая атаку, находилась в полной неуверенности в успехе, так как ни в главной массе ничего не было известно о Нее, кроме отдаленного пушечного гула, ни Ней, вышедший с 60.000 преимущественно молодых солдат в тыл много большей армии, не знал результатов двухдневного боя главных сил на фронте, и эта неизвестность, конечно, сильно сковывала энергию даже такого сильного вождя, как Ней.

Но самое широкое распространение движения на выстрелы получило только во вторую половину XIX века, а именно во франко-прусскую войну 1870 года. В этой войне, по крайней мере в первом ее периоде — в борбе немцев с армиями Наполеона III— войска еще вводились в бой также густо, на таких же узких фронтах, как и за 200 лет перед тем. Корпус получал обыкновенно в сражении участок шириной всего в 2 версты. Между тем, даже в культурной местности, для значительных переходов нельзя наметить сеть параллельных дорог гуще, чем одна дорога на 6 верст фронта. И каждому корпусу желательно было предоставить отдельную дорогу, так как даже без корпусных обозов корпус растягивался по одной дороге на 25 верст

в глубину, и следовательно, при движении двух корпусов по одной дороге, войсковые части растягивались на 50 верст, что помимо весьма чувствительных хозяйственных невзгод, не позволяло развернуть всех боевых сил до второго дня боя. В этих условиях естественно сложилась поговорка: „врознь итти, вместе драться“, смысл коей, в приложении к условиям 1870 года, заключался в том, что фронт марша армии превышал втрое

Схема № 1. Бауцен 1813 г.

фронт тех же сил, развернувшихся для боя. Для того, чтобы попасть на поле сражения, фланговые колонны должны были бросать данные им направления, и облическим (косым), концентрическим движением стягиваться к месту боя. С этой точки зрения, „развертывание“ армии для боя в 1870 году представляется собственно развертыванием из глубины отдельных походных колон; что же касается фронта марша, то он, по существу, при переходе в боевой порядок свертывался. И действительно, сосредоточенные на узких боевых фронтах армии 1870 года

теряли всякую способность к маневрированию. После сражения под Марс-ла-Туром, 16 августа 1870 года, в штабе Мольтке высказывались догадки, куда могла деться французская армия Базена, и высказывались соображения, что никуда она не могла уйти, так как с фронта в 12 верст можно было найти для ее отступления из боя не свыше 3-х дорог, и каждая из них была бы запружена войсками двух корпусов и армейскими обозами верст на 75 в глубину. Французской армии, сосредоточившейся к бою, надо было бы потратить дня 2 или 3, чтобы предварительно разойтись, только тогда она стала бы маневро-способной. Отсутствие этих узких фронтов 1870 года и связанной с ними потери маневро-способности составляет одно из важнейших отличий нашей эпохи, и объясняет, почему теперь войска, не окруженные на поле сражения, гораздо легче, чем прежде, ускользают от преследования и скорее восстанавливают свою способность к бою.

Таким образом, в 1870 году сосредоточение на поле сражения совершалось облически, с более широкого фронта марша. Войсковые массы возрасли весьма значительно, а технических средств связи, которые облегчили бы управление рядом отдельных колонн, не было, и так же отсутствовало, в первые три недели боевых действий, твердое тактическое руководство. Французы отказались от активности и занимали заблаговременно обрекогносцированные позиции. Немцы же, при плохой разведке, неожиданно для себя сталкивались с французскими войсками; имевшиеся тактические задания старших начальников оказывались несоответствующими обстановке, и боевые события развертывались не в соответствии с директивами и приказами сверху, а подчиняясь широко развитому в германской армии началу самостоятельности, частного почина младших начальников. Все сражения первых недель войны — Шпихерн-Форбах, Верт, Коломбье-Нуйльи, Марс-ла-Тур, представляют одну и ту же картину: командир бригады авангарда, или прибывший к сторожевым частям начальник штаба корпуса, или начальник дивизии, наткнувшись на неприятеля, выставляет свои батареи и открывает огонь. Гром пушечных выстрелов как бы скликает немцев со всего района марша армии; все походные колонны, бросив указанные им цели, ориентируясь по звуку пушечной пальбы, устремляются помоч своим. К стреляющем батареям непрерывно присоединяются новые батареи и, к полному изумлению командующаго армией, большая часть его войск оказывается втянувшейся в бой не в то время и не в том месте, где это им намечалось. При пассивности французского командования, при большом численном перевесе германской

армии, при очень высоком духе пехоты, и многочисленной и превосходной по качеству артиллерии, такой способ действий доставил немцам ряд успехов. Эти бои являются классическим примером торжества инициативы частных начальников, искавших основания для своих решений в первых же доносившихся до них звуках пушечных выстрелов, а не в приказах, получаемых ими от командиров, но указывают и на опасные стороны такого способа управления войсками: руководство боем сразу же ускользает из рук высшего управления, все отданные сверху приказы оказываются или предвосхищенными, или же неприменимыми, устарелыми, и развитие боя получает стихийно-анархический характер. Почти в каждом таком боевом столкновении забывшие о своих заданиях и стремившиеся исключительно на звуки пушечных выстрелов, как бабочки на свет, немецкие части создавали моменты, в которые энергичный французский полководец мог бы нанести им крупное поражение, действуя активно с меньшими силами, но управляемыми единой и твердой волей.

Во вторую половину войны 1870 года, когда в германских войсках наладилась лучше связь и управление стало тверже, движение на выстрелы сохранилось, как принцип, но заняло свое истинное место; превосходство германских войск над только что сформированными, милиционными частями республиканских войск Гамбетты было настолько значительно, что к вопросу о поддержке завязавших бой германских войск можно было относиться хладнокровно, взвешивая каждый раз, не большая ли помощь будет оказана соседу простым исполнением полученной задачи, которое иногда ведет к глубокому обходу неприятеля, тогда как, двигаясь на выстрелы, есть риск выйти, вместо неприятельского фланга, на его фронт.

В другом свете вопрос о движении на выстрелы встает перед нами в обстановке турецкой армии, в войне с Грецией, в 1897 году, в Фессалии. Отдельные турецкие колонны выражали очень мало склонности к поддержанию связи, к поддержке вступившего в бой соседа. Ученик берлинской военной академии, работавший как начальник штаба турецкой армии, отдает перед сражением под Фарсалой следующий приказ по армии: „*все дивизии обязаны поддерживать между собой связь. Если неприятель атакует одну дивизию, соседние дивизии обязаны немедленно ее поддержать или атакуя неприятеля со своей стороны во фланг, или же непосредственно подтягиваясь и усиливая атакованную дивизию. Начальники, которые не выполняют этого требования, будут привлечены к строгой ответственности*“.

Недостаточная подготовка начальников и невысокий дух турецкой армии вели ее к пассивному выполнению полученных сверху приказаний, не считаясь с нуждой соседа в поддержке; пушечный гром не являлся для турецкой армии сигналом к сбору всех сил. Вероятно, находились даже такие начальники, которые, оставаясь в стороне, радовались своему счастью и надеялись, что быть-может, кризис разрешится без их непосредственного участья, и их минует чаша боевых испытаний... По крайней мере, приведенный выше приказ по армии, с угрозами строгой кары, надо рассматривать, как удар шпоры тупому и равнодушному аппарату управления старой турецкой армии.

В русско-японскую войну 1904-5 годов мы не встречаем движения на выстрелы в широкой постановке 1870 года. Широкие фронты боя позволяли на марше вести войска на том же участке, который предназначался для их развертывания в бою. Войска перестали „врозь идти, вместе драться"—и делали то и другое на равных интервалах. Мало подвижный характер войны, слабо выраженное тяготение к маневру, широкие технические средства связи позволяли централизовать управление в гораздо большей степени, чем это было возможно раньше. Но в мелких боях начало движения на выстрелы получило полное подтверждение. Когда полковник Лечицкий 21 июня 1904 года с двумя батальонами атаковал охранение японцев к востоку от реки Ланхэ и выбил одну заставу, все части японского сторожевого охранения оставили свои места, но не затем, чтобы уйти в тыл: соседние заставы немедленно по горам перешли в наступление против флангов колонны полковника Лечицкого, более отдаленные выслали для той же цели сильные офицерские дозоры; когда потесненный с фронта полковник Лечицкий был вынужден отходить по долине, его с гор, слева и справа, начали расстреливать прибывшие на выстрелы хотя и незначительные японские части, и операция против сторожевого охранения японцев обошлась нам в 400 человек убитыми и ранеными.

С нашей стороны примером движения на выстрелы явился маневр Зарайскаго полка 13 августа 1904 года. Этот полк указано было подтянуть с тыловых инженерных работ через село Вейдягау в селение Кофенцы в резерв правого фланга III Сибирского корпуса, который третий день вел бой. Проходя в нескольких верстах позади оконечности нашего леваго фланга, командир Зарайскаго полка, полковник Мартынов, услышал шум боя и узнал от казаков, что японцы охватили наш правый фланг. Несмотря на удлинение правого фланга частями, выс-

ланными из резерва III Сиб. корпуса, положение его было трудное. Оценив обстановку, полковник Мартынов решил, вместо движения в указанное ему место, в резерв на Чандяопу-Кофынцы, свернуть на Павшогоу, выйти уступом вне нашего фланга и ударить в подставленный ему фланг японцев. Несмотря на некоторые упущения в осуществлении этого решения (перерыв атаки во время налетевшей грозы, остановка после первоначальных успехов вследствии преувеличенных сведений об японской коннице, охранявшей фланг), удар этот, направленный в опаснейшем для неприятеля направлении, заставил отскочить

Схема № 2. Отражение охвата в бою под Ландясанем.

весь левый участок японской гвардии, поверг штаб армии Куроки в большое беспокойство, и вынудил японское управление, чтобы предотвратить общий переход русских в наступление на этом участке поля сражения, пожертвовать несколькими гвардейскими батальонами для безнадежной фронтальной атаки правого крыла III Сибирскаго корпуса.

В минувшей великой европейской войне 1914-1918 г.г. вопрос о движении на выстрелы получил вновь более широкую постановку. Ширина фронтов увеличилась до еще больших размеров. Армии в 3-4 корпуса, даже в первоначальный маневренный период, развертываются на фронте в 70 верст—в 10 раз более широком, чем занимавшийся такими же силами в 1870 году. Не только не возникает вопроса о движении двух

корпусов по одной дороге, но является возможность каждой дивизии предоставить отдельную дорогу. Войска в бою сохраняют возможность быстро свернуться в походную колонну и исчезнуть. Способность к маневрированию отнимается у армий только при глубоком охвате их неприятельскими частями, как это было с армией Ренненкампфа в конце августа 1914 г., когда все отходившие части и обозы были перемешаны на одной дороге близь Вержболово, вследствии хозяйничания германской конницы на более южных путях. Двойные охваты привели к катастрофе большую часть армии Самсонова (2-й) 16-17 августа 1914 г. и армии Сиверса (10-й) в феврале 1915 г. Вообще же, отступательные маневры, в силу большого числа путей, отходящих от современного поля сражения, удавались значительно легче, чем в минувшую эпоху, и простое преследование не давало ожидаемых результатов.

Было бы ошибочно думать, основываясь на том положении, что нам является возможность вести войска на марше на фронте, не превосходящем фронта ожидаемого сражения, что теперь концентрические, облические движения на выстрелы потеряли свое значение. Важность выиграть неприятельский фланг и не подставить неприятелю свой фланг заставляет и теперь перед боем занимать возможно более широкое расположение, более широкое, чем расположение неприятеля, чтобы на поле сражения, простым концентрическим движением всех колонн, добиться если не окружения, то охвата неприятеля. Природа встречного боя заключается в быстром введении в бой превосходных сил, что достигается: 1) умелым, фейерверочным развертыванием из глубины сил каждой колонны и 2) концентрическим движением всех колонн к завязавшемуся очагу сражения. И там, где обе стороны не отказываются от выгод активности, где обе стороны еще не хотят платить за технические выгоды сидения в окопах отказом от свободы маневрирования, там встречные бои являются нормальным явлением, и сторона, умеющая наиболее разумно организовать сосредоточение своих сил на выстрелы, окажется располагающей огромным плюсом.

Примером движения на выстрелы, во время вторжения армии Самсонова в Восточную Пруссию, являются действия XIII корпуса. Сосед слева, XV корпус, 10/23 августа натыкается на сильно укрепленную позицию Орлау-Франкенау, занятую арьергардом XX германского корпуса, и задерживается перед ней до глубокой ночи. Командир XIII корпуса, генерал Клюев, осведомленный шумом сильнаго боя, подтянув к ночи с 10/23 на 11/24 августа 1. дивизию к Омулефофен, в 10

верстах к востоку от Орлау, двигает ее с рассветом 11/24 августа, в 5 часов, к флангу занимающих позицию Орлау-Франкенау частей XX германского корпуса и вынуждает их к поспешному отступлению. Так как простое фронтальное движение 1-й дивизии на Куркен выводило ее в тыл немцев, дравшихся у Орлау, то, в данном случае, выгоднее было бы, возможно, несворачивать на выстрелы, а ускорить движение на Куркен. Через 2 дня

Схема № 3. 11/24—13/26 августа 1914 г.

положение повторяется: у Гогенштейна XV корпус 13/26 августа опять встречает ожесточенное сопротивление неприятеля, а XIII корпус, не имея перед собой неприятеля, оказывается одной дивизией в 9 верстах вне неприятельскаго фланга, другой в 18 верстах, у Стабиготена и Келарена. Энергичное движение всего XIII корпуса 13 августа во фланг немцам у Гогенштейна могло бы создать для нас весьма благоприятные условия. В виду имевшихся, однако, категорических указаний командующего армией о захвате XIII корпусом железнодорожного узла Алленштейн, почти вовсе не занятаго

немцами, генерал Клюев отрядил для движения на выстрелы к XV корпусу только одну бригаду 1. дивизии, а сам с полутора дивизиями поворачивается спиной к полю сражения, движется на север и вступает во временное владение необороненным неприятелем Алленштейном; только утром 15 августа XIII корпус двинулся, по приказу командующего армией Самсонова, для развития небольших успехов, одержанных XV корпусом, на Гогенштейн. Но было уже поздно, за двое суток

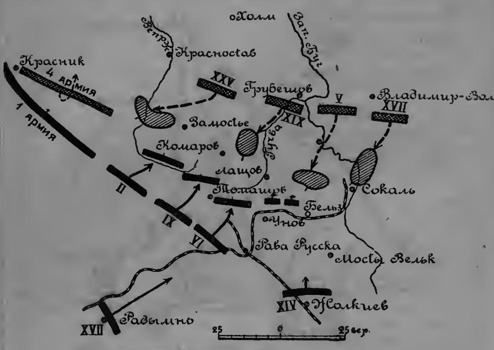

Схема № 4. Марш 12/25 августа 1914 г.

обстановка для нас изменилась так, что ни о каком успехе мечтать было нельзя; армия стояла уже перед катастрофой.

Более характерными для встречного боя являются наши действия в те же дни на Галицийском фронте, в течение Томашевской операции.

Фронт 4. и 5. русских армий к югу от Люблина и Холма 11/24-го августа был развернут по паралели, а противостоящие им 1. и 4. австрийские армии развернулись в направлении с северо-запада на юго-восток. Следствием такого косого положения фронтов явилась завязка боя на западе, с охватом правого фланга русской 4 армии у Красника, в то время как

на востоке противников еще разделяло расстояние в 75 верст. 5. армия получила 12/25 августа задачу помочь XXV корпусом 4. армии непосредственно, переправив его через Вепрж

Схема № 5. Утро 14/27 августа 1914 г.

к западу от Замостья, а, для более глубокого охвата наступающих на 4. армию австрийцев, остальные три корпуса на 13/26 августа получили задачу сосредоточиться в направлении Томашева.

Намерение австрийцев заключалось в том, чтобы наступлением 4. армии между Вепрежем и Гучвой развит успех их 1. армии. В виду угрозы с востока, 4. австрийская армия

Схема № 6. 15/28 августа 1914 г.

наступала уступами слева, резерв,—высадившийся с опозданием XVII корпус, направлялся за правый фланг, и вне его, за правым флангом, собирался уступ—XIV корпус (група эрц-герцога Іосифа - Фердинанда). Конница прикрывала открытый фланг австрийцев.

13/26 августа наш XIX корпус натыкается на правофланговый уступ австрийцев — VI корпус — и теснит его в центре. Но на следующее утро правофланговая дивизия VI корпуса

Схема № 7. 17/30 августа 1914 года.

(15. гонведная) глубоко охватывает наш XIX корпус с востока, а IX корпус, не имеющий перед собой противника, высылает одну дивизию на выстрелы для атаки XIX корпуса с запада.

XXV корпус одной дивизией успешно наступает на левом берегу Вепржа для оказания содействия нашей 4. армии,

находящейся в очень трудном положении, но заслон, оставленный им между Вепржем и Замостьем, в составе $1^1/_2$ дивизий, сбит соединенными усилиями II и подошедшей на выстрелы части IX корпуса. Это заставляет XXV корпус отойти на позицию впереди Красностава. XIX корпусу угрожает глубокий обход его правого фланга уже силами не только IX, но и II австрийских корпусов, почему, несмотря на успешные боевые действия, корпус оттягивается к Комарову.

15/28 августа V корпус, двигаясь на выстрелы, у Лащова выходит в тыл неприятельскому охвату, отрезывает и уничтожает 15. гонведную дивизию, и сильно теснит VI корпус справа. Особенно успешны действия левофланговой дивизии V корпуса (7. — нач. штабов. Довбор-Мусницкий), которая наступает на Томашев, выставляя боковые авангарды на север и на юг, дерется на 3 фронта, уничтожает штаб 15 гонв. дивизии и отбив ее попытку пробиться в южном направлении, захватывает 4.000 пленных. В тот же день начинают подходить на выстрелы к нашему левому флангу XVII корпус, к австрийцам— XVII и XIV корпуса. Головные дивизии нашего XVII корпуса, пристраивающиеся левее V корпуса, атакованы с фронта, а второочередная его дивизия атакована внезапно на марше с юга XIV корпусом. Она несет большие потери, в том числе и в артиллерии (40 орудий), при чем атакованные во фланг на марше от Западного Буга два полка, шедшие в хвосте дивизии отдельными эшелонами, лишены возможности продолжать движение на запад. Сильно потерпевший наш XVII корпус отходит к Лащеву, на правый берег Гучвы. Наш V корпус в центре продолжает добивать VI австрийский корпус, и из за отхода XVII корпуса, меняет фронт на юг, развертываясь южнее Комарова. XIX корпус, облегченный слева ударом резерва V корпуса по XI корпусу, вынужден загнуть правый фланг фронтом на запад и на север, и отбивает 17/30 августа, при подержке трех кавалерийских дивизий обход IX и II австрийских, корпусов. Для оказания ему содействия XXV корпус наступает от Красностава на Замостье, но части австрийской 1 армии (X корпуса) захватывают в это время в его тылу Красностав, что заставляет корпус вновь отойти. Командующий 5. армией, отчаявшись дождаться поддержки от соседа слева—3. армии, решает выпрямить фронт и приказывает войскам отходить сначала на фронт Красностав—Крылов, и затем далее на север, на более близкие к Холму позиции.

Несмотря на то, что австрийцы одержали несколько тактических успехов и выиграли, в конечном счете, некоторое

пространство, стратегический успех оказался на нашей стороне: наша 4. армия получила время оправиться, все австрийские резервы были привлечены и задержаны в районе между Вепржем и Бугом, и нашим армиям Рузского и Брусилова (3. и 8.) была открыта прямая дорога во Львов, в тыл неприятеля, что и давало решение великой Галицийской битве.

Рассматривая действия обеих сторон, столь характерные для современного встречного боя, мы видим непрерывный ряд обходных и фланговых движений, непрерывное стремление каждого корпуса помочь соседу, как с русской, так и с австрийской стороны. Особенно решительны и удачны действия нашего V корпуса, который ликвидирует 15/28 августа охват XIX корпуса с востока [1]), 16/29 августа разгружает фронт XIX корпуса, а 17/29 августа помогает ему 2 полками в отражении охвата.

Более трудное было положение XXV корпуса, отделенного значительными промежутками от полей сражения 4. и 5. армий, разыгравшихся правее и левее его, и имевшего перед собой значительные неприятельские силы. 14 августа, при попытке его к движению на запад, на помощ 4. армии, он атакован с юга, и вынужден к отходу. 17/30 августа, при начале его движения на юг, австрийцы ему выходят в тыл с запада. Однако, в общей работе наших войск усилия XXV корпуса не пропали даром, так как в решающие для 4. и 5. армий дни, наш XXV корпус связал действия X, II и отчасти IX австрийских корпусов; в случае пассивных действий XXV корпуса австрийцы, конечно, провели бы охваты левого фланга 4. армии и правого XIX корпуса с гораздо большой энергией.

Наконец действия нашего XVII корпуса показывают нам, с какими опасностями приходится считаться при движении на выстрелы. Вообще, когда две группы сцепились между собой, создается очень благоприятная обстановка для вступления в бой находящейся в стороне, не связанной неприятелем, войсковой части. Можно свободно выбрать больную, чувствительную для неприятеля, точку и ударить в нее, при чем связанный боем противник представляет благодарную и преимущественно неподвижную цель. Но движение на выстрелы явится, чаще всего, фланговым маршем в сфере воздействия неприятеля; необходима тщательная разведка не только к стороне движения, но к стороне, куда обращен наш открытый фланг и тыл. Надо считаться, что на выстрелы будем стремиться подходить не

[1]) История войны с германской стороны указывает на такой же пример 4 августа в бою под Сталупененом, в Восточной Пруссии. (См. статью „Значение фланга в бою III армейск. корпуса“).

только мы, но и неприятель, и такой удар, как XIV австрийского корпуса по нашему XVII, всегда возможен. Несомненно, вместо того, что бы наступать на узком фронте, одной кишкой, с эшелонированием в глубокой колонне однех частей за другими, XVII корпусу следовало организовать свой марш на более широком фронте, с высылкой сильных прикрывающих частей влево, на Бельз и Унов. При надлежащей разведке и охранении марша, конечно, был бы исключен вовсе случай, когда наши батареи, в походной колонне, были неожиданно обстреляны с нескольких сот шагов наступающими с юга австрийскими цепями.

Сравнивая движения на выстрелы в 1870 и 1914 годах, мы видим, что благодаря телефонам и гораздо более широкому использованию телеграфа и других средств связи, высшему командованию удается ныне централизовать в большой степени руководство завязкой боя. Но там, где нет почина частных начальников, где, как в 35. и 61. [1]) дивизиях, все ждут орьентировки и приказаний сверху, там войска не наносят удара неприятелю, а подставляют ему свои бока.

У австрийцев мы так же видим стремление к движению на выстрелы, так как в этом движении заключается природа встречного, маневренного боя. Однако, это движение не всегда ведется с должной энергией. 13 августа IX австрийский корпус не оказывает существенной помощи VI корпусу, бездействует, выжидая разъяснения обстановки, 14 августа он дробит свои силы между двумя целями—нашим XXV и XIX корпусами, не приступая еще к решительным действиям, и только 15 августа обращается всеми силами против нашего XIX корпуса, когда уже его сосед справа, VI австрийский корпус, теряет всякую наступательную силу. Более решительное введение в бой IX австрийского корпуса едвали позволило нашему XIX корпусу так счастливо выбраться из того трудного положения, в котором он оказался.

Дарвин нам дает такое определение дисциплины: „*превосходство дисциплинированных солдат над недисциплинированной толпой является, главным образом, следствием доверия каждаго к своим товарищам.*“ Никакое управление войсками в бою невозможно, если нет так понимаемой дисциплины в командном составе, если у каждаго командира, каждого начальника

[1]) Второочередная XVII корпуса.

колонны нет такого доверия к его товарищам, ведущим свои части по соседним дорогам. Если каждый командир будет помнить, что худшее для него преступление—обмануть доверие соседа, если каждый вопрос, выдвигаемый боем, будет рассматриваться не с точки зрения узких интересов своей колокольни, своей части, а с точки зрения интересов целого, если мысль, как лучше поддержать своих соседей, будет неотступно жить в головах и сердцах начальников, то вся боевая работа станет простой и ясной. Каждый раз, как до слуха начальника донесется шум боя, вопрос о движении на выстрелы, о движении на помощь к своим товарищам, должен быть поставлен в категорической форме. Оставаться бездеятельным в то время, когда вблизи решается участь похода—это преступление, более опасное для армии, чем даже измена. Никто не может сослаться на отсутствие приказаний, как на причину, почему он не двинулся на выручку своим. Только получение от высшего начальства особой задачи, привязывающей отряд к определенной дороге, или месту (например, охрана моста или железнодорожной станции), освобождает отряд от обязанности двинуться на поле сражения. Но и в последнем случае дело начальника оценить—не изменилась ли обстановка в такой степени, что выполнение поставленной задачи не является более для интересов армии необходимым, и нет ли возможности, хоть частью войск, принять участие в решении боя.

На доверии к товарищам строится все военное дело, и каждый полк, каждая колонна, вступающая в бой с неприятелем, должны иметь абсолютную уверенность в том, что их не предоставят собственным силам, что каждым выстрелом они не только разят врага, но и скликают подмогу. Один в поле—не воин.

Никто не имеет права быть командиром, если звуки боя не вызывают в нем стремления помочь своим, а наоборот, вызывают оцепенение, вызывают стремление под каким-нибудь кустом переждать со своей частью, пока минует боевая страда. В таком случае честному человеку надо вместо командирского поста занять подчиненное положение, чтобы под началом твердой воли суметь выполнить свой долг.

А. Свечин.

Дневник Штукатурова.

Существенный интерес дневника младшего унтер-офицера Штукатурова заключается не в запечатленных в дневнике фактах, а в том, как в дневнике обрисовывается личность и характер его автора. Штукатуров—лучший боец, которого выдвинул в великой войне русский народ: он добровольно и сознательно отдает свою жизнь за государственные идеалы—и горько усмехается, отмечая столкновения с будничной действительностью, с героями тыла и чернильными душами, которые неизбежны на его пути полного самоотвержения. Убитый 16 декабря 1915 г., Штукатуров-солдат старого порядка, безтрепетно исполняющий все получаемые приказания; но дневник его открывает нам душу этого старого, молчаливого и послушного строя русских людей. Как ошибались те начальники, которые считали его бездушным, нерассуждающим, как заблуждались наши западные союзники, рисовавшие себе русскую армию, как холодную машину, как огромный каток или паровой пресс, наваливающийся с востока на Германию. Оторванные укладом жизни от своих офицеров, головы русских солдат напряженно и самостоятельно работают. Острой и беспощадной критике подвергается каждое действие, каждое слово его вождей. В холодные осенние ночи, мучаясь от полученного на войне ревматизма, просыпается Штукатуров, кипятит котелок и заносит в свой дневник наблюдения, впечатления, критические замечания—иногда несправедливые, раздраженные, но всегда свидетельствующие об очень широком его интересе к жизни и к событиям войны, об очень высоком и благородном полете его мысли.

Ход русской жизни за 60 лет, истекших со времен осады Севастополя, сильно изменил тип русского солдата. Прежде всего нас поражает его необыкновенно богатое внутреннее развитие. Штукатуров—родом из окрестностей Гжатска, где у

него сохранилось крестьянское хозяйство, которое он содержал и развивал на заработок от „каторжного“ труда на Путиловском заводе. Жизнь крестьянина-рабочего, постоянные смены городских и сельских впечатлений, частые путешествия на отхожие промыслы,—все это создает у русского человека новую психологию, дает ему богатые впечатления, будит в нем духовную жизнь и создает пропасть между ним и западно-европейским крестьянином, приросшим, как кораловый полип, к своему клочку земли. Штукатуров прежде всего—горд, горд и своим подвигом, и обширностью своего государства, и своим Путиловским заводом; весточка о том, что завод за время войны вырос и производительность его удесятерилась, дала Штукатурову на походе несколько счастливых часов. Штукатурова, как образцового солдата, никто не обижал—но при нем били другого солдата, и Штукатуров горько обижен за другого человека, за равноправного ему товарища по строю.

При отступлении от Карпат весной 1915 года, Штукатуров был ранен и подлечившись, отправился на излечение домой. В родном селе осталась, вероятно, первая половина его дневника, описывающая прибытие по мобилизации в Фридрихсгам, зачисление в 6. финлянск. стрелк. полк, бои в Августовских лесах, Восточной Пруссии и Карпатах [1]). Печатаемый дневник охватывает вторичное возвращение Штукатурова в полк, тяжелый отход от Вилькомира и Вильны к Молодечно, передышку в Херсоне и выступление для зимней атаки австрийского фронта на Стрыпе. На убитом в первой день атаки Штукатурове был найден дневник и открытка к жене, с лаконическим текстом: „я убит сего числа“.—Дневник печатается с текста, списанного с оригинала начальн. конно-развед. команды. 6. финл. стр. полка А. П. Красовским, и снабжен примечаниями бывшего командира полка, который, несмотря на все постигшие нас незадачи, горд сознанием, что ему пришлось командовать такими солдатами, как Штукатуров.

А. Свечин.

---

27 июня. [2]) Утром в день моего от'езда из родного села зашла ко мне сестра Аннушка в гости. После завтрака стал прощаться с нею. Сестрица горько плакала, а я, как мог, старался успо-

[1]) Лица, имеющие сведения о семье Штукатурова, благоволят сообщить их Председ. коммисии по исследованию опыта всем. войны (Москва, Пречистенка, 14) для передач. следуемого за дневник гонорара и для вступления в переговоры о преобретении первой половины дневника.

[2]) 1915 года (прим. ред.).

коить ее. Потом поехали в поле убирать сено. Весь день на душе чувствовалось какое-то волнение. Хотелось все осмотреть, может-быть, в последний раз. Я старался все запомнить, чтобы унести в своей душе родные поля и дом туда, куда закинет меня война. Деревья в огороде, посаженные мною еще в юности, выросли и покрылись плодами, постройки, на которые потрачено столько денег, добытых тяжелым, каторжным трудом, скот, и главное дети—эти неунывающие, наивные созданья—все это хотелось смотреть и целовать без конца.

Вечером пришла свояченица Матреша и стала звать к себе в гости. Время было уже позднее, а мне завтра нужно было рано вставать, и потому мне не хотелось идти, но жена стала настаивать, и я пошел. Было совсем темно. Когда немного закусили у Матреши, я простился. Начались по обыкновению слезы и сетования, но я крепился и удержался от слез. На завтра решили ехать рано, когда погонят скотину в поле. Ночью жена плакала, но я, как мог, старался утешить ее, пускаясь в некоторого рода философию. Проснулся в два часа ночи и стал собираться. Грустно делалось на душе при мысли, что все эти дорогие лица, быть-может, вижу в последний раз. Поставили самовар, приготовили яичницу со свининой, но есть ничего не хотелось. Разбудили дочурок. Я попросил мать благословить меня. Пошли слезы и причитания как жены, так и матери.

Сам по себе я не стал бы плакать, но не могу смотреть на слезы других, в особенности дорогих, близких сердцу людей. Тщетно хотел я удержаться от слез, нервы не выдержали и я заплакал... Мать, плача, благословила меня иконой св. Николая Чудотворца, с которой я не расставался на войне. Я, в свою очередь, благословил своих деток иконой Пресвятой Богородицы. Жена так расплакалась, что не знал, что делать, чтобы она успокоилась.

Дети подняли громкий плач.

Провожать меня вышли соседи и родные. Общими усилиями удалось уговорить жену и она немного успокоилась. Я поторопился уйти из избы к сараю, где ожидала нас запряженная лошадь. Здесь, еще раз простившись со своей дорогой старушкой-мамашей и милыми детками: Катей, Верой и маленьким глупым Павлушей, я сел на телегу, и мы с женой тронулись в путь. В'ехав на гору, я несколько раз оборачивался и смотрел на деревья и свой дом, и стоявших еще на месте милых сердцу людей.

Погода хмурилась и накрапывал дождь. Я накрылся взятой на всякий случай своей никуда негодной шинелью.

Когда строения деревни стали исчезать за горой и мы миновали свое поле, то я еще раз посмотрел на все это. Ехать было хорошо: не было пыли и грязи, дождь перестал накрапывать. В Самуйлове я решил сходить на могилку отца и с прахом его проститься. Жена тихо поехала по дороге, я пошел на кладбище, где, преклонив колена, помолился за упокой его души, а также попросил его благословения на мой дальнейший опасный путь.

Выехав за деревню Бурино, я хотел накрыться шинелью, но оказалось, что шинель мы утеряли. Приехали в город к 10 час. утра. Одна соседка поручила мне отправить посылку ее мужу в Германию, где он был в плену. Я остановил лошадь у здания почты и пошел туда, думая что, народу там немного, то там оказалось очень много публики. Соседка уверяла, что в почте адрес напишут без затруднений и просьб, но оказалось, что никто даже за деньги не написал адреса. Что тут делать. Одна женщина сказала, что против собора в белом доме живет некая госпожа, которая пишет адреса. Действительно, там меня встретила пожилая дама, которая очень предупредительно написала мне бланк и на посылке. Я видел, что за труды ей посетители платили и потому хотел дать и сам 20 коп., но она категорически отказалась, заявив, что с военных она денег не берет. Мне оставалось только поблагодарить ее, что я и сделал.

Пришел на почту, где ждал очереди часа два, потом мы поехали к вокзалу, где я спросил, во сколько часов идет поезд в Москву. Попили в буфете чай. Поезд сильно опоздал и когда подошел, оказалось, что на него не выдают билетов. Коменданта в Гжатске не оказалось и мне приходилось опять ехать на заячьих правах. Раздумывать было некогда, и я без билета сел в вагон, простившись с женой. Я думал, что на ближайшей станции меня потянут к жандарму, но оказалось, что добрая кондукторская бригада не сказала ни единого укоризненного слова. И так я добрался до Москвы. Трамваем доехал до Казанского вокзала, где узнал, что поезд идет часов в 12 ночи. Я стал ожидать, при чем попил чаю, который отпускался от Красного Креста бесплатно. Чтобы не покупать билет на платформу, хотел купить в кассе билет на ближайшую станцию, но оказалось, что на близкое расстояние билетов не дают. Чтобы воспользоваться своим бланком, я должен был итти к коменданту, но в комендатском управлении занятий уже не было. Контролер посоветовал пойти к писарю комендантского упра-

вления. Времени оставалось только час, и я поспешил в комендантское управление, думая, что писаря что-нибудь посоветуют. Однако, когда я об'яснил писарю в чем дело, то он на меня посмотрел с таким пренебрежением и величием, как будто я не смел побеспокоить такую важную особу. В душе у меня зашевелилось негодование не потому только, что сей господин не оказал мне содействия, которого может быть и не имел возможности оказать, сколько за его пренебрежительное ко мне отношение.

В самом деле, я и мне подобные прошли столь страдальческий путь десяти-месячной военной жизни, и, идущие снова на этот мученический подвиг, принуждены испытывать пренебрежительное отношение от господ, подобных сему сытому писарю, который ничем более не рискует, кроме чернильного пятна на выхоленном пальце, между тем как многие из нас уже по 2-3 раза были ранены.

Озлобленный, я пошел на вокзал и решил ночевать здесь, а завтра пойти к коменданту или же взять билет до Рязани. Долго я не мог уснуть, мысли более печальные, чем радостные, теснились в голове. Жесткое ложе мое—скамейка, однако, не могло служить главной причиной бессонницы, болела голова, но к двум часам ночи я уснул.

30 июня. Проснулся часов около шести. Немного поел. Купил газету „Русское Слово", в которой прочитал негодующую статью Немировича-Данченко под заглавием „Дыхание Антихриста" по поводу применения удушливых газов нашим противником-немцем. В девять часов пошел к коменданту, чтобы добиться своей отправки. Там ничего не добился и решил взять билет на ближайшую станцию, чтобы сесть в поезд, а потом со мной пусть делают, что хотят. Мне уже теперь никакие скорпионы не страшны. И на самом деле, что меня могло страшить: карцер, голые нары, но я спал на камнях даже зимой, я по два-три дня не ел во время моего пребывания на позициях до ранения и эвакуации, даже смерть не казалась такой страшной, так как в течение 10 месяцев она ежеминутно смотрела мне в глаза, да и опять скоро придется видеться с нею. Не найдя нигде на вокзале расписания станций, я почему то решил, что ближайшей станцией будет Коломна, которая, по моему мнению, отстояла от Москвы верст на шестьдесят с небольшим, а потому я думал, что билет до нее стоит не больше рубля. Однако, на мой вопрос кассир сказал, что он стоит 2 руб. 3 к. Я удивился и опечалился, что так дорого, но би-

лет все-таки взял. Потом мое удивление раз'яснилось; Коломна от Москвы отстоит не 60 верст, а более ста. Следовательно здесь, как и всегда, меня подвела моя коммерческая неспособность и нежелание надоедать людям распросами.

Далее во всю дорогу со мной не случилось никаких трений. Даже все сложилось так хорошо, как не мог ожидать. Я сел в вагон, который без пересадки довез меня до Грязей. На этом перегоне ко мне придрался кондуктор, но мне до Грязи оставалось немного, и я сказал, что обменю билет. В Грязях обменил билет и продолжал путь уже полноправным пассажиром. Всю ночь спокойно спал на второй лавочке.

1 июля. Весь день прошел в дороге. Пришлось немного поспорить с ехавшим в одном со мной вагоне свехсрочным флотским кондуктором, который начал напевать: «за что мы воюем, что защищаем; другие блаженствуют, а нас калечат.“ Я не смог стерпеть подобных разглагольствований и вступил с ним в спор. Он спросил: „что ты защищаешь?“ Я ответил, что защищаю своих ближних, дома, поля и спокойствие жены и детей. Он ответил вопросом: „велико ли твое поле, хорош ли твой дом.“ Я сказал, что хотя и мало мое поле, и не важен дом, но оно мое, что та же участь и наших врагов, однако, они же сражаются, и что это является всеобщим мировым недостатком человечества, который может быть устранен проведением христианских идеалов в жизнь каждого из нас.

Наконец, это дело внутреннее наше, и мы можем спорить между собой только при условии мира извне, но не тогда, когда внешний враг хочет нам продиктовать свою волю. Мой собеседник стушевался тем более, что мою сторону принял сидевший тут же крестьянин, да и, как мне показалось, мой оппонент не очень был начитан.

2 июля. В 4 часа утра прибыл в Новочеркаск и пошел в команду. Там мне сказали, что с вчерашнего дня прекращен отпуск нижних чинов. В 9 часов пошел в канцелярию воинского начальника, где сдал билет писарю. Я думал, что придется являться воинскому начальнику, но дело кончилось писарем. Написал письмо жене. Купил фунт вишень за 3 коп. На дворе нас заперли и не выпускали, потому что комиссия осматривала больных. Я признаюсь, раскаивался, что рано пришел в команду. Сегодня меня не осматривали.

Вечером пошел в кафедральный собор, посмотрел памятник Ермаку Тимофеевичу и Бакланову.

Хотел осмотреть собор внутри, но мне сказали, что он закрыт. На другой день была снова медицинская комиссия и потому ворота были заперты. На комиссии присутствовал воинский начальник, который об'яснил, что с 1 июля отпуски нижних чинов прекратились по приказанию верховного главнокомандующего, и что причиной тому послужило то обстоятельство, что нижние чины отпускаемые в 10-дневный отпуск в срок не являются, и таких очень много. Кроме того, он посоветовал самовольно не отлучаться, так как теперь судят за самовольную отлучку очень строго.

Комиссия осматривала спешно, и когда я заявил, что здоров, меня оставили в покое. После осмотра, пошли получать одежду: шинель, сапоги, пару белья, полотенце и насовой платок, который я, к сожалению, тут же потерял. Нужно было итти на обед, но я не захотел: взял только порцию мяса и с'ел 3 яйца. Затем попросил человека, греющего кипяток для команды сварить яйца, что он без возражения сделал. Я ему дал два яйца.

После этого сходил на речку Оксай покупаться. Здесь я испытал себя, насколько могу плавать и что было причиной того, что я едва не утонул 17. мая[1]).

Оказалось, что я переплыл речку три раза. Значит, причиной тогда была амуниция и одежда, а в особенности сапоги.

Хотелось все-таки побывать внутри кафедрального собора, но опять неудача: собор заперт. Часов в 9 вечера нам приказали забирать вещи и выходить. На дворе долго пришлось стоять, пока происходила разная проверка и построения. Ну, подумал я, началась тяжелая жизнь.

Нас повели во двор управления воинского начальника, где пришлось ожидать часа два. Казаки стояли на проверке, потом пропели молитву. Нам дали по пачке папирос. Некоторые откуда-то достали „зеленого змия“ и изрядно хватили его. На вокзале нам ожидать пришлось не долго: вскоре подошел поезд и нас усадили по 25 человек в товарный вагон. Здесь многие начали продавать белье, хотел продать и я, потому что белье мне было лишним, но давали за пару белья и полотенце только 70 коп., и я не отдал. Вскоре поезд тронулся, я улегся спать и уснул сном праведника.

4 июля. Проснулся на станции Зверево, Екатерин. жел. д., где нам была пересадка, и потому меня разбудили. Здесь нам об'явили, что придется ожидать до 3 часов дня. Мы распо-

---

[1]) В бою в Восточной Галиции (прим. ред.).

ложились около вокзала и от нечего делать бродили по платформе. Я выпил стакан молока за 2 коп., а затем улегся в садике на травке и уснул. Когда проснулся и пошел на платформу, увидел, что есть покупатели белья; продал и я свое за 1 рубль, хотя мог бы взять дороже. Подошел гармонист-слепец и, подпевая, сыграл несколько песен; я ему дал 2 коп., потом пошел в чайную. В 4 часа был подан поезд и нас рассадили по вагонам. Среди нас оказался один больной грузин, который еще у воинского начальника заявил, что у него болит желудок, но там его не осмотрели, а сказали только, что желудок болит потому, что он наелся вишень с косточками. Теперь этот бедный грузин страшно стонал, но в Звереве не было больницы и его уже дальше на станции высадили.

5 июля. Проснулся на станции Дебальцево, где нам сделали пересадку; в вагонах было тесно и душно, пришлось лечь на полу. На одной из следующих станций, где поезд должен был стоять до 12 часов дня, я пошел на рынок купить булку и три свежих огурца. Там было все очень дорого. Я поел, а затем пошел в церковь. Она была домовая при станции и, повидимому, бедная. Священник служил один без дьякона. Он заикался, но хор пел хорошо, хотя по числу певших было немного. Я с благоговением отстоял всю литургию и молебен.

В час дня мы тронулись со ст. Никитинка. День был очень жаркий, а потому я снял сапоги и гимнастерку. На ближайшей станции купил газету: „Южный Край“, из которой узнал, что немцы на Варшавском фронте перешли в наступление и продвинулись в районе Нарева. Это как-то встревожило мою душу. Ночью часто приходилось просыпаться от качки и толчков. Или вагон расшатался, или дорога неровная, но качало ужасно. Около 12 часов дня приехали на станцию Полтава. Народу было очень много, купить ничего не удалось, тесно было вокруг лавок с с‘естным. Затем наши вагоны отодвинули очень далеко от станции. Я отошел и купил 1 фунт ситного хлеба и 6 огурцов. Часа в два тронулись дальше.

Город Полтаву осмотреть не удалось. По сторонам дороги расстилались необозримые поля, засеянные различными хлебами, которые повсюду убирали. Много виднелось косилок и жней. Деревни, сравнительно с внутренними губерниями, встречались значительно реже. Когда стало темнеть, я улегся спать. Сильно трясло, часто просыпался. Сегодня выпросил газету у одного господина. В газете ничего особенного не было.

7 июля. Когда проснулся, солнце было уже высоко. На первой станции умылся, взял булку и поел. Часа в два дня приехали на станцию Киев. В это время разразилась сильная гроза и ливень. Со станции нас повели в штаб Киевского Военного Округа, откуда направили к этапному коменданту. Шли толпой без всякого порядка, да и трудно было бы установить порядок, так как люди были различных частей и многие не совсем вылечившиеся. Таким образом, часа три мы ходили по улицам, но пришли опять к станции, откуда вышли: там помещалось управление коменданта. Около здания коменданта на панели лежало много народу. Мы вошли во двор. Двор тоже был полон солдат, которые, несмотря на грязь, лежали или сидели. Я сел на сложенных кирпичах. Старшие команд со списками куда-то пропали и продолжали там что-то ждать. Надвигалась гроза, и многие не выдержав, начали вслух сыпать проклятия и распорядителям, и войне, и всем, и вся.

На самом деле темнело, а мы находились под открытым небом, а под ногами лужи и грязь. Со стороны начальства как—будто никакого сострадания. Люди, все так уже много страдавшие и опять же идущие на страдание, принуждены стоять на дожде и в грязи только потому, что кто-то не хочет отдать приказания. Когда уже стемнело, нас какой-то подпрапорщик местной команды выстроил по-два и стал пропускать в ворота.

Наконец-то, подумал я, мы отдохнем, но надежды оправдались только отчасти. Подпрапорщик, отсчитав известное число людей, затворил дверь, и сказав, что места больше нет, ушел. В числе непопавших был и я. Мы с одним товарищем начали обдумывать, что предпринять. На дворе ложиться было негде, потому что на мало-мальски сухом месте уже спали, а сидя спать не хотелось.

Я предложил товарищу идти в казарму и там, в коридоре, у порога на полу, где-нибудь лечь спат. Товарищ согласился и мы пошли, но у здания казармы нам встретился солдат и сказал, что на чердаке много места: мы пошли туда. Действительно, места свободного было много, и мы улеглись.

8 июля. Проснулся около 6 часов, умылся, а затем сходил в лавочку, купил огурцов и поел. Часов в 10 нас потребовали записывать вещи, кому что нужно.

Я записал котелок, баклагу и мешок.

Хотелось сходить в церковь к обедни, но боязнь, что могут сегодня потребовать на отправку, удержала меня. Часов в 12 разразился ливень с градом. Вечером поехал в Печерскую

лавру. Около 6 часов пришел туда, в одном из храмов шла вечерня. Помолившись, зашел в другой, там служили молебен.

Мне хотелось побывать в пещерах, но я пришел поздно, и еще кроме меня никого не было, а одного монах не хотел вести; я немного подождал, не подойдет ли еще кто, но к моему горю никого не было, и я с грустью должен был уйти из лавры, так как начало уже темнеть. В казарму прибыл около 9 часов вечера. Вскоре лег и уснул.

Утром разбудили часов в шесть. Умылся, сходил в лавочку, закусил и попил чайку. Взял газету, но в ней почему-то не было сообщения от Штаба Главнокомандующего. Что сие значит: большую ли неудачу наших войск или еще что-либо. Отослал письмо брату Ивану. В 11 часов нас позвали получать вещи. После обычных многократных перекличек, нас повели в цейхауз, но обмундитровали нас плохо. Рваные австрийские сумочки, в которые ничего нельзя было положить, австрийские же чашки—котелки, которые совершенно русскому солдату непригодны, потому что они нам более нужны, чтобы вскипятить чай, а не для варки обеда, стеклянные баклажки. Многие здесь же вслух заявляли, что сумки и котелки они дорогой побросают за непригодностью. Особенно было обидно, что солдаты местных тыловых команд были снабжены лучше, чем мы, идущие на позицию. Кроме того, много молодых солдат несут службу вроде сопровождения арестованных, каковую без ущерба дела могли бы нести старики и раненые, от которых на позиции будет очень мало пользы, если не вред.

Сегодня нам можно было идти на обед, но выстраивали и перестраивали так долго, что многие предпочли не ходить на обед. От коменданта повели на пересыльный двор; там четыре раза перекликали и разбили нашу команду, идущую в Тарнополь, на 4 взвода.

Начальником команды был назначен прапорщик.

Мы вышли на улицу и пошли по направлению к станции, но по дороге остановились. Пришел комендант и стал осматривать тех, которые заявили, что у них недостает некоторых вещей. Комендант в чине штабс-капитана, рассердившись, стал ругать всех нас, ни к кому в частности не обращаясь. Зачем он на прощанье поселял злобу в сердцах солдат. Если бы видел это немецкий кайзер, он, вероятно, был бы ему премного благодарен... Все были обижены, слышались негодующие возгласы: „Вот как нас понимают, хуже собак нас считают, зачем нас калечат, и т. п.“ Я попытался было ослабить впечатление, произведенное комендантом, но ничего не вышло. Меня забросали

доводами, что вся цель войны—истребление нас и т. п. Конечно, большим помощником такого глупого понимания в цели нашей великой отечественной войны является наше невежество.

Правда, много есть и между нами негодяев, которые, получив в одном месте сапоги и прочее, на дороге продают, а у попутного коменданта или воинского начальника получают вповь и так несколько раз, оправдываясь тем, что-мол сотни тысячь рублей воруют, а мы какие-нибудь рубли. Этому способствуют наша российская халатность и неразбирпха: в одном месте дают одно, в другом другое, а в третьем опять то же. Ну, разумеется, господа с нечистой совестью и пользуются этим, нанося огромный вред казне и мало пользы себе, а ведь каждая выдача записывается в ста местах, только, очевидно, никто эти записи не читает.

Вечером нас отвели на вокзал и посадили по-взводно в вагоны. Здесь нам подпрапорщик выдал порционные деньги за два дня. Начинало темнеть, я лег и уснул. Около полуночи поезд тронулся в путь.

10 июля. Проснулся на станции Фастов. Умылся, поел. Починил гимнастерку. На станции Казатин выпросил у одной дамы газету, „Киевская Мысль“. Из газеты понял, что немцы наступают. Часов около шести прибыл на ст. Жмеринка. Вечером заснул. Проснулся на станции Проскуров, затем приехали в Волочиск, где нас высадили и завели в сад. Здесь нам от Красного Креста принесли обед и по три куска сахару, а потом дали белых сухарей. На обед было что-то среднее между кашей и борщом, много крупы, немного недоваренной. Часа в три мы пошли пешком на станцию Подволочиск.

Как раз в это время на границе мы увидели, как гнали толпу пленных австрийцев. В управлении этапного коменданта выдали платный обед. Он стоил 41 коп., солдаты были недовольны, что так дорого, и хотели лучше получить деньги, так как были сыты, но прапорщик заявил, что он все равно деньги за обед заплатит, будем ли мы ест или нет. Пришлось примириться и есть обед. Выдали по 7 кусков сахара. Затем нас отвели на площадку в лесок, где мы и расположились. Здесь было много пленных австрийцев, которые исполняли различные работы.

Попили чаю, темнело, я раскатал шинель, снял сапоги и положил их под голову; ноги завернул в шинель и уснул.

Ложась спать, мы не были уверены, что проспим всю ночь, так как думали, что до Тарнополя пойдем пешком ночью.

12 июля. Проснулся как раз в ту минуту, когда солнце выходило из горизонта и первые лучи упали на землю. Умылся, помолился Богу и поел. Вскоре подошли торговки с булками и молоком; я купил бутылку молока и 4 яйца. В 12 часов дня нам сказали, что в 2 часа поедем в Тарнополь, выдали порционные в размере 39 коп. В вагонах было страшно тесно и жарко, потому что в два вагона нас посадили 127 человек. Часов около 5 приехали в Тарнополь. Пришли к этапному коменданту и расположились в саду. С запада надвигалась туча и накрапывал дождь. Мы раскатали шинели.

Нас скоро двинули в город и как раз в это время разразился ливень. Вода бешенно помчалась по улицам, сапоги раскисли и сами мы превратились в мокрых куриц. Нас вывели за город и повели на гору влево. Итти было страшно неудобно: скользко и грязно. Наконец, пришли в лагерь.

Здесь нас выстроили и вскоре к нам вышел прапорщик и распорядился, куда нас отвести и где нам приказано было раскинуть палатки. Так как палаток у нас почти совсем не было, то стали ожидать, когда их принесут. А мелкий дождик между тем шел и шел. Так мы простояли до проверки. На проверке, которая была с музыкой, приказали скатать шинели.

С тех пор, как выступили из Фридрихсгама,[1] я не слышал проверки с музыкой. Многие солдаты говорили: „Вот бы в атаку с музыкой". „Нет, подумал я, отошли те времена, когда в атаку ходили, как на парад".

Тепер не только музыка, но даже звонкий стук котелков иногда вредит.

Возвратясь с проверки, мы еще несколько времени подождали палаток, потом разослали солому и улеглись в рядок. Я накрылся мокрой шинелью и ею же прикрыл свои вещи. Дул сильный ветер и шел дождь. Я начал было уже засыпать, когда принесли палатки и начали раздавать. Палаток оказалось мало и мы кое-как поставили 4 полотнища и забрались под них.

Концы были открыты и ветер свистел точно в трубе. Я уснул.

13 июля. Ночью несколько раз просыпался от холода, да кроме того сильно ломило ноги от ревматизма, заработанного прошлой зимой. Утром разбудили. Я умылся, потом закусил и попил чаю. Вскоре начали кричать, чтобы шли записывать, кому какие нужны вещи. Опять, значит, для любителей по-

[1] Мирная стоянка 6 Фин. полка. Поверки с музыкой (Заря с церемонией) были восстановлены в полку с марта 1916 года. Прим. ред.

нажиться на казенный счет предоставляется удобный случай продать казенные вещи. Отсутствие определенного порядка обмундирования действовало развращающе на солдат. После обеда приказали скатать шинели и выходит на ученье под командой прапорщика. Занимались походным движением и мерами охранения его. По возвращении с ученья попили чаю, затем нам приказано было забрать свои вещи и идти в ротную канцелярию. Там нас проверили и опросили, а затем повели на вокзал, где нашим полкам была посадка в вагоны [1]).

Когда пришли на вокзал, оказалось, что наш полк уже ушел, а другой полк нашей дивизии погрузился. Нас должны были сдать в штаб дивизии, но его не скоро удалось отыскать. Нам приказали садиться с тем полком, который грузился, но места не было, и нас не пускали. Так мы обошли весь эшелон, но места не нашли. Поезд начал трогаться, и мы, чтобы не остаться, вскочили на тормоз, оттуда перелезли на вышку и там кое-как примостились, рискуя ежеминутно слететь. Дул резкий ветер и накрапывал дождь,

14 июля. Утром приехали в Волочиск, где рассадили по вагонам. Вагоны были битком набиты, а потому нас недружелюбно приняли и, когда я захотел уснуть, места на нарах не оказалось. Кое-как сидя уснул. Был спертый воздух и пахло сыростью. В обед принесли котелок супу на двоих и поели. На ночь забрался под нары и уснул. Проснулся около станции Сарны, где купил булку за 10 коп. и закусил. Удалось купить „Новое Время", из каковой газеты видно, что немцы напирают в особенности на Наревском фронте. На ночь опять забрался под нары, но что-то долго не спалось.

16 июля. Проснулся, когда эшелон остановился на станции Лида. После 12 часов прибыли на станцию Вильно, где нам было приказано выгрузится, потом вывели и построили. Пошел дождь, мы тихо двинулись через город Вильно. Этот город произвел на меня хорошее впечатление, только немного грязноват...

После недолгих поисков мы, наконец, прибыли в свой полк. Встретил здесь нашего ротного писаря и каптенармуса.

Как я узнал, большая часть нашего батальона была разбита и взята в плен австрийцами [2]), и я был очень обрадован,

---

[1]) 2-я Финл. стрелк. дивизия, в момент прибытия Штукатурова, перебрасывалась из Галиции в район севернее Вильны. Прим. ред.

[2]) После боев под Болеховым и Журавно в мае 1915 года от 6 Финл. стр. полка осталось только 300 чел. (учен. команда и нестр.). Прим. ред.

что все же остался наш подпрапорщик и человека четыре унтер-офицеров, моих сослуживцев. Мы явились подпрапорщику, а затем ротному командиру. Ротный—очень молодой офицер в чине прапорщика. Мне сказали, чтобы я шел в 4. взвод, куда я и направился. Мне было грустно, что такое несчастье случилось с нашим полком. До сих пор в полку не было случая, чтобы сдавалась даже рота, а здесь взяли в плен несколько рот. Но что же делать—война, все может случиться. Вечером пил чай со взводным командиром, потом написал жене письмо.

17 июля. Ночь провел в палатке. Встав утром, попили чаю и приготовились итти на занятия. Там меня взводный назначил за отделенного, так что пришлось командовать, к чему я признаться не подготовлен, да и не чувствую призвания, но делать нечего, пришлось заниматься. После обеда нас повели в Вильно в баню. Баня оказалась очень хорошая. Хорошо помылся и выстирал белье.

Купил газету: „Речь", в которой высказывается мысль, что нашим войскам придется оставить Привислянские позиции и отойти на линию Брест-Литовска и Гродно.

Вечером был свидетелем возмутительной сцены. Когда встали после проверки на песни, подпрапорщик Н. позвал стрелка и начал жестоко бить. Бил так сильно, что слышно было на некоторое расстояние; сбивал с ног и добавлял ногами. Принимался бить несколько раз. По словам солдат, этот стрелок—человек очень неразвитой и непонятливый, так что даже в запасном батальоне с ним ничего не могли поделать.

18 июля. Ночью нам сказали, что сегодня нам будет делать смотр корпусный командир. Наше начальство занялось фуражками, блеском блях и стягиванием поясов. [1])

В 9 часов утра нас выстроили около нашего лагеря и около часа держали здесь, а затем повели через овраг, куда вскоре прибыл корпусной командир и, поздоровавшись, посмотрел винтовку у одного из унтер-офицеров, которая оказалась грязной. Затем нашей роте было приказано надеть полную боевую аммуницию.

Смотр прошел неудачно. Отчасти вышло замешательство в команде, а отчасти оттого, что солдаты очень неразвиты и слишком бояться отвечать на вопросы. Вечером сказали, что завтра выступаем. Сегодня была всенощная.

[1]) Обычная картина предсмотровой суеты (ред.)

19 июля. Встали в 5 часов утра и начали подготовляться к выступлению. В 7 часов двинулись в путь. Дорога была песчаная, тяжелая; у меня не было винтовки [1]) и бинтов (индивидуальный пакет). Останавливались только на обед в 12 час., вечером пришли в деревушку, где и разместились на дворе. Я улегся на сено и уснул очень хорошо.

Встали в 5 часов, попили чаю, затем выстроили слабых здоровьем и отобрали у них винтовки, а также и снаряжение и передали тем, кто не имел винтовок. Дали винтовку и мне.

Наш полк шел в авангарде. Очень устал и натер ноги, устал так, что едва двигался. Вечером пришли в деревушку, где расместились биваком на лужке. Вскипятили чай. Выставили охранение и указали, где в случае появления противника становиться на позицию. Меня назначили старшим в дозоре. Сидел, вспоминая свою деревню и дорогую семью, потому что сегодня в родном селе приходский праздник.

21 июля. Утром после чая, пошли дальше, но прошли не долго и остановились в одной деревушке. Дорога была нелегкая, изнемогли, когда со многими остановками дошли до Вилькомира. Роты растянулись. Сзади шли хромые, отставшие, длинной вереницей [2]). Встав, растянули палатки и вскипятили чай в котелках. Потом под'ехали кухни и выдали обед. Было приказано держаться на-стороже. Потом постепенно легли и заснули. Наступила ночь.

Утром приказано было готовиться к выступлению. Сняли палатки, и часа через два тронулись, но остановились около костела, в котором была служба. Потом пошли дальше. После обеда, взводный меня назначил дневальным. Вечером отвели ночевать в деревню, мне до 12 часов пришлось стоять дневальным и не спать. Сегодня купил меду.

24 июля. Разбудили рано по тревоге и повели расставлять караулы. Меня назначили за караульного начальника на пост № 15, но не сказали, где застава и куда идти в случае появления противника. Около 12 часов ночи сняли и повели в деревню, где выдали обед, а затем немного отдохнув, мы пошли в окопы, а нас втроем послали наблюдать за дорогой.

---

[1]) В это время во всех русских полках было большое число безоружных (ред.).

[2]) В три перехода пройдено 65 верст. Невтянутость пополнений из маршевых рот. (ред.).

С самого утра вправо от нас слышалась сильная артиллерийская пальба, трескотня пулеметов и ружей. Около 5 час. нас позвали обратно в роту и спешно повели снова к гор. Вилькомиру, здесь в садочке дали ужин, разрешили раскинуть палатки и раскатать шинели. Легли спать. Ноги распухли и болели.

25 июля. Тронулись, когда взошло солнце. Успел я умыться, попить кипятку. Влево все время гремели орудия, повидимому, наши. Разгоралась там ружейная перестрелка, начинался бой. В 12 час. выдали обед. Разнесся слух, что наши хорошо обстреляли немцев и несколько человек взяли в плен [1]. Ночью пошли в окопы верст восемь от городка. Окопы были вырыты, но нужно было разравнять насыпь и замаскировать окопы.

Всю ночь проработали в окопах, и несмотря на то, что все очень устали и хотелось страшно спать, нам приказали делать козырьки для охранения от артиллерийского обстрела. Меня с несколькими стрелками послали на наблюдательный пункт. По дороге нашли сердобольную старушку, которая дала нам два котелка молока и 5 яиц, но деньги взять отказалась. Мы молоко вскипятили и пили теплое. Обед нам не принесли, потому мы послали одного в ближайшую деревню за молоком и провизией. Он принес 20 шт. яиц, котелок молока и два хлеба. Старушка принесла нам вишень. Мы все это сварили и очень хорошо покушали. Поэтому сегодняшний день едва ли не самый лучший для меня за всю войну в смысле питания. Вечером меня поставили наблюдателем на ночь в окопы.

27 июля. Днем тоже был наблюдателем. Ротный командир сделал замечание, что нужно стоять не в окопе, а на бруствере [2], Сегодня разразилась гроза и страшный ливень; окопы наполнились водой, все стояли в воде. Ночью наше отделение было назначено дежурным.

На рассвете сдал дежурство. Утром отправили на правый фланг копать окопы. После обеда нашему взводу был дан отдых. Меня послали нести обед для караула; пришлось много походить, пока нашел это место. Придя оттуда, немного уснул. Около 10 часов вечера подпрапорщик послал меня осмо-

[1]) Весьма успешный бой I батал. 6 Финлянд. стр. полка. (ред.)

[2]) Кадровый солдат, с 10-месячным боевым опытом, Штукатуров вероятно имел более правильные взгляды на боевые требования, чем его ротн. командир, получивший в Польше высш. агр. образ.

Неспособность к строю этого ротного командира вынудила командира полка перевести его в обоз (ред.)

треть близь лежащие домики и всех мужчин привести к ротному. На дороге встретил ротного командира, который не велел водить к нему мужчин а, только приказать им всем завтра же убраться оттуда [1]). Была страшная темень и мы едва отыскали домики. В одном домике горел огонь и слышался около разговор на литовском языке. Мы тихонько подошли и увидали повозку и лошадь, только что выпряженную из нее, 2-х мужчин и одну женщину. Мы спросили, почему у них в хате огонь то появляется, то исчезает. Они ответили, что возили за реку рожь, и только что вернулись, а потому и зажгли огонь. Я передал им приказание ротного командира. Они сказали, что завтра все пойдут просить ротного командира оставить их здесь до окончания уборки хлеба. Я одобрил их намерение, а затем мы отправились обратно. Накрапывал дождь, когда я возвратился и доложил обо всем ротному командиру. Потом лег на ступеньку окопа и заснул. Дождь лил, как из ведра.

Проснулся от холода и сырости. Не было на мне ни одной сухой нитки. Попили чаю. Взводный назначил меня наблюдателем на весь день. Перед вечером приказали скатать шинели. Вскоре вдоль окопов проехал командующий полком. С вечера наше отделение дежурило.

30 июля. Разбудили в три часа ночи и приказали кипятить чай, затем мы выступили в поход. Прошли верст двенадцать и остановились на берегу озерца, где наше отделение встало около пулеметов. Нам дали пообедать, после обеда хорошо уснули. Потом согрели кипяток и пили чай. На ночь нам пришлось постоят по очереди часовыми.

Проснулся около 6 часов утра, сходил за водой и вскипятил ее. Написал письмо брату. Помыл платочки и написал письмо товарищу. Пролетел аэроплан, а потому батальонный командир приказал отойти под гору. Около 5 часов наша рота пришла в резерв. Раскинули палатку. Около 9 часов вечера я стоял часовым.

1 августа. В 1 час ночи нас разбудили и приказали строиться, затем мы вышли из деревни и пришли в лес, где нас положили. Лежать было холодно, я раскатал палатку, завернулся в нее и уснул.

---

[1]) Обычная борьба войск с гражданским населением, стремящимся оставаться до последней крайности в своих жилищах, хотя бы перед самым фронтом окопов (ред.).

Батальонный разрешил развести огоньки, нанесли соломы, стали греть воду, потом легли спать. Под'ехала кухня, нас разбудили. Перед обедом мне приснился страшный сон, я видел себя стариком и стегал ремнем дочурку, Верочку. До самого вечера нас переводили с места на место. Вечером завели в густой кустарник [1]). Наступила холодная ночь. Нам приказали надеть шинели в рукава и разрешили спать.

2 августа. Проснулись с восходом солнца и стали разводить огонь и кипятить чай. Говорили, что нашей роте дана важная задача, но до обеда просидели на месте и очень хорошо выспались. После обеда тоже никого не тревожили. Вечером начал накрапывать дождь, а потому мы с товарищем повесили на деревопалатку, а внизу постелили соломы и вместе уснули.

Ночью разбудили часа в три, чтобы получали обед. Так как мой товарищ все время ходил за обедом и по воду, то я пошел сам; в лесу была страшная тьма, так что приходилось ежеминутно натыкаться то на винтовки, то на деревья, то на кочки. Набрав ужин, который оказался обыкновенной кашицей, я пошел назад, но дорогу не нашел и совершенно заблудился, и хотел уже вылить пищу и ощупью пробираться, как вдруг совсем близко услышал голос товарища. Я подошел к нему, раздвинув сучья и с ним дошел до места.

Утром я снова ходил за водой. Видел на дороге вереницу повозок мирных жителей, которые спасались от нашествия немцев.

Около обеда нас подняли и вывели на дорогу, около которой полежали, а затем воротились обратно. Через полчаса наш взвод был назначен, как прикрытие артиллерии, и мы, осторожно пробираясь между кустами и оврагами, прибыли к месту расположения артиллерии. Сменив стоящий здесь взвод, мы начали греть чай. Потом углубили окопы и замаскировали их. Меня назначили с 8 до 11 вечера дневальным. Я взял у товарища часы, чтобы не простоять дольше. Начало дождить и меня порядком помочило. Желая во время разбудить смену, я всматривался в часы, но ничего не мог увидеть по причине темноты. Пришлось будить наугад. Потом я влез в окопчик, завернулся в палатку и лег спать, но вода проникла через палатку и залила шею, грудь и ноги. Перед вечером наша батарея немного постреляла, а затем стала стрелять и немец-

---

[1]) Рота находилась в резерве сторожевого охранения. (ред.)

кая, сначала по окопам, потом по батарее, но вреда, повидимому, никому не причинила.

4 августа. Проснулся, когда солнышко было уже высоко. Погода стала разгуливаться. Взводный приказал рыть землянку, а меня послал в фольварк посмотреть, нет ли леса для настила. Лес я нашел, взяли пилу и наготовили настил, но артиллерийский офицер не позволил носить днем, чтобы не обнаруживаться. Начали таскать бревна с наступлением темноты. Наслали, накидали земли, подкинули соломы и землянка готова.

Землянка вышла очень хорошо.

Взводный назначил, кому из нас жить в землянке. Попал в это число и я, хотя, признаться сказать, менее других потрудился над ее устройством и потому не был в претензии, если бы вместо меня поместили кого-либо другого. С вечера был дневальным по окопу, потом уснул.

5 августа. Проснулся поздно. Ночью видел во сне императора Вильгельма. Мне показалось, будто он пришел в нашу деревню и показывал нашим министрам порошок, которым отравился. Но министры сказали, что это не яд, а доброкачественная карамель в толченом виде. Затем он лег со мною рядом и очень тяжело дышал, и как мне казалось, несколько раз хотел заговорить о мире.

День был на удивление туманный. Сварили картофеля и попили кипятку. Наша и немецкая артиллерия немного постреляли.

Сегодня канун Преображения Господня и мысли у меня религиозные, хорошие. Будучи назначен дневальным, стоял на бруствере и уносился мыслью в родную семью и Петроград.

Проснулся часов в 7 утра. Поели супу, пропели по молитвеннику литургию. В 12 час. сварил картофель, поел с маслом, которое выдали вчера. После обеда пели песни и в землянке, и пели недурно. Шел сильный дождь. Вечером батарея сменилась другой. Мы остались на месте.

7 августа. Проснулся часов около семи утра. Новый артиллирийский офицер был молодой и слишком высокого мнения о себе. Придирался к солдатам из-за каждого пустяка. Все его очень не любили. Орудия оказались японскими и притом старого образца, а потому не так удобными и скорострельными, как у предыдущей батареи.

Сегодня помыл белье, хотя и в холодной воде, но ничего хорошо. Вечером артиллерийский офицер передал нам, что

ночью предполагается наступление, и потому в 3 часа ночи орудия начнут стрелять. Нам было приказано не спать с 12 часов. Когда стемнело, мы развели в землянке уютный огонек и, сидя вокруг его, спели несколько песен и молитв.

Ночью стреляла наша артиллерия. Выстрелы следовали один за другим редко, но команду было слышно на версту. Видимо командир батареи не столько стрелял по немцам, сколько учил в первый раз стреляющую по неприятелю батарею [1]). Со стороны противника долго не было ответа, а потом начался обстрел сначало окопов, а потом батареи. Попаданий было мало. Стреляли немцы долго, но с таким же результатом.

Около обеда заходил к нам командир полка. Командир поздоровался с нами, осмотрел аммуницию и ружья, и пожелав нам всего хорошего, ушел. На вид командир полка очень симпатичный господин, полный сил и энергии, повидимому, не из трусливых. Совсем еще молодой.

Возвращаясь обратно, он подтянул артиллерийского офицера за то, что батарея не стреляла. Но стрелять они не могли— не было еще наблюдательного пункта. Скоро два орудия уехали, и выяснилось, что вечером наши войска отойдут на заранее подготовленную позицию. Мы пошли лесом вслед за орудиями.

Пришли в одну деревню, где нам выдали пищу, сахар, табак и сухарей, а затем прошли далее на другую деревню, где и расположились на ночлег. Нашего взвода два отделения пошли в заставу.

9 августа. Разбудили в 4 часа утра, а затем повели в лес, где приказали рыть окопы. После обеда наше отделение пошло к своему взводу, в деревню. Там, попив чаю, я уснул. Проснувшись, получил свой хлеб. Ночью рыли окопы, а я стоял дневальным.

Утром сменился с дневальства и немного уснул, потом разбудили и приказали быть готовыми. Скатал шинель и опять уснул. Около обеда принесли письмо от жены. Она пишет, что мой милый сынок Павлуша начал ползать, вокруг комода ходит.

Сегодня противник по всем направлениям обстреливал нас орудийным огнем. Сегодня меня назначили дневальным, а взвод пошел делать козырки. Через час прискакал конный разведчик и приказал немедленно идти взводу к роте[2]). А мне было при-

---

[1]) Батарея оказалась вновь сформированной и совершенно необученной. (Ред.).

[2]) Общий отход корпуса с Вилькомирских позиций, на позици у Мейшаголы, вследствии прорыва неприятеля на ковенском направлении (Ред.)

казано остаться здесь, ожидая дозоров, и держать связь с 8-м полком.

Дозоры долго не приходили и я не знал, что делать: ожидать ли или идти. Скоро я увидел одного товарища: стали ждать вместе, но так как дозоры все еще не шли, мы решили идти вместе в роту. Но куда идти, мы не знали, так как роты уже ушли. Долго блуждали мы лесом, пока случайно не встретили конного разведчика, который сказал, что полк ушел уже далеко. Ни наших не было, ни немцев. Оглядываясь на лес, мы ожидали с минуты на минуту немецкие раз'езды, но никто не показывался. Скоро мы нагнали два отделения нашей роты, служившие прикрытием артиллерии. Тут мы узнали, что полк отступил так поспешно, что не успели снять многих постов и секретов[1]), хотя немцы не думали нас преследовать. В Вилькомире мы нагнали свою роту и пошли дальше. Шли всю ночь

11 августа. Шли все утро непрерывно по направлению к Вильно. Изрядно промочил дождь. По дороге обедали. Вечером пришли в деревушку, где нашу роту поместили в сараях. Вскипятили чаю и уснули очень хорошо на сене. Хотя ротный командир и сказал, что простоим здесь два дня, но утром разбудили рано и приказали тотчас же приготовиться к выступлению. Вчера получил жалование за четыре месяца 3 руб. 60 коп, за медаль 4 р. 50 коп. и за табак 89 коп.

Наскоро выпил две кружки чаю и надев аммуницию, пошли. В местечке Монтеголишках(?) остановились на обед. Около 4 часов наш полк выступил из местечка и, отойдя верст шесть, остановился около небольшой деревушки.

Роты пошли выбирать позицию, наша была назначена в батальонный резерв и встала под горкой, причем нам было приказано вырыть одиночные окопы. Выполнив эту задачу, поужинали.

Батальонный командир, видимо, сильно трусил[2]), то и дело звонил в штаб по телефону и не был уверен, что мы здесь устоим. Действительно, вскоре пришло приказание отходить к штабу полка. Здесь стояли и очень зябли, так как шинели были скатаны; потом натаскали соломы и улеглись. Скоро нас под-

---

[1]) Опасность грозила не сзади, а сбоку. Полк экстренно выступил и шел в боковом авангарде. Дозоры—12 стрелков., которых не успели во-время предупредить, соедин. через 3 дня (Ред.)

[2]) Раненый раз в грудь навылет, второй раз навылет в спину, батальонный командир Ч., не представлял к этому времени войны парадной картины мужества, но прекрасно разбирался в обстановке и сознавал всю опасность положения 5 рот, оставленных в арьергарде, в 15 верстах от своих, перед непр. (Ред.)

няли и, отведя на несколько саженей, приказали рыть окопы и землянку ротному командиру.

13 августа. На рассвете закончили землянку и вскипятили чаю. Вскоре проснулся ротный командир и приказал окапываться, но лишь только приступили к работе, как приказали собираться идти вперед. Вперед прошли немного, но, очевидно, ротный командир затруднялся выбором дороги, долго водил с места на место [1]).

Мы пришли к месту расположения сотни казаков, и, продвинувшись дальше ползком, залегли. Наше отделение выдвинулось на опушку леса.

Оттуда мы стали замечать перебежки немецких цепей и кавалерийские раз'езды. Последние мы рассматривали и не могли открыть огонь, так как не знали наши или немецкие. Подпрапорщик и взводный командир ушли на другую сторону окопов и оттуда что-то сильно кричали. Наконец они приказали, чтобы мы отходили и сами быстро побежали вперед.

Лишь только мы их догнали, с левой стороны показались на горе два всадника, по которым мы несколько раз выстрелили. Подпрапорщик нашему отделению приказал тихо отходить отстреливаясь, а сам со взводным во все лапатки побежал в тыл.

Не зная, куда нам идти, мы поспешили за подпрапорщиком и встретили по дороге казаков. Тогда пошли тихо, понимая, что в лесу нам не страшна кавалерия противника.

Один больной татарин не мог идти дальше и, конечно, попал в руки немцев. Шли мы без отдыха и страшно устали. По пути нам встретился старичок—местный житель, которому отделенный приказал идти обратно, несмотря на его уверения, что он вел нашего полкового командира [2]) и тот заплатил ему 5 рубл. Старик не мог идти, один стрелок погонял его прикладом. По дороге отделенный ударил одного прикладом просто за здорово живешь. Наконец, мы вышли на поляну, откуда виднелись наши окопы. Здесь мы посидели, при чем я сильно поспорил с отделенным из-за стрелка, которого он ударил. Когда пришли в деревню, наша рота обедала и нам мало осталось борща и немного хлеба. Едва успели поесть, как приказали собираться. Водили нас с места на место, но привели сюда же порядочно измучив. Здесь в овраге думали лечь, но

---

[1]) Рота ходила на поддержку нотесненых казаков, но выяснив развертывание целой неприятельской кавалер. дивизии, спешно отошла. (Ред.)

[2]) Проводник, выведший почти окруженной арьеград по лесным тропинкам У нас только 1 стрелок пропал без вести. (Ред.)

нам приказали рыть одиночные окопы. Недолго поработали как разрешили спать. Но не успели уснуть, как приехала кухня роздали обед и потом послали за лесом.

14 августа. Утром строили убежища. Мы скоро справились с этим делом. Часов в 5 утра приказали одеваться и быть готовыми к выступлению, в это время под'ехал командир бригады и спросил, зачемъ выстроилась рота.

Вскоре выстроились и пошли по оврагу в деревню, окруженную проволочными заграждениями. Там, поблуждав немного, два отделения были отданы в распоряжение 8 роты и оказались в горохе. Прибыл пулемет, но его поставили сзади и нас отвели туда. Начали рыть новые окопы, но пришла связь и приказала отходить. При всех этих передвижениях последних дней чувствовалось отсутствие порядка, дробление рот, нам кроме того не указывали задачи [1]).

С полуночи я стоял дневальным, а другие таскали лес. Выспался хорошо и проснувшись вспомнил, что сегодня праздник Успения Пресвятой Богородицы. Вскоре приказали рыть землянки, а затем выстроили и опросили у кого плохие сапоги и одежда. Вечер прошел в устройстве козырьков для окопов и в рытье землянок.

16 августа. На рассвете пришли в землянки и улеглись спать. Проснулись уже днем. Потом нас выстроили и вызвали четырех стрелков, уснувших ночью на работе. Их больно избил подпрапорщик, а мы были свидетелями того грустного явления, как били нашего воина-страстотерпца Очевидно, начальство имело целью устрашить солдат страхом наказания, полагая что таким способом можно поднять боевую дееспособность русского солдата, но как я заметил из настроения и разговоров солдат, результат получается обратный. Каждый солдат в битом видел самого себя и, несмотря на старанье честно выполнить свой долг, никто из нас не может сказать, что завтра он не подвергнется той же участи по какой-нибудь случайной провинности.

Вечером нас повели на помощь рядом стоящему полку [2]), но заблудились и до полуночи не могли найти его. Когда до-

---

[1]) Полк занял заранее укрепленный участок позиции у Мейшаголы (в переходе к северу от Вильны). В зависимости от указаний и поправок командира полка и командира батальона изменялось расположение мелких частей, что вызвало в них неблагоприятное впечатление. (Ред.).

[2]) 5. Финляндский стрелковый полк был прорван 16 августа, и на помощь ему были двинуты 2 резервные роты 6-полка, которые вводились в бой малыми

шли до него, то многие измучились, идя по болоту. Расположились в лесочке; здесь был выдан ужин, и по обыкновению заставили рыть окопы, но потом изменили приказание и повели на позицию полка. Нашу роту повел полуротный командир.

17 августа. Когда мы шли по дороге, пули с жалобным свистом пролетали над головой. Пришлось спуститься в канаву и, пригибаясь, идти по направлению горевшего дома. Спустились к речке, перешли ее и остановились в лощине.

Батальонный командир стоящего здесь полка, приказал нам вправо занять позицию и окопаться. Впереди шла частая ружейная перестрелка и шли оттуда, опираясь на винтовки, раненные. Когда мы окопались, впереди стоящая рота в беспорядке отступила назад. Мы пропустили бежавших и сами стали отходить назад.

Около речки мы хотели остановиться и встретить немцев, но, как обыкновенно в таких случаях бывает, команды никто не слушал, да и командовать было некому. Ротного командира с нами не было, полуротный куда-то исчез, только слышно было как ругался подпрапорщик, но дела мало делал.

Мы все перешли на другой берег речки и остановились на опушке леса, где стояла патронная двуколка, из которой я взял одну цинку и развинтил, думая, что мы дадим отпор врагу. Здесь же собирались беглецы из другого полка. Мы рассыпались в цепь, но пришел приказ отходить назад. Отошли, немного и залегли вдоль дороги и стали окапываться. Влево я увидел наших солдат, поспешно отходивших. Опасаясь обхода и мы двинулись, не зная куда, так как общего руководителя не было. Остановились... Скоро подпрапорщик нашел дорогу и привел туда, где был весь полк. Если бы впереди нас стоявшая рота продержалась бы 10—15 минут, то, я думаю, немцы были бы отбиты с большим уроном.

Затем нас развели по окрестным холмам, и мы окопались. Меня с отделенным послали охранять дорогу. Перед вечером нам приказали перейти в наступление. Мы рассыпались цепью и пошли леском. Выйдя за лесок, мы увидели немцев, которые окапывались в лощинке. Мы открыли огонь по ним, на что они отвечали тем же. Вышли из лесу и заняли возвышенность.

пакетами и потому только увеличивали количество сбитых с позиции войск. Увлеченная бегущими другая полурота роты Штукатурова 17 августа докатилась до Вильны, в то время, как 6. полк, также отходивший назад, неожиданным переходом в контр — атаку, сбил немцев и захватил части 3 немецких батарей— из них одно орудие взято на участке Штукатурова.

Вскоре был убит наш взводный, а затем и отделенный [1]). Где мы лежали, воздух пронизывался десятками пуль.

Левее нас зашла немцам во фланг седьмая рота и немцы начали убегать. Мы с криком „ура“ бросились вперед и преследовали немцев до окопов, которые мы оставили ночью, при чем было взято одно орудие, четыре зарядных ящика и несколько нижних чинов. У нас во взводе потери—два убитых и один раненый.

Только мы остановились, как пошел проливной дождь и страшно нас измочил. Я очень устал, еле передвигал ноги и страшно хотел пить. Скоро меня позвали к командующему ротой, который под проливным дождем послал меня отыскать местонахождение рядом стоящего батальона нашего полка. Я, едва передвигая ноги [2]), пошел по окопам и прошел их до конца, но стрелков не встретил. Несколько раз пил воду из луж, хотя понимал, что этим еще более расстраиваю и без того больной желудок. Но жажда мучила ужасно.

Возвратясь обратно, я нашел свою роту на горе в землянке, но ротного командира не было и мне пришлось идти искать его. Найдя его, посидел с ним в окопах. Вскоре сказали, чтобы роты встали на свои прежние места. Когда стало вечереть, пошли к месту расположения батальона. Я чувствовал сильную головную боль и очень озяб, так что не думал на утро подняться.

Прийдя на место, мы заняли свои землянки, и я, раскатав шинель, улегся. Но противник в это время бросил несколько снарядов в место нашего расположения. Батальонный командир перепугался [3]) и удрал в окопы, куда скоро перевел и всех нас. Когда обстрел прекратился, мы возвратились на прежнее место. Пошел в землянку и уснул тяжелым сном.

18 августа. Утром меня разбудили и приказали вместе с другими, нести раненого немца. Недалеко от нашего располо-

[1]) Это—при потере 3 человек во взводе. Геройская работа тех самых младших начальников из солдат, к которым так строго относится Штукатуров. Работа руководства на современном поле сражения вообще ускользает от солдатского взгляда, и критические замечания являются даже при таком блестящем эпизоде, каким был внезапный приход 6. Финляндского стрелкового полка 17 августа в контр-атаку. (Ред.)

[2]) Общее утомление полка после суток боя, в течение коих сначала отошли на 6 верст, затем, почти бегом, двигаясь в атаку, вернулись в исходное положение. Страшная путаница между ротами. (Ред.)

[3]) Неприятельские гренадеры произвели контр-атаку, чтобы отбить потерянные немцами 12 орудий. Нам удалось вывести только 5 орудий, остальные, лежавшее между нами и неприятелем, в течение двух ночей удалось убрать немцам Пользуясь тревогой, отдельные отрезаные партии немцев, оказавшиеся в нашем тылу, убегали, перепрыгивая через наши окопы. (Ред.)

жения лежал молодой еще немец с простреленной ногой. Он—бедный—всю ночь пролежал под дождем и сильно прозяб.

Его положили на палатку и тихо внесли в землянку. Батальонный командир приказал нагреть чаю, немец очень опасался, что лишится ноги, но один прапорщик, умеющий говорить по-немецки, уверил его, что ногу ему вылечат в России. Он—38 полка [1]). Вскоре пришли санитары и отнесли его в околодок.

Мы пошли в роту, но по пути увидели, что стрелки пьют чай. Мы вскипятили тоже, и с великим наслаждением выпили кружки по три. Мы заняли в окопе крайний козырек. Вправо слышалась артиллерийская стрельба как с нашей стороны, так и со стороны противника.

Перед вечером наш один взвод пошел в демонстративное наступление. В окопах было чрезвычайно холодно стоять, так как дул холодный ветер и шел дождь. Ночь не спал.

Утром много молился, так как сегодня день смерти моего папаши. Несколько раз помянул его. Сегодня меня назначили за отделенного начальника, хотя мне эта должность и не очень по-душе. Вчера и сегодня по всему фронту шла сильная артиллерийская стрельба. Ночью мы выставили сторожевые охранения. Сегодня выдали белье и ремешки.

20 августа. Утром нас сменили и повели было в полковой резерв — идти нужно было осторожно, что бы не попасть под обстрел неприятельской артиллерии. С дороги вернули обратно и повели на помощь одного из полков нашей дивизии. Выходя из леса, мы попали под артиллерийский обстрел. Снаряды стали ложиться очень близко, и потому мы рассыпались в разные стороны и залегли за кочками и бугорками. Противник все сыпал и сыпал снаряды, но мы лежали без урона. Потом по одиночке накоплялись в вырытых раньше окопчиках, куда скоро собралась вся рота.

По направлению к нашей роте шло много раненых того полка [2]), которые говорили, что одна рота ушла в плен. Я занял блиндажик, но, когда начался артиллерийский обстрел, ко мне набилось еще человек пять. Я хорошо уснул. Проснувшись, увидел, что стрельба утихла. Вечером подвезли ужин, но я не ел, потому что уже дней пять у меня болел живот, а в околодок с позиции попасть довольно затруднительно. Вечером я

[1]) Ландверного. Типичное отношение русского солдата к раненому врагу... (ред.).

[2]) 8. Финляндского. (ред.)

назначил двух человек в дозоры, а затем уснул. Проснувшись с восходом солнца, умылся и немного позавтракал. Солнце светило ярко—занялся тщательной чисткой одежды от грязи и насекомых. Сегодня меня и некоторых других позвали к ротному комадиру, а оттуда в штаб полка, за получением георгиевских крестов 4. степени [1]). Из роты пошло 6 человек. Мы пошли лощинами, скрываясь за гребнем бугорков, чтобы не быть видными противнику. Сделавши большой крюк, наконец, пришли в деревню, где был расположен штаб полка. Явились к батальонному командиру. Последний приказал явиться полковому ад'ютанту. Ад'ютант сказал подождать, но ждали его 6 часов. Потом явились ему снова. Тогда нам было приказано идти в ближайшую роту, где подождать утра, и тогда обещали выдать награды. Тогда мы пошли к батальонному, и тот отправил нас в свою роту. Так мы, не получивши ничего, пошли обратно. Удивительно не везет мне с этим крестом, пятый раз меня представляют и все не могу его заполучить. Сегодня распространился слух, что наш полк сменится в эту ночь, но этого не произошло.

22 августа. К утру открылась сильная стрельба. Мы вскипятили чай и закусили. Слава Богу, болезнь моя окончательно прошла. Ночью ходил с дозором к другому полку. Всю ночь шел дождь. Утром вскипятили чай, а затем уснул. Сегодня воскресенье. Вспоминается былая жизнь в Петрограде. Воскресенье для рабочего человека—важный день, отдых, сон и много свободного времени.

Зачем-то приходил командир полка к месту расположения нашей роты. Он шел по верху окопов. Несколько человек было поставлено под ружье за то, что не имели должного количества патронов при себе. Вечером рота пошла на работу, а я стоял дневальным. Весь день шел дождь.

24 августа. Сегодня с утра нас потребовали в штаб полка за получением наград. Окружным путем, расспрашивая встречных, мы дошли до имения Бобриковщизна, где стоял штаб полка. Там мы встали недалеко от офицерского собрания, расположенного в доме помещика, и укрылись от дождя под группу развесистых лип. Нам пришлось ожидать долго, так как приехал командир бригады и сидел в офицерском собрании. Музыка играла там, а мы все мокли и зябли. Часа в четыре

[1]) За взятие трех германских батарей и успешный контр удар — полку дано по 6 крестов на роту. (ред.)

командир бригады уехал, а нам было приказано выстроиться. Вышел командир полка с ад'ютантом и началась раздача крестов. Командир полка каждого спрашивал, кто он и за что награждается, и как действовал в бою. Конечно, каждому пришлось заранее придумать причину, так как не все знали точно, за что их представили. Потом мы пошли к писарю, но дома его не застали. Отправились в кухню, думая пообедать, но пища не была еще готова, тогда пошли в одну деревушку и там согрели кипяток. В это время противник сильно обстреливал тяжелыми снарядами соседнюю горку. После каждого разрыва вздымался вверх столб земли и осколков. Мы к вечеру вернулись в роту. Сильно утомился я за этот день и скоро крепко уснул. Вечером разбудили, чтобы идти на работу, делать козырьки. Проработали всю ночь.

25 августа. Проснулся, когда солнце уже смотрело в окопы. Весь день шел дождь. Укрылся в землянке, где писал письма жене и брату.

Утром вскипятил чай. После обеда чистил винтовку. Прочитал газету „Киевская мысль" от 20 числа. Из газеты узнал очень печальные факты: все крепости сданы противнику, наши войска отступают и он подходит к Минской губернии. Видимо угасла наша боевая слава, или, лучше сказать, слава наших предков...

Перед вечером нам об'явили, что нас сменит один из гвардейских полков, а потому приказали собираться. К вечеру уснул.

27 августа. Часа в два ночи пришли нас сменять. Нас повели по очень грязной дороге, причем если кто-нибудь спотыкался и падал, ротный командир ругал, а полуротный не позволял накидывать на плечи палатки от дождя и холода. Солдаты говорили, что наш ротный командир, когда мы отступаем, всегда впереди всех. Пройдя верст пять, мы остановились в стеклянном заводе, около одного имения. Я получил письмо от жены, которое сильно меня огорчило. Она пишет, что есть слухи, что их всех переселят в Сибирь, так как возможно, что противник придет и в нашу [1]) губернию, и что тяжело раненых по выздоровлению не пускают домой, а помещают в богадельнях. Я сейчас же написал ей, чтобы она не очень верила вздорным слухам, что противник никогда не дойдет до

[1]) Смоленскую (ред.).

нашего села и что наступающая зима вообще должна задержать его наступление.

Нас поместили в заводе, где плавят и закаляют стекло. Батальонный командир приказал произвести уборку помещения, что мы и исполнили. Вечером была поверка. Потом пели песни, пока не легли спать.

Утром разбудили в пять часов и приказали кипятить чай но скоро было сказано бросить кипяток и тотчас готовится в поход. Повели нас сначала по шоссе, потом по проселочным дорогам. Идти было темно и трудно. Шли медленно и с трудом. Пришли в деревушку, и наш взводъ поместился в сарае. Погода разгулялась, туман прошел, выглянуло солнце. Нам приказали почистить одежду и постричься. Пролетело несколько немецких аэропланов, с черным крестом на крыльях. Ночью нас послали топить баню, но там уже топила другая рота. Была поверка, спать сегодня не пришлось. Завтра праздник Святого Иоанна Предтечи, а нас заставляли петь песни. Слышался ропот между солдатами, что не дают ни минуты покоя [1]).

29 августа. Как только мы встали часов в шесть утра, нес повели на учение [2]). Солдаты острили: кто говорил, что если немцы узнают, что наш полк сегодня учился, то сей-час же разбегутся, другие говорили, что ведут в баню и т. д. На учение присутствовал командир роты и батальона. Последний об'яснил нам, какое наказание грозит тем, кто отстал или сбежал из роты, и при этом указал на стрелка, который пропадал два дня. Вообще говорил, что трусость есть не только низость, но и грех. Солдаты говорили, почему тогда нашего ротного командира не предают суду [3]).

В 10 часов утра была служба, и священник сказал слово. С самого утра шла очень сильная артиллерийская стрельба по всему фронту. Пообедали, и затем побрились и постриглись. Нас выстроили и повели снова к стеклянному заводу. День был солнечный, и идти было жарко. Перед самым вечером пришли туда и разместились по старым местам. Я залез в большую

---

[1]) Любимое время для обмена мнений между солдатами — вечер после ужина. Старый порядок, столь крепкий в полку Штукатурова, умышленно лишал их этой возможности, принуждая петь общую песню. (ред.)

[2]) Традицией 6. Финляндского стр. полка было — не оставлять стрелкам свободного времени. В дни пребывания в резерве назначались обязательные учения, чтобы подтянуть вид распускающихся в окопах солдат. Боевой опыт всецело свидетельствует в пользу такового режима, впрочем очень тяжелого для солдат. (ред.)

[3]) Назначен в нестроевую роту — по неспособности командовать в бою Состав офицеров полка был выдающийся. Тем не менее, двое были преданы суду. двое — исключены с волчьими билетами, 3 — 4 предложено перевестись.

печку и спал там. В других ротах была поверка, у нас ее не было. Рассказывали, что немцы трижды выбивали наших гвардейцев из окопов, но те доблестно вновь занимали их.

Утром разбудили в 4 часа, вывели на шоссе, потом свернули и повели, по слухам, на правый фланг гвардии. Пришли в одну деревушку, составили ружья в козла, раскинули палатки и замаскировали их от аэропланов. После обеда я немного уснул. Проснулся и услыхал, что всем приказано спешно готовиться к выступлению. Весь полк двинулся вместе и пошел по направлению выстрелов. Потом говорили, что немцы прорвали в одном месте расположение одного из лучших гвардейских полков. Мы встали в саду одного имения на грядках капусты и других овощей. Вечером приказали раскинуть палатки.

Нам очень не хотелось расставлять, но кое-как сделали это и улеглись. Получили хлеб, сухари и мыло.

День и ночь шла оглушительная стрельба. Мы ежеминутно ожидали, что нас потребуют на помощь, но обошлись без нас.

31 августа. Проснулся, сильно зябли ноги. Немного походил и снова улегся спать. Немного спустя, сходил за водой, вскипятил чай и закусил. Помыл белье. Ждали с минуты на минуту тревоги и, действительно, приказали было снимать палатки, но потом отменили. Вечером стало известно, что немцы отступают. Пообедали. К ночи стрельба немного стихла.

1 сентября. Разбудили полк в 3 часа, и через час мы снялись с бивака. После почти двадцативерстного марша по трудной дороге пришли в польское имение у небольшого лесочка. Запылали огоньки, в котелках закипела вода. Рассказывали, что немцы ночью чуть не взяли нашу батарею; только благодаря бронированным автомобилям нам удалось отвести ее обратно. Я сам ходил смотреть бронированные автомобили с пулеметами; вещь—очень хорошая, только не везде применимая. Только на шоссе можно пускать их в ход... Сделали уборку и расставили палатки и пели песни. Кругом шла артиллерийская канонада.

На другой день утром было назначено учение, на которое пошли, попив чаю. Оно продолжалось два часа и по обыкновению сопровождалось рукоприкладством и ругательствами.

Сегодня купил булку за 15 коп., коробку печенья и монпансье. Вечером приказали готовиться, и в 8 часов выступили. Шли очень быстро и страшно устали. Ежеминутно спотыкаясь, мы, пройдя несколько оврагов, встали на позицию.

3 сентября. На рассвете сменили один из сибирских полков. Окопы они оставили нам очень хорошие. Ротный наш командир и полуротный заболели, а потому командует ротой прапорщик другого батальона. Он приказал днем ставить только одного наблюдателя, а ночью нельзя спать никому.

Многие легли спать, но скоро пришел батальонный командир и ногами расталкивал тех, кто заснул. Стоял сильный туман. Лишь только туман стал рассеиваться, мы стали замечать цепи окапывающихся немцев. Хотя обстрелять их было очень удобно залпами с расстояния 1500 шагов, но нам не приказали обнаруживать себя, а потому мы доложили ротному командиру. Последний не приказал стрелять, но скоро началась сама по себе одиночная перестрелка.

Противник открыл по нас артиллерийский огонь тяжелыми и легкими снарядами. Со страшным грохотом рвались вокруг меня „чемоданы“, но благодарение Господу Спасителю, ни один снаряд не попал в тот окоп, в котором я сидел, хотя в соседней роте один тяжелый снаряд завалил землей и похоронил целое отделение.

Часа в два дня густые цепи немцев начали спускаться с горки в лощину против нашего фронта. Шли они очень спокойно, мы открыли по ним частую ружейную стрельбу, но в виду того, что заранее не пристрелялись и не определили дистанцию, попаданий было мало. Немного спустя мы пристрелялись и ни один из них не мог идти безнаказанно. В то время, как мы расстреливали атакующую нас пехоту, противник усиленно угощал нас из орудий. Снаряды рвались с ужасающей силой, от грохота болела голова, было темно в глазах, дым застилал все и ежеминутно думалось, что лопнут барабанные перепонки. В нескольких шагах от меня разорвался шестидюймовый снаряд и меня так ударило воздухом, что я думал, что хлынет кровь изо рта и носа, но обошлось благополучно. Противник залег за горкой шагах в 300 от нас и не показывался. Мы приготовились отразить атаку, но неприятель не шел с фронта, а делал попытки охватить наши фланги. Это тоже ему не удалось [1].

Противник сильно зашел левым флангом и наша рота несла большой урон от тыльного огня. С наступлением сумерек мы полагали, что вот-вот немцы возобновят атаку, но они не шли вперед.

---

[1]) У Тартака, на берегу Вилии (выше Вильно) 6 финляндск. полк в тяжелом бою отразил попытку немцев расширить район Свенцянскаго прорыва. 25% полка (около 300 человек) выбыло из строя в этот день, преимущественно от огня тяжелой артиллерии (Ред.)

Если у противника было только силы, что мы видели днем, то, по моему мнению, теперь нам самим было нужно перейти в наступление. К сожалению, многие наши солдаты слишком боятся наступать. Я, слава Богу, чувствовал себя совершенно спокойно [1]).

Так как каждую минуту могло последовать отступление, то я вынул из сумки самое дорогое для меня: иконку Св. Николая Чудотворца, и положил ее в карман. Ноч была очень темная и нужно было быть настороже, но страшно хотелось спать Последнюю ночь не спали, весь день прошел в напряжении, мне стоило громадных усилий, чтобы не уснуть.

Часов в 10 нам приказали без шума отходить. Спотыкаясь на каждом шагу в темноте, мы шли назад. Батальонный удрал вперед, предоставляя ротным командирам вести людей.

Стал накрапывать дождь и ночь была такой темной, что рядом стоящего человека не было видно. Приходилось идти по слуху, конечно, падая и спотыкаясь ежеминутно.

Сегодня, если бы у нас было столько же артиллерии, как у противника, он понес бы большие потери [2]). Мне очень хотелось пить, так как целый день у меня не было во рту ни одной капли воды. Услышав близко журчание ручья, я пошел туда, но стремглав полетел вниз. Опомнившись, увидел, что отделался только ушибами, выпил залпом две кружки воды и немного торопливо налил во фляжку.

4 сентября. Утром пришли на дорогу, которая вела в горку, покрытую высоким красивым лесом [3]). Здесь по обеим сторонам дороги встали в окопы, заранее приготовленные. Спать так хотелось, что я дремал на ходу. Здесь с удовольствием попили чаю и затем я уснул. Днем несколько раз принимался идти дождь. Потери за вчерашний день в нашей роте — 35 человек убитых и раненых. В других ротах потери были более значительны.

Мы думали, что здесь будем ожидать немцев, но вечером внезапно приказано было отступать. Перешли мост через Вилейку и пошли влево. Идти было неудобно: грязь, дождь и непроницаемая темнота.

---

[1]) Мысль о наступлении, всегда сильная в полку, после большой удачи 17 августа пустила новые корни. Замечание Штукатурова об общей несклонности русских солдат к атаке — совершенно верно. (Ред.).

[2]) Против 10—12 немецких батарей, из коих большая часть—тяжелые, у нас была только 1 легкая батарея с недостаточным количеством снарядов, снявшаяся с позиции в самую трудную минуту боя. (Ред.).

[3]) Знаменитое имение „Верки“ (бывший майорат князя Гогенлое) в 4 верст. от Вильно. (Ред.).

Очень устали, разбили ноги и выбивались из сил [1]).

Утром на следующий день остановились на поляне, а затем пошли дальше в лес. Пройдя несколько верст, встали у домика. Вскипятили чай, у огня обсушились и улеглись. Часа в два выступили и, покружившись, вышли на дорогу.

По дороге шли длинной вереницей повозки обозов и полки. Трудно было двигаться в этом нескончаемом море людей и лошадей. Наконец вошли в ряд хуторов, расположенных недалеко от дороги. Тут нас квартирьеры развели по сараям; нашему взводу места не хватило. Скоро, однако, нас повели в избу, где мы улеглись. Дали обед. Ночь спали.

6 сентября. В 5 часов утра вышли на дорогу, по которой шли другие полки. Вели нас ускоренным маршем [2]), так как противник слева напирал. У нас была задача, по словам батальонного командира, прикрыть отступление.

Привели на гористую местность и 2 батальона пошли на позицию, а наш батальон в резерв, в деревню. Нашу роту поместили в огород, близ сарая. Только что вскипятили котелки, как нашим ротам приказали построиться, а затем бегом повели на горку, где и приказали окапываться. Чувствовалась тревога, паника, особенно на правом фланге.

Вскоре наши войска начали отступление. Наша рота снялась последней, но лишь только мы начали отходить из леса, как над нашими головами начала рваться шрапнель, но к счастью противник брал немного высоко и мы пробежали сравнительно благополучно. Только одного Калиныча ранило, а одного убило [3]).

Полк наш остановился около деревушки, где приказано было окопаться. Почва была болотистая, углубляться было нельзя: мы сделали прикрытие из нарезанных дернин. Начало темнеть. Чтобы было хоть что-нибудь видно впереди, наши запалили близ стоящую деревню. Целое море пламени бросало свет далеко вперед. Было очень холодно и шел дождь. Ноги увязали в болоте. Я было лег, но вода стала наливаться за ворот, и я страшно озяб. Тотчас вскочил и немного побегал.

---

[1]) Отход от Вильны,—на полк опять выпала самая трудная задача бокового арьергарда. (Ред.).

[2]) Полк скользил вдоль фронта неприятеля; долженствовавшие прикрывать марш, не дождавшись нашего прохода, исчезли. (Ред.).

[3]) Это благополучное, но весьма поспешное (частью бегом) отступление явилось следствием глубокого прорыва немцев правее и сзади нас. После короткого отхода —6 полк опять назначен в арьергард прикрывать устройство других частей. (Ред.).

С наступлением ночи началась ружейная перестрелка влево от нас, но вскоре прекратилась.

Оттуда передавали, что противник наступает и слышны были крики. Один наш трусишка пронзительно крикнул: „спасайся, кто может...“ но вскоре опять успокоилось. Однако прошло не более получаса времени, как открылась в ночной темноте частая стрельба. Из соседней роты нам передали, что немцы забрали одну из наших рот в плен [1]) и стоят шагах в 200 от стоящей налево от нас роты. Общее руководство всеми утратилось в ночной темноте, каждый делал, что хотел. Кто отходил, кто занимал еще окопы. Слева к нам несколько раз заходили стрелки соседней роты и просили доложить нашему ротному командиру, что им делать дальше. Но ни нашего, ни их командира не было. Недалеко от нас раздался возглас из цепи наступающей немецкой пехоты на русском языке: „сдавайтесь“. В ночной тишине этот возглас несколько раз повторялся.

Скоро нам было приказано отходить левым флангом и окопаться лицом к леску, что мы и сделали. Оттуда нас обстрелял противник, но в атаку не пошел. Когда прекратилась стрельба, нам приказали отходить за деревню, где после некоторого брожения с места на место мы начали окапываться. Не успели мы выбросить несколько лопатокъ земли, как приказали прекратить работу и идти в те окопы, из которых мы вышли. Мы исполнили приказание [2]).

Из виденного и пережитого мной за последнее время приходится сделать заключение, что главное горе наше происходит оттого, что мало хороших, преданных делу, офицеров. Правда, и в нижних чинах нет прежнего задора и гордости, как в начале войны, но все же при хорошем руководстве много можно сделать. В войсках нет прежнего под'ема, видимо, люди устали, есть равнодушие ко всему, но слава Богу, уныния нет [3]).

7 сентября. Утром мы ожидали, что противник откроет артиллерийский огонь по нашим окопам и разрушит их, а

---

[1]) Ложный слух. При расположении в полной темноте нашего полка и неприятельского авангарда на одном рубеже произошла полная путаница наших и неприятельских частей. (Ред.).

[2]) Позади было удобнее, но для смычки с соседним полком пришлось вернуться назад. (Ред.).

[3]) Это замечание относится к самому трудному периоду жизни нашей армии—концу безконечных отступлений 1915 года. В этот момент вообще никаких офицеров не оставалось, и 6 полк, за отсутствием хотя бы кое-как подготовленных прапорщиков, мог наскрести только 8 ротных командиров, и начал сливать по две роты в одну. (Ред.).

потому каждый, как кто мог, улучшил свои окопчики. Место явно было выбрано неудобным, но нам приказали сидеть именно здесь, и мы сидели.

Вскоре в лесок потянулись неприятельские кухни и обозы, но мы ничего не могли поделать, кроме того, что докладывали каждый раз ротному командиру. Результата не было, и немцы ездили в лес и из леса и ходили колоннами. Бездействие нашей артиллерии вызывало досаду солдат тем более, что немцы и по одному человеку не жалеют выпускать снаряды [1]). А мы по такой хорошей цели не открывали огня; ружейные пули, которыё мы усердно выпускали, давали мало поражений на такой дистанции. Часов около 10 противник открыл частый и меткий огонь из орудий по нашим окопам. Страшный треск рвущихся снарядов оглушил меня. Кругом нас настолько изрыло землю снарядами, что дерном и землею с ног до головы засыпало нас. Несколько окопов было разбито. Человека 4 убило и несколько ранило.

Несколько человек, схватив винтовки, побежали в другое место, я решил остаться до конца, положась на волю Господню. Когда противник перестал стрелять, я, оглянувшись, увидел, что в окопах осталось нас человек 15, а остальные убежали. Через полчаса или около этого противник опять открыл артиллерийский огонь и вместе с тем затрещал пулемет. Я посмотрел вперед, и хотя немцев близко не увидел, но понимая, что такой незначительной горстью людей нельзя защищать окоп, я побежал вместе с оставшимися со мной стрелками к деревушке. Мимо нас с визгом пролетело несколько пуль, но меня не задело. Придя в деревушку, я присоединился к ротному командиру.

Видя, что мы отходим, другие роты тоже показались из окопов и побежали. Таким образом началось общее [2]) беспорядочное отступление. Ротные командиры бродили без солдат. Мы пробежали мимо батареи, которая все еще продолжала стрелять. Видя, что мы отходим, батарея быстро подала передки и ускакала. Мы кое-как начали разбираться и строиться. Навстречу нам шли новые войска. Я нашел иодпрапорщика своей роты и вместе с ним присоединился к остатку роты. Мы соста-

---

[1]) Мы были выиуждеиы к экоиомии сиарядов, но в это утро обнаружили вблизи огромный квартиробивак немцев, очевидио предполагавших иаше безостановочное отступлеиие, и артиллерийским огнем, с рассветом, произвели у немцев большую панику. Нужио не забывать, что в это время, в 50—100 верстах в иашем тылу хозяйничала иемецкая конница, мы были как бы окружены, подвоз был пресечен. (Ред.).

[2]) Общее—иеверио. Отступили только две или три роты, оказавшиеся почти без окопов на чнстом мокром грунте. (Ред.).

вили как бы отделение. Здесь нам пришлось нести цинки в штаб полка. Под'ехал батальонный командир, приказал, возвратившись из штаба, идти в резервный батальон. Не найдя штаба на прежнем месте, мы блуждали и увидели, что наш полк пошел в наступление, навстречу попадалось много раненых. Товарищи хотели нести цинки обратно, но я сопротивлялся этому, так как, может-быть, нашему полку не хватает патронов, пока мы ходим взад и вперед, полк может оказаться в затруднительном положении, и это с нашей стороны будет недобросовестно. Правда, нести цинки в поле было очень трудно; приходилось делать перебежки, неся две тяжелые цинки. На наше счастье увидели несколько человек, которые нам помогли. Я повел потом тяжело раненого и довел его до места, где были санитары [1]). Мы пошли отыскивать наши роты, но пробродив часа два, ничего не добились и решили идти в штаб полка. Мне очень было тяжко, что в то время, как мои товарищи по роте, быть-может, сражаются, я хожу, как бродяга, но ничего нельзя было поделать. Потом страшно хотелось хлеба покушать: его не получали трое суток, а пищу два дня. Но куска хлеба взять было негде.

В штаб полка нас не пропустили, а дали проводника. Проводник знал, где наша рота, не лучше, чем мы. Блуждая таким образом, мы разбились поодиночке. Я стал ждать вечера, чтобы, идя вдоль передовой линии, отыскать роту. Страшно устал.

Вечером, пробираясь вперед, я наткнулся на Сибирский полк, и ротный командир сказал мне, что наши пошли назад. Опять началось хождение. Встретил еще двух человек своего полка, которые несли тяжело раненого солдата. Они попросили помочь им нести, потом вмести идти отыскивать полк. Хотя мы очень устали, но пришлось согласиться. Мы тихо несли раненого, плечи болели от шестов носилок. Вскоре, однако, случайно наткнулись на санитаров того полка, которым передали тяжелую ношу. Мои товарищи вздумали было отдохнуть, но я посоветовал скорее двинуться в путь и отыскать штаб полка. По дороге кухня одной из рот сибирских стрелков раздавала обед; мы попросили дать нам один котелок супу. Нам налили, и мы принялись есть супъ без хлеба. Суп был жидок. Когда пошли, долго пришлось поблуждать, прежде, чем нашли

---

[1]) Совесть неспокойна у Штукатурова, так как в это время два офицера его батальона, с полусотней стрелков, несли боевую работу в цепи за весь батальон. Оправдание всегда одно—помочь патронами, помочь раненому. (Ред.).

деревню, где стоялъ полк [1]). Я зашел в сарай и лег спать, шедшие со мной стрелки зашли в избу.

Недолго спал я, холод заставил проснуться, пришлось перейти в избу. Но и там недолго удалось поспать, так как за окнами раздался сильный топот ног. Это шел один из полков нашей дивизии.

Один товарищ сказал, что скоро и мы двинемся. Действительно, только я вздумал вскипятить чай, как рота стала выходить на дорогу. Я вылил чай и присоединился. Шли всю ночь в полной темноте [2]).

8 сентября. Утром вырыли окопы и сварили картофель, но в это время в тылу нашего расположения началась стрельба. Нам приказали делать перебежки в лес, где наступали немцы. Но скоро перевели нас обратно в окопы, где я и уснул. Артиллерия противника в это время обстреливала наши позиции. Вечером привезли на ужин суп картофельный, но без хлеба или сухарей. Поужинали и тем кончился день. Точно нарочно, когда хлеба много, и суп гуще, а сегодня совсем жидкий.

Сегодня ротный командир передал радостную вещь, если только это не обман. Под Львовом мы взяли в плен около 80 тысяч австро-германских войск и что по этому поводу служат благодарственные молебствия по всей России.

Это известие меня очень обрадовало, так как в последнее время мы терпели неудачи. Если это на самом деле случилось, то сильно поднимется дух народа и войска. Дай Богъ, что бы это было так.

Пришлось в эти дни переносить и голод и холод. Я лично смирился, но многие товарищи мечтали попасть в плен.

9 сентября. Ночь провели в передних окопах, утром перешли в задние и не высовывались, чтобы не вызвать огонь неприятельской артиллерии. Около 12 часов дня пролетел аэроплан, затем неприятельская батарея обстреляла опушку леса позади нас. Немцы ночью окопались впереди нас на горе, на расстоянии версты.

---

[1]) При отсутствии той добросовестности, которая так сильна в Штукатурове, сколько предлогов для безконечных прогулок в тылу. Десятки тысяч отбившихся, частью умышленно, солдат, бродили по тылу, в то время как в ротах оставались очень немногие. У кухонь происходили как бы биржи труда — перелеты нанимались в полк за обед... (Ред.).

[2]) Все отступление велось ночными маршами, что ставило высшие требования к дисциплине войск. (Ред.).

Вечером стало известно, что нас сменят и мы отступим: когда стемнело, прислали ужин, порции мяса и немного сухарей. С голода поели очень хорошо. Артельщик мне дал две порции. Ночевали в задних окопах.

Часа в два нам приказали выходить из окопов и идти в лес по дороге; в это время впереди загорелся дом. Ротный командир очень сердился, что мы отходим во весь рост, а не ползком. Лесом пошли вправо и вышли на чистое место, потом пришли в овраг, где собрался весь полк.

Здесь набрали воды и попили, так как пить страшно хотелось: не пили почти целые сутки. По дороге прошли верст двадцать семь, и очень устали. Дорогой командир роты ударил одного стрелка за куренье, а батальонный за то, что отделенный сказал: „вот прошли 5 верст и устали, потому что отощали". Он в этих словах усмотрел ропот и грозил предать суду [1]).

В деревне, где мы остановились, нам сказали, что здесь 8 числа были два полка немецкой кавалерии, которые захватили два транспорта нашего обоза, при чем порубили прислугу и прикрытие, а в соседней деревне взяли 20 девушек и увели с собой. Часть обоза была отбита казаками.

Здесь нам выдали сахар, сухари и полусало для смазывания винтовок. Достали поросенка, закололи и сварили два котелка свинины. Спали в сарае, ночью приказали быть готовыми к выступлению.

11 сентября. Часа в два ночи нас разбудили и построили. Пошли в тыл, но шли очень медленно, потому что отступали все полки нашей дивизии, а также и сибирцы. Шли верст семнадцать и остановились в деревне, где не было воды. Кое-как достали котелок грязной болотной воды и вскипятили чай. Неприятельский аэроплан описывал над нами круги, делая разведку. Поели немного мяса. Вечером поужинали и легли спать.

Недолго дали нам покой. Въ 11 часов разбудили и приказали одеваться, а потом отвели версты две и расположились в сараях. Утром отвели назад. В 9 часов была панихида по недавно убитым в боях. Нам приказали рыть землянки. Мы скоро вырыли землянку на троих и уснули в ней. Выдали много сухарей и немного сахара. Воды трудно достать, а пить страшно хочется.

---

[1]) Хлеба не было вовсе, но полк получал в день 2—3 фунта мяса на стрелка. (Население, ожидавшее немцев, продавало скот по дешевой цене). (Ред.).

Перед вечером поднялась страшная канонада, прямо стонала земля от выстрелов тяжелых орудий. С вечера приказали одеть снаряжение и быть готовыми, но вскоре разрешили лечь в землянки. Орудия и ночью грохотали.

13 сентября. Подняли в час ночи и весь полк повели на левый фланг нашего расположения. Оказалось, что солдаты одного из пограничных полков, посланные на помощь стоявшему в окопах полку, увидев окопы, приняли их за немецкие и с криком „ура“ пошли на них в штыки. Две роты стоявшего в окопах полка, пришли в замешательство и, не зная в чем дело, выбежали из окопов, а немцы этим воспользовались и заняли их [1]). Нам приказано было их выбить из окопов, но не удалось, так как нас слишком долго водили и приготовляли; начало рассветать. Видна какая-то растерянность и неуверенность. Наша рота была назначена в резерв, а потому ее беспрерывно перегоняли с места на место по лесу. Ранило батальонного командира в спину поперек пулей. Нас отвели вперед в кустики и приказали окопаться. Выкопав окопчик, немного уснул. Подвезли пищу. От плохой воды захворал.

Влево от нас опять беспрерывно гремят тяжелые орудия. Вечером сказали, что ночью нас, наверное, сменят. Углубили окопы.

(Окончание в следующем сборнике)

---

[1]) Паника, вызванная ночной атакой небольших сил немцев на 4 Финл. стр. див.; батальон Штукатурова ходил для поддержки, к утру положение было восстановлено. (Ред.).

Силы обеих коалиций.

(Сводка данных о силах обеих коалиций в меморандуме французского генерального штаба для конференции верховного командования союзных армий в Шантильи, 2/15 ноября 1916 г.).

1. Европейские театры.

Враги.			Союзники.		
Армия.	Число дивизий.	Число батальонов.	Армия.	Число дивизий.	Число батальонов.
		Западный фронт.			
Немецкая . .	129	1.314	Французская Английская Бельгийская Русская	106 (1) 56 6 2 бригады	1.397 } (2) 728 82 } 2.219 12
		Русский фронт.			
Немецкая . . Австрийская. Турецкая. . .	64 38 } 104 2	739 475 } 1.232 [1] 18	Русская.	130	2.023
		Румынский фронт. *а)—Трансильвания.*			
Австрийская. Немецкая . .	11 9	130 } 222 92	Румынская Русская	18 9	213 144
		б)—Добруджа и Дунай.			
Болгарская . Турецкая. . . Немецкая . .	$3^1/_2$ 2 1	97 } (3) 18 } 125 10	Румынская Русская	от 1 до 3 8	от 12 до 36 116
		Македонский фронт.			
Болгарская . Немецкая . . Турецкая. . .	$8^1/_2$ 1 1	188 } (4) 15 9 } 212	Союзники	18	(5) 238
		Фронт Албанский и Черног.			
Австрийская.	2	22	Итальянская	1	33
		Итальянский фронт.			
Австрийская.	34	389	Итальянская	43	(6) 783
	ВСЕГО . . . 3.516			**ВСЕГО...**	**5.762 до 5.786**

1) Из которых 100 активных и 6 территориальных.
2) " " 315 батальонов территориальных, набранных в большинстве из запасных территориальной армии. Это количество батальонов предназначено к уменьшению.
3) Включая 24 батальона милиции.
4) " 11 батальонов "
5) из котор. 19 " этапных.
6) " " 115 " территориальной милиции, имеющие недостаточный кадровый состав и употребляемые принципиально, как этапные батальоны.

---

[1] Сравнение по фронтам в батальонах, разработанное французским штабом, весьма невыгодно для русских: упускается из виду наличие всей германской конницы на русском фронте и слабость русской артиллерии (прим. редакц.).

2. Вне-Европейские театры.

Враги.			Союзники.		
Армия.	Число дивизий.	Число батальонов.	Армия.	Число дивизий.	Число батальонов.
		Кавказ.			
Турецкая . . .	25	225	Русская	12	201
		Персия.			
Турецкая . . .	2	18	Русская	$1^1/_2$	15 приблизител.
		Мессопотамия.			
Турецкая . . .	3	27	Английская	5	80
		Аравия.			
Турецкая . . .	4	36		15.000 ч.	
		Египет и Синай.			
Турецкая . . .	2	18	Английская	4	57 170.000 ч.
		Сирия-Анатолия Фракия.			
Турецкая . . .	9	81	„	„	„
		Восточная Африка.			
Немецкая 2.000 белых. 18.000 черных.			Английская 42.000 ч. Бельгийская 11.000 „ Португальская 2.500 „		

О дезертирах [1].

(Сводка сведений за время от начала войны по 15/28 авг. 1917 г.).

Фронт. Армия.	С начала войны по 15 мая 1917 г.	До переворота.	После переворота.	С 15 мая по 1 июня 1917 г.	С 1 по 15 июня 1917 года.	С 15 июня по 1 июля 1917 г.	С 1 по по 15 июля 1917 г.	С 15 июля по 1 авг. 1917 г.	С 1 по 15 ав. 1917 г.
СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ.									
42 корпус	2750	1947	803	Не сообщено.	102	291	—	47	
12 армия	9970	6750	3220		951	2320	1646	848	
5 »	10174	7613	2561		175	142	304 [2])	333	
В частях быв. 1 ар.	2243	1768	475		107	72			
» зап. част. фронта	49193	30598	18595		100	160	398	402	
» опол. част. фронта.	449	379	70		1	1	5	2	
Итого . . .	74779	49055	25724	—	1436	2986	2353	1632	
Всего на фронте . .	—	—	—	83	186				
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.									Сведения еще не получены.
2 армия	4290	1559	2731	284	231	1844	726	248	
3 »	1504	332	1172	580	192	447	1035	944	
10 »	2116	835	1281	387	301	982	1958	385	
В част., не входящ. в состав армий	30438	10922	19516	4409	2522	2021	2440	1816	
Итого . . .	38348	13648	24700	5661	3246	4294	6159	3393	
Всего на фронте . . .	—	—	—	61	101				
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ [3]).									
7 армия.	11567	6669	4898	1280	1624	3268	6989		
Особая армия	22235	15970	6355	960	668	1559	1117		
11 » »	23665	19557	4108						
8 » »	25946	22886	3560	872	786				
Итого . . .	83313	64529	18921						
РУМЫНСКИЙ ФРОНТ [3]).									
В армиях фронта.	83846	66405	16441	4103	2236	1455	1922		
» част. подч. Начвосорум. и проч.	575	440	135	361	67	32	132		
Итого . . .	84421	67845	16576	4464	2303	1487	2054		
Всего на фронте . . .	—	—	—	94	729				
КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ [4]).	10063	6304	3759	1072					
Всего на всех фронтах .	290,924	201,381	88680						

[1]) Папка № 14 с документами для поездки Головина на междусоюзническую конференцию (по данным деж. генерала ставки). Некоторые очевидные ошибки исправлены, но ошибки в сложении оригинала оставлены (редак.).

[2]) Из них 1 офицер.

[3]) Сведение по прочим рубрикам не сообщены.

[4]) Сообщены лишь общие итоги.

[5]) На Кавказском—сведения по прочим рубрикам не сообщены.

Эвакуация раненых и больных *).

(Справка об эвакуации раненых и больных за все время войны без Кавказского фронта по данным Московского Центрального Эвакуационного Комитета по 1 сент. 1917 г.).

Статистические данные об эвакуации раненых и больных за время войны рисуют следующую картину.

Эвакуировано на распределители внутреннего района:

	Раненых.	Больных.	Всего.
За 5 месяцев 1914 г.	368.372	83.106	451.478
» 12 » 1915 г.	842.121	422.964	1265.085
» 12 » 1916 г.	987.102	629.460	1616.562
» 8 » 1917 г.	300.785	1168.150	1468.935
Всего...	**2498.380**	**2303.680**	**4802.060**

В среднем на один месяц приходится:	Раненых.	Больных.	Всего.
В 1914 году	73.674	16.621	90.296
» 1915 »	70.177	35.247	105.424
» 1916 »	82.258	52.455	134.713
» 1917 »	37.598	146.019	183.616
За все время войны...	**67.524**	**62.262**	**129.785**

В 1917 году по месяцам эвакуированные раненые и больные распределяются следующим образомъ:

	Раненых.	Больных.	Всего.
Январь	34.700	50.577	85.277
Февраль	16.245	57.423	73.668
Март	24.829	99.156	123.985
Апрель	25.658	189.118	214.776
Май	14.632	261.464	276.096
Июнь	25.236	211.341	236.577
Июль	104.107	164.927	269.034
Август	55.378	134.144	189.522
Всего...	**300.785**	**1168.150**	**1468.935**

Максимальное количество раненых в течение месяца поступило на распределители в июне 1916 г. именно 197.069, а затем в июле того же года (172.377), что является отражением боев на юго-западном фронте в период с 20 мая по 1 июля этого года. Следующие большие цифры эвакуированных раненых отмечены в августе 1915 г. (146.635) и июле того же года — (140705), как результат боев на Карпатах и общего отступления.

Максимальное количество больных: в течение месяца поступило на распределители: въ мае 1917 года (261.464), затем в июне (211.341) и апреле (189.118) того же года.

*) Составлена 7/20 окт. 1917 г. во Врачебно-Санитарн. Отделе Ставки (Папка № 14 с документами для поездки Головина на междусоюзнич. конференцию).

АНКЕТА

среди командного состава Красной армии по вопросу о практичном использовании опыта войны 1914—1918 гг.

Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. приступила к своей работе.

Одной из главных задач, поставленных ей Народным Комиссариатом по Военным Делам, является именно использование опыта нашей последней войны с современными практическими целями.

Исходя из этого, Комиссия задалась целью предоставить в распоряжение армии вполне обоснованные на опыте войны конкретные выводы, как по общим вопросам военного искусства, так и по разным специальным отделам его, избирая в первую голову то, что более всего необходимо для боевой деятельности войск.

Эту мысль Комиссия предполагает осуществить путем разработки отдельных наиболее поучительных, интересных и характерных операций, эпизодов и вопросов стратегического и тактического характера.

Однако эти труды Комиссии, работающей вдали от войск, будут в полной мере отвечать запросам и нуждам армии только тогда, когда Комиссия будет располагать компетентным голосом последней. Эти голоса должны ясно и определенно высказать, что нужно именно войскам больше всего и прежде всего, т.-е. какие именно отделы и вопросы военного искусства желательно осветить скорее.

Поэтому Комиссия обращается с просьбой доставить ей возможно скорее эти сведения, высказав подробно свои пожелания по адресу: Москва, Пречистенка, 14.

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ.

I.

На некоторых фронтах гражданской войны, как на Уральском и Южном, нам приходится вести борьбу с противником слабым пехотой, но сильным кавалерией. Сильным количественно и качественно. Казаки в старой армии считались специальным родом оружия (казак без коня не мыслим). К этому роду они подготовлялись с детства.

С детства учились езде, что называется растут на коне. В бывшую войну они, как род оружия славились, но большого применения не имели, почему и сохранили их силы. Отчасти их с умыслом сохранили как надежный специально воспитанный полицейский элемент, как опору престола. Таким образом, мы имеем сильного кавалерийского противника.

Советская Россия противопоставить свою красную кавалерию казачьей не в состоянии. Во-первых, за недостатком конского состава и амуниции (красноармейца на своем коне служить не пошлешь, так как часто на всю крестьянскую семью 1 лошадь). Каждый же взрослый казак имеет своего коня с амуницией, с которой не расстается с детства, во-вторых, мы не можем противопоставить красную кавалерию, кавалерии противника и в качественном отношении. Наездника не выучишь в несколько недель, для этого нужно по меньшей мере год, а чтобы выучить полки наездников нужно большое количество конского состава, амуниции, фуража и т. п., что для Советской России сейчас не выполнимо. Поэтому нам нужно действовать в другом направлении. Пехота при умении всегда может с успехом парализовать действия кавалерии, но лишь при умелом использовании всякого положения. Задача как можно скорее детально разработать и дать указания в красную армию: 1) способ противодействия пехотою глубоким кавалерийским обходам, 2) партизанским набегам с флангов, 3) кавалерийским атакам и вообще противодействия кавалерии пехотою и пулеметами во всех видах и комбинациях. При чем необходимо принять во внимание благоприятные условия действий для кавалерии на Южном и Уральском фронтах: во-первых, равнина и во-вторых, отсутствие искусственных препятствий (проволочные заграждения и окопы) и создать таковые при подвижности фронтов едва ли сумеем. Саратовск. уезди. инспектор

Ткачев.

II.

Сообщаю резолюцию *Командарм*: „*Первое*—армия должна быть одета, обута; *второе*—не должна голодать; *третье*—регулярно и во-время по требованию должна пополняться хорошо обученным и надежным элементом; *четвертое*—не должна испытывать особых затруднений в технических средствах ведения войны; *пятое*—школы командного состава должны выпускать не скороспелок и ограниченных боевым кругозором, а людей инициативы, знания и дисциплины“. № 01102. Наполеарм

З. Герасимов.

III.

На телеграмму *Начвсеросглавштаба* от 31 декабря № 17812 сообщаю вопросы, разработка которых наиболее желательна: 1) Наступательные и оборонительные операции, преимущественно небольших отрядов до полков с батареей включительно; 2) влияние на успех операции взаимной выручки и движения на выстрелы, отрицательные примеры; 3) разведка, связь и влияние ее на исход операции; 4) действия кавалерийских частей исключительно полков и меньше по вопросам разведки, прикрытия фронта расположения своих частей, действия на флангах и при наступательных и оборонительных операциях. № 218 Наштарм 2.

Афанасьев и политком *Соколов.*

IV.

Опыт ведения войны красной армией показал, что принципы военного искусства и приемы ведения войны остались прежними. Никаких особых вопросов, требующих особого освещения или разработки, до сих пор, по крайней мере, не возникало. Все вопросы так хорошо уже освещены опытом войны 1914—1917 годов и так общеизвестны, что вся обстановка лишь за практическим проведением в жизнь установленных принципов войны. № 753. Наштарм

Всеволодов и политком *Петров*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 20 руб.

5

